

ISSN 2073-6606
e-ISSN 2410-4531

TERRA ECONOMICUS

24
ТОМ

2026

1
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

Учредитель: Южный федеральный университет

Редакционная коллегия

Главный редактор

Вольчик В.В., доктор экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*
volchik@sfedu.ru

Заместитель главного редактора

Кирдина-Чэндлер С.Г., кандидат экономических наук, доктор социологических наук,
Институт экономики РАН, Россия
kirdina777@gmail.com

Балацкий Е.В., доктор экономических наук, *Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия*

Боровская М.А., доктор экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*

Клейнер Г.Б., доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, *Центральный экономико-математический институт РАН, Россия*

Курбатова М.В., доктор экономических наук, *Сибирский федеральный университет, Россия*

Курышева А.А., выпускающий редактор, кандидат экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*

Латов Ю.В., кандидат экономических наук, доктор социологических наук, *Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия*

Малкина М.Ю., доктор экономических наук, *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия*

Мальцев А.А., доктор экономических наук, *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия*

О'Хара Ф., доктор наук, *Исследовательская группа по глобальной политической экономике (GPERU), Австралия*

Расков Д.Е., кандидат экономических наук, *Санкт-Петербургский государственный университет, Россия*

Стриелковски В., технический редактор, PhD, *Пражская бизнес-школа, Чехия*

Ханин Г.И., доктор экономических наук, *Сибирский институт управления – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия*

Хасс Дж., *Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; Университет Ричмонда, США*

Шевченко И.К., доктор экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*

Эллман М.Дж., PhD, *Амстердамский университет, Нидерланды*

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
Тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: info@sfedu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел.: 8 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
http://te.sfedu.ru/
e-mail: te@sfedu.ru

TERRA ECONOMICUS

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

Founded: 2003
Quarterly Journal
**Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958**

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vyacheslav Volchik, *Southern Federal University, Russia*
volchik@sfedu.ru

Deputy Editor

Svetlana Kirdina-Chandler, *Institute of Economics RAS, Russia*
kirdina777@gmail.com

Evgeny Balatsky, *Financial University, Russia*

Marina Borovskaya, *Southern Federal University, Russia*

Michael Ellman, *Amsterdam University, Netherlands*

Jeffrey Hass, *Saint Petersburg State University, Russia; University of Richmond, U.S.*

Grigoriy Khanin, *Siberian Institute of Management RANEP, Russia*

Georgy Kleiner, *Central Economics and Mathematics Institute RAS, Russia*

Margarita Kurbatova, *Siberian Federal University, Russia*

Anna Kurysheva, *Southern Federal University, Russia (Managing Editor)*

Yury Latov, *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Russia*

Marina Malkina, *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia*

Alexander Maltsev, *Lomonosov Moscow State University, Russia*

Phil O'Hara, *Global Political Economy Research Unit, Australia*

Danila Raskov, *Saint Petersburg State University, Russia*

Inna Shevchenko, *Southern Federal University, Russia*

Wadim Strielkowski, *Prague Business School, Czech Republic (Technical Editor)*

The submission materials should be prepared in accordance with the Author Guidelines available at
<https://te.sfedu.ru/en/for-authors.html>, manuscripts should be submitted online. Submissions which do not meet
the requirements as stated in the instructions for authors are rejected by the Editorial Board.

The editors will not enter into correspondence about papers rejected.

Established by the Southern Federal University

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: info@sfedu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: + 7 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/en/>
e-mail: te@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Концептуальные маневры постнеолиберальной экономической политики,
или Почему «профессора» больше не нужны «антрепренёрам» 6

Сергей Толкачёв

Реализация региональной экономической политики:
институциональный подход 22

Ирина Рождественская, Виталий Тамбовцев

Учёный на службе у заимодавца? Апологетика кредитования домашних
хозяйств в статьях экономистов 37

Андрей Верников, Анна Курышева

Налоговое стимулирование технологического суверенитета в условиях
геоэкономической фрагментации 53

Валентин Вишнеvский, Александр Гурнак

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Утраченный опыт прогнозирования и стратегического планирования
научно-технологического развития 71

Евгений Семенов

Советская история секретности в контексте войн (информационно-
статистический аспект деятельности советского государства) 83

Дмитрий Фомин

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Taking down a mammoth: Cooperation strategies of great and middle
powers in challenging the hegemon 99

Anne Crowley-Vigneau, Andrey Baykov, Zhang Tinghao

Анализ макроэкономических показателей на связанных данных
на примере Японии 115

Сергей Дзюба

Процикличность долга частного сектора Великобритании 133

Юлия Калентарова, Иван Розмаинский, Амина Соловьева

TABLE OF CONTENT

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

Conceptual maneuvers of post-neoliberal economic policy or
Why “professors” are no longer needed by “entrepreneurs” 6

Sergey Tolkachev

Implementation of regional economic policy: An institutional approach 22

Irina Rozhdestvenskaya, Vitaliy Tambovtsev

A scholar at the service of a banker? Household financialization rhetoric
in academic publications 37

Andrei Vernikov, Anna Kurysheva

Tax incentives for technological sovereignty in conditions of geo-economic
fragmentation 53

Valentin Vishnevsky, Alexander Gurnak

ECONOMIC HISTORY

The lost experience of forecasting and strategic planning of science
and technology development 71

Evgeny Semenov

The history of secrecy in the context of wars: The case of the Soviet Union 83

Dmitry Fomin

INTERNATIONAL ECONOMICS

Taking down a mammoth: Cooperation strategies of great and middle powers
in challenging the hegemon 99

Anne Crowley-Vigneau, Andrey Baykov, Zhang Tinghao

Analysis of macroeconomic indicators using cohesive data:
Evidence from Japan 115

Sergey Dzuba

Procyclicality of the private sector debt in the United Kingdom 133

Julia Kalentarova, Ivan Rozmainsky, Amina Solovyova

Концептуальные маневры постнеолиберальной экономической политики, или Почему «профессора» больше не нужны «антрепренерам»

Толкачев Сергей Александрович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: tsa2000@mail.ru

Цитирование: Толкачев С.А. (2026). Концептуальные маневры постнеолиберальной экономической политики, или Почему «профессора» больше не нужны «антрепренерам». *Terra Economicus* 24(1), 6–21. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-6-21

Статья посвящена рассмотрению причин, по которым современная западная экономическая теория – неоклассический мейнстрим – утратила экспертно-аналитическую и прогностическую роль в практической экономической политике. Три последние президентские администрации США не полагаются на академических ученых («профессоров» в терминологии Кругмана) при обосновании экономической политики, а доверяют ее так называемым «политическим антрепренерам», не имеющим никакого веса в академической среде. Приведен пример фундаментального провала рекомендаций «профессоров» в вопросе одобрения вступления Китая в ВТО. Вскрыт фактор академического монополизма экономистов мейнстрима, прежде всего американских, на примере публикаций в ведущих журналах и Нобелевских премий как причина деградации и оторванности исследований от реальной экономической политики. Предложен к переосмыслению вопрос об идеологической функции экономической теории. Показано, что любая экономическая теория отражает идеологические воззрения, ценности и интересы субъектов экономической политики. Отрицание этой закономерности неоклассическим мейнстримом нужно трактовать как антинаучный подход. Проанализированы теоретические основы взглядов С. Мирана, председателя Совета экономических консультантов во второй администрации президента Байдена, расходящиеся с мнением подавляющего большинства «профессоров». Высказывается предположение, что радикализм, брутальность и «антинаучность» трампономики 2.0 с точки зрения академического истеблишмента США на самом деле отвечает экономическим интересам и идеологическим пристрастиям формирующегося нового элитного слоя американского капитала – «индустриальным цифровикам», чьи представления об экономическом мироустройстве воплотятся в обозримом будущем в новую экономическую теорию.

Ключевые слова: ортодоксия; гетеродоксия; экономическая теория; экономическая политика; неолиберализм; байденомика; трампономика; мирохозяйственный уклад

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета. Автор выражает благодарность студентам Финуниверситета А.А. Смирнову и А.О. Судаковой за помощь в сборе материалов для статьи.

Conceptual maneuvers of post-neoliberal economic policy or Why “professors” are no longer needed by “entrepreneurs”

Sergey A. Tolkachev

Financial University, Moscow, Russia, email: tsa2000@mail.ru

Citation: Tolkachev S.A. (2026). Conceptual maneuvers of post-neoliberal economic policy or Why “professors” are no longer needed by “entrepreneurs”. *Terra Economicus* 24(1), 6–21 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-6-21

The article examines the reasons for the diminished role of contemporary Western economic theory, specifically the neoclassical mainstream, in providing expert, analytical and predictive support for the practice of economic policy. Over the past three presidential administrations in the United States, policymaking has increasingly been delegated to so-called “political entrepreneurs” rather than relying on academic scholars, or “professors”, as characterized by Paul Krugman. A notable example of the failure of “professors” recommendations is the approval of China’s accession to the World Trade Organization (WTO). The article highlights the issue of academic monopolism within the mainstream economic community, particularly among American economists, as a contributing factor to the disconnection between theoretical research and real-world policy implementation. This monopolism is evidenced by the dominance of certain publications in leading academic journals and the concentration of Nobel Prizes within a narrow circle of scholars. I also address the ideological function of economic theory, arguing that any economic framework inevitably reflects the ideological perspectives, values, and interests of politicians. The neoclassical mainstream’s denial of this inherent ideological dimension is criticized as an anti-scientific stance. The theoretical underpinnings of Stephen Miran, who served as the Chairman of the Council of Economic Advisers under President Biden’s second administration, are contrasted with those of the majority of “professors”. The article suggests that Trump 2.0’s perceived radicalism and austerity and anti-science nature, as seen from the perspective of US academics, aligns with the economic interests and ideologies of an emerging elite in America, the “digital industrialists”. It is anticipated that the vision of these digitalists for the economic order will shape a new economic theory in the foreseeable future.

Keywords: economic orthodoxy; heterodoxy economics; economic policy; neoliberalism; Bidenomics; Trumponomics; world economic mode

Acknowledgement: The article was supported by the state assignment of the Financial University. The author thanks the students of the Financial University A.A. Smirnov and A.O. Sudakova for their assistance in collecting materials for the article.

JEL codes: B10; B13; B59

Введение

Политико-экономический подход определяет стадийные перемены в мирохозяйственном развитии (Глазьев, 2022) на основе качественных изменений в производительных силах и способах организации производственных процессов, а также с помощью идентификации перемен в политико-идеологической функции экономической теории, обслуживающей экономическую политику, природа которой циклична (Толкачев, 2024). В этом смысле уже давно предсказанный

крах неолиберального мирового порядка (Rodrik, 2006) зафиксирован в виде отказа трех последних администраций США (начиная с первого срока Д. Трампа) от неолиберальных доктрин экономической политики.

Как «трампономика» с ее brutальным протекционизмом, так и особенно «байденономика», дополнившая этот протекционизм настоящей промышленной политикой, не оставили никаких шансов на сохранение неолиберального дискурса. Причем администрация президента Байдена в этом плане пошла даже дальше Трампа, объявив устами помощника по национальной безопасности Дж. Салливана об окончательной смерти «Вашингтонского консенсуса» и необходимости поиска новой доктрины глобального регулирования¹. Байденономика, несмотря на свою сверхкраткую историю (год с небольшим)², оставила глубокий концептуальный след, так как провозгласила окончательный отказ от неолиберализма и попытку возврата к великой эпохе рузвельтианско-кейнсианского консенсуса (Толкачев, 2023).

Первый срок Трампа был настолько ошеломительный и непонятный для всего истеблишмента, что не получил внятной концептуализации: первая попытка Трампа отказаться от глобализма расценивалась просто как сумасбродство и безграмотность. Трампономика 2.0 только начинает приобретать свои концептуальные очертания, ибо Д. Трамп прокладывает свою политику не на основе теоретических концепций, а путем практических преобразований рушащегося глобального мира (Толкачев, Анисимова, 2025).

Между тем любая экономическая политика для придания ей авторитета в глазах избирателей должна опираться на определенные научно обоснованные принципы, концепции и смысловые ценности, имеющие заверченный вид в виде той или иной стройной теории. Собственно, именно данная функция экономической науки обеспечила ей тот престиж и общественный почет в середине XX в., который она стремительно теряет с начала XXI в. Доверие и уважение к проводимой в США экономической политике в 1940–1970-е гг. базировались не только на высоких темпах роста экономики, но и на «интеллектуальной имплантации» экономической теории кейнсианства в умы политиков, бизнесменов и ученых в виде «кейнсианско-рузвельтианского консенсуса» (Galbraith, 1981). Кризис кейнсианства и неоконсервативная революция 1980-х гг. выдвинули неолиберальный консенсус, отлитый в 1989 г. Дж. Уильямсоном в известную совокупность принципов «Вашингтонского консенсуса» (Williamson, 2000), который стал выполнять аналогичную роль. Сегодня пустующую интеллектуальную лакуну организующей модели экономической жизни западного мира пытаются занять новые идеи и концепции (Rodrik, 2024). Соответственно, пересматриваются традиционные неоклассические подходы к взаимоотношению экономики и политики (Левин, Саблин, 2024).

Все более популярными в научной литературе становятся попытки обоснования преодоления существующей ортодоксии (Ядгаров, Орлова, 2024) и актуализации неортодоксальных оснований экономической теории (Ядгаров, Орлова, 2022). Встречаются попытки пересмотреть некоторые базовые положения самой ортодоксии, например кривой Филлипса (Петухов, 2025). Переход к цифровой экономике побуждает к переосмыслению фундаментальных основ не только экономической теории, но и финансов (Панова, Ларионова, 2023).

Н.Г. Мэнкью в своей нашумевшей статье «Макроэкономист как ученый и инженер», где придал макроэкономике статус инженерной дисциплины, по этому поводу удачно сослался на Дж.М. Кейнса, который еще более изящно выразился, что было бы чудесно, если бы экономистам удалось убедить людей воспринимать их в качестве скромных компетентных профессионалов, как, например, зубных врачей (Mankiw, 2006: 44). Данные «компетентные профессионалы» должны придавать ореол уверенности и надежности экономической политике каждого нового руководителя страны.

Размышляя в этом же русле, Пол Кругман (Krugman, 1994) подразделяет класс экономистов на «профессоров», или серьезных академических исследователей, и «политических антрепренеров», характеризуя последних как людей, которые ставят во главу угла популярность и готовые

¹ Remarks by national security advisor Jake Sullivan on renewing American economic leadership at the Brookings Institution. The White House. April 27, 2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (accessed on July 24, 2025)

² Официально термин «байденономика» был запущен в июне 2023 г., с началом предвыборной программы Дж. Байдена, и завершил свое практическое существование в ноябре 2024 г., после поражения от Д. Трампа.

решения, а не строгий научный анализ. Он предполагает, что политические деятели могут эффективно влиять на общественное мнение и политику, но их работам часто не хватает глубины и тонкости академического экономического анализа.

Кругман, по нашему мнению, сам превратившийся после получения Нобелевской премии по экономике 2008 г. в такого «антрепренера», в книге 1994 г. укорял в недостатке академизма, например, Джона Кеннета Гэлбрейта. Обвинения в «антрепренерстве» достались тогда и многим другим представителям академического истеблишмента, причем как консервативного толка (сторонники теорий «экономики предложения»), так и либерально-прогрессивного (сторонники теорий «стратегических отраслей» в администрации Б. Клинтона) направления, к которому себя относит сам Кругман.

Вышедшие в то время рецензии на книгу Кругмана отмечали как необъективность и тенденциозность его размышлений, так и глубокие смыслы, заложенные в ней. «Одна из проблем, с которой сталкиваются “профессора”, заключается в том, что их рекомендации по политике слишком часто формулируются из научных выводов, основанных на крайне упрощенных моделях. Другая проблема заключается в том, что их исследования зачастую слишком абстрактны или основаны на настолько сильных допущениях, что их рекомендации оказываются неактуальными» (Dodd, 1994: 64).

Итак, «антрепренеры» третировались «профессорами» за недостаточную научную глубину и идеологическую ангажированность их рекомендаций. Долгие годы общественный пиетет к «профессорам» базировался в том числе на представлении об объективном характере вырабатываемых ими знаний и рекомендаций, находящихся якобы выше идеологических пристрастий. Но накопившиеся за годы кризиса неоклассической экономической теории провалы в экспертно-прогнозной деятельности привели к переосмыслению самой роли идеологии в экономической науке.

Переосмысление идеологической компоненты экономической теории

Любая экономическая теория помимо объяснительной, методологической, практически-прогностической обязательно выполняет еще и идеологическую (апологетическую) функцию³. Последняя призвана пропагандировать целесообразность экономической политики, проводимой правящими кругами, в глазах широкой общественности. Именно данную функцию эксплуатируют «антрепренеры», используя доступную для масс фактологию и несложные функциональные схемы и зависимости, описывающие текущие экономические проблемы. Конечно же, традиционно «профессора» со своих научных вершин снисходительно посмеивались над несложными построениями «антрепренеров», находя их неглубокими и идеологичными! Но с крахом академического реноме «профессоров», с потерей доверия к практическо-прогностическому потенциалу их теорий вопросы идеологической доминанты подлежат переоценке именно с научно-методологической точки зрения.

Более того, практическая бесплодность неоклассики побуждает многих авторов обвинять именно «профессоров» в превалировании идеологии над научно-практическим компонентом в их теориях. Например, даже «методологическая гордость» неоклассики – теория рационального выбора – традиционно рассматривалась как образец объективности в науке, но Дункан К. Фоли⁴ подвергает критике этот принцип. Он показывает, что «рациональность» – это не универсальная научная предпосылка (принцип), а идеологический инструмент, встроенный в философскую и политическую традицию, направленную на легитимацию капиталистических институтов. Основной тезис его статьи – в том, что рационально-агентская теория не столько объясняет поведение, сколько создает иллюзию неизбежности существующего порядка, и потому ее содержание лежит не в сфере методологии науки, а в мировоззренческой и идеологической сферах.

Схожую позицию занимает Р. Стерн (Stern, 2022), анализирующий фундаментальные дилеммы, сопровождающие развитие экономической науки, и утверждающий, что эти дилеммы являются отражением напряженной связи между экономикой, идеологией и властью. Он вводит два ключевых понятия – «экономизм» и «сциентизм» – как идеологические силы, деформирующие теоретическое ядро дисциплины. «Экономизм», тенденция редуцировать сложные общественные процессы к упрощенным экономическим моделям, возникает, когда в экономической тео-

³ В советских учебниках идеологическая функция маскировалась под партийный (классовый) характер политэкономики.

⁴ Foley, D. (2003). Rationality and ideology in economics. New School University, Department of Economics, March 19. <https://www.newschool.edu/nssr/faculty/duncan-k-foley/> (accessed on July 24, 2025)

рии рыночные механизмы рассматриваются как универсальный и естественный способ организации человеческой жизни. Это приводит к тому, что ценности эффективности и рационального выбора вытесняют дискуссии о справедливости, власти, социальной структуре. «Сциентизм», т.е. склонность экономики подражать естественным наукам за счет формализации, математической строгости и эмпиризма в ущерб содержательной аналитике, оттесняет глубокое понимание социальных процессов. Стерн подчеркивает, что сциентизм не является нейтральным инструментом, это идеология, закрепляющая приоритет определенных типов знаний и исключая другие.

Стерн заключает, что дилеммы экономизма и сциентизма, усиливающие отчуждение экономической теории от социальной реальности, являются результатом идеологических влияний, встроенных в саму структуру экономического знания. Чтобы экономика могла выполнять общественно значимую и критическую функцию, необходим отказ от иллюзии нейтральности, включения вопросов власти, распределения, моральной ответственности и институциональной специфики в центр экономического анализа.

Схожие мысли высказывает российский ученый Е.В. Балацкий, выделивший четыре признака и семь групп причин так называемого парадокса научности, «согласно которому удовлетворение всем строгим критериям научности не позволяет нынешнему экономическому знанию дать эффективный ответ на вызовы современности» (Балацкий, 2022: 1). Существование парадокса научности на фоне хронической неспособности экономической науки выполнять свои прогнозно-практические функции свидетельствует о том, что она находится уже более 30 лет в безысходном глобальном методологическом тупике, выходом из которого он считает создание новой социальной науки – социономики.

Исчезновение научной базы мейнстрима заставляет обращаться к иным парадигмам практического регулирования экономики. Так, Стивен Коэн и Дж. Брэфорд ДеЛонг (Cohen, DeLong, 2016) рассматривают концепт «конкретной экономики» как манифест возвращения к прагматической экономической политике в духе Гамильтона. В рецензии на эту книгу отмечается, что авторы стремятся вытащить экономический дискурс из логико-эмпирического вакуума, в который, по их мнению, он погрузился (Field, 2017). Рецензия А. Филда, которая является одновременно полноценной статьей, опровергает тезис о якобы доидеологическом характере экономической теории и политики до 1980 г. Филд приходит к выводу, что попытка Коэна и ДеЛонга реабилитировать государственное вмешательство через ретроспективную модель «конкретной экономики» – важная, но не беспроблемная. Он считает, что даже прагматическая политика не может быть свободной от идеологических влияний. Тем самым рецензент заново проблематизирует понятие «идеологическое мышление» и призывает к пересмотру стандартных подходов к роли идеологии в экономике.

Этот вопрос тем более важен, что специальное исследование (Austin, Wilcox, 2007) показало, что именно в США (в отличие от России) политические взгляды и убеждения влияют на экономические суждения. На основе опросов и других инструментов экспериментальной экономики авторы доказали, что в США политические предпочтения коррелируют с экономическими взглядами, а в России – нет. Если восприятие экономической реальности не является нейтральным, а опосредовано политической идеологией, встает закономерный вопрос о границах рациональности в экономическом мышлении и обосновывается более чувствительная к этическим понятиям контекстная экономическая политика.

В работе А. Козловски и Т. Ван Гунтена (Kozlowski, Van Gunten, 2023) доказано, что идеология играет ключевую роль в формировании экспертных убеждений экономистов. Авторы ссылаются на эмпирические исследования, демонстрирующие корреляцию между политическими предпочтениями экспертов и их суждениями по «спорным» вопросам. Например, экономисты с либертарианскими убеждениями склонны недооценивать эффект государственного регулирования и завышать эффективность рыночных механизмов. В то же время левоцентристские экономисты больше склонны признавать внешние эффекты и важность вмешательства. Но независимо от лагеря, уверенность остается высокой – идеология усиливает ощущение объективности там, где на самом деле имеет место интерпретация.

Концептуальное переосмысление роли идеологии в экономике представлено и в работе Т.Х. Джо (Jo, 2022), который настаивает на том, что идеология – это не внешнее искажение на-

уки, а неизбежный, продуктивный и необходимый элемент любой экономической парадигмы. Поскольку идеология – это система ценностей, норм, целей и предположений, которые направляют и структурируют мышление, то экономическая теория – как ортодоксальная, так и гетеродоксальная – всегда опирается на эти «внесистемные» основания. Игнорирование идеологии создает иллюзию нейтральности и научной объективности, а эта иллюзия, в свою очередь, приводит к воспроизводству господствующих структур.

Так, неоклассическая ортодоксия, выпячивая свою «внеидеологичность», на самом деле маскирует под науку глубоко политизированные и нормативные суждения. Такие категории, как рациональность, равновесие, эффективность, универсальность агентов, представляются как научные факты, но на деле отражают определенную ценностную систему – индивидуализм, конкуренцию, рыночную свободу. Таким образом, ортодоксия действует как идеологический аппарат, поддерживающий статус-кво и подавляющий альтернативы. Она подавляет не только политическую критику, но и возможность размышлять о том, что считается реальным, возможным и желательным в обществе.

Наоборот, признание идеологии – это путь к научной честности и политической рефлексии. Джо настаивает, что экономическая теория – это не просто описание «объективной» реальности, а активная практика, которая формирует социальные нормы, управляет ожиданиями и влияет на институциональные изменения. Любая экономическая концепция работает не в абстрактном вакууме, а внутри системы власти, интересов и идеологий. Следовательно, задача альтернативной экономической теории – не только понять общество, но и участвовать в его трансформации. Это требует сознательной работы с идеологией как формой политического мышления и научного самоопределения.

Итак, идеология настолько глубоко вплетена в механизм экономической теории, причем как господствующей ортодоксии, так и гетеродоксальных направлений, что отрицание ее статуса становится антинаучным. В этом плане показателен пример самого П. Кругмана, который проделал наиболее яркий путь от «объективного» ученого к видному либеральному пропагандисту (Krugman, 2007). Область исследований, за которую он получил Нобелевскую премию, – теория международной торговли – является одной из самых «идеологичных» сфер экономической теории. В рецензии на его книгу 1994 г. еще превалировал «антиидеологический» подход к проблеме: «Хотя сам Кругман – один из “профессоров”, чьи идеи высмеяли сторонники стратегической торговли, он может справедливо отметить, что всегда выступал против практики стратегической торговли. Он убедительно доказывает, что идея “международной конкурентоспособности” – это, по сути, лишь очередная версия меркантилистского заблуждения, основанного на ошибочном представлении о том, что государства конкурируют так же, как корпорации» (James, 1995: 114).

Замечание насчет так называемого «меркантилистского заблуждения» становится очень актуальным сегодня, когда мирохозяйственный режим уже, без сомнения, погрузился в новую эпоху меркантилизма (Мальцев, Чичилимов, 2025), сопровождаемую переходом к региональной глобализации (Аржаев, Турко, 2023), трампономика 2.0 прокладывает неведомые пути невиданного протекционизма, не находя теоретическую опору в базовых положениях неоклассической экономической теории (Толкачев, Анисимова, 2025), а популярный гарвардский «профессор-антрепренер» Дэни Родрик выискивает и находит весьма рациональные доводы в пользу актуальности меркантилистского наследия⁵. Поэтому позволим себе показать причины востребованности еще недавно низвергнутого в тартарары протекционизма на фоне фундаментальных провалов адептов фритредерства.

Кейс: фундаментальный провал «профессоров» в теории свободной торговли

В период расцвета глобализации «профессора» и «антрепренеры» иногда выступали совместным «концертом» в пользу политики фритредерства. Так, накануне, как оказалось впоследствии, судьбоносного одобрения США вступления Китая в ВТО в поддержку этого решения на пресс-брифинге 25 апреля 2000 г. выступили как «антрепренеры» Джин Сперлинг – директор Национального экономического совета, Мартин Бейли – председатель Совета экономических консуль-

⁵ Rodrik, D. (2025). What the mercantilists got right. Essay prepared for a volume edited by Alex Trew to commemorate the 250th anniversary of the publication of Adam Smith's "The Wealth of Nations". Harvard University, May. https://drodrik.scholar.harvard.edu/sites/scholar.harvard.edu/files/what_the_mercantilists_got_right.pdf (accessed on July 24, 2025)

тантов, Лоуренс Саммерс – министр финансов США, так и авторитетный нобелевский лауреат Роберт М. Солоу. Они прокомментировали письмо экономистов в поддержку постоянных нормальных торговых отношений с Китаем, под которым подписались 149 человек, включая 13 лауреатов Нобелевской премии, среди которых «суперпрофессора» Кеннет Эрроу, Пол Самуэльсон, Милтон Фридман и Роберт Лукас, чьи фамилии давно уже осели в любом учебнике по экономике, а также 10 бывших председателей СЭК, включая Лауру Тайсон и Мартина Фельдштайна.

Чтобы понять невероятную глубину заблуждений, на которую способны самые авторитетные «профессора» в вопросах экономической политики, приведем некоторые отрывки выступления Солоу: «Что касается экономики, то США получают гораздо больше от вступления Китая в ВТО... чем рискует потерять... И нет никаких сомнений ни у кого, будь то в экономической сфере или за ее пределами, что Китай станет крупным рынком, которому потребуется огромное количество товаров в течение очень долгого времени... Китай будет конкурировать с американцами за низкооплачиваемые рабочие места. А их рынок предоставит рабочие места для более высокооплачиваемых и квалифицированных специалистов. И это выгодная сделка для нас»⁶.

Вот так нобелевский лауреат, получивший общественное признание за вклад в изучение экономического роста на основе НТП, не смог предвидеть ухудшение того и другого для США от вступления Китая в ВТО. Этот пример наглядно показывает глубину пропасти между миром неоклассической экономической теории и реальными мирохозяйственными экономическими процессами. Правда, Китай эти годы активно развивался вполне в русле теории Солоу, наращивая вклад НТП и расширяя свой промышленный капитал, заодно вытесняя промышленный капитал США. Только сам «профессор» предсказывал иной вариант взаимоотношений экономик двух держав.

Некоторые статистические штрихи к этой хорошо известной теперь истории. За 20 лет китайский экспорт в США резко вырос: со 100 млрд долл. в 2001 г. до почти 600 млрд долл. в 2022 г. К 2024 г. китайский экспорт сократился до 480 млрд долл., но тем не менее гораздо более слабый американский экспорт в Китай привел к дефициту торгового баланса США с Китаем свыше 300 млрд долл.⁷

Объективный доклад официального Национального бюро экономических исследований (*NBER*) 2014 г., т.е. задолго до вброса Трампом повестки протекционизма, показал, что так называемые «чистые» потери рабочих мест в результате роста конкуренции со стороны импорта из Китая за период с 1999 по 2011 г. уже составили от 2,0 млн до 2,4 млн чел. Оценочные эффекты занятости более значительны на уровне местного рынка труда, что соответствует эффектам местного общего равновесия, которые усиливают влияние конкуренции со стороны импорта. Занятость в американской обрабатывающей промышленности упала с 17,2 млн чел. в 1999 г. до 11,4 млн чел. в 2011 г. (Acemoglu et al., 2014: 2).

Недавний доклад того же коллектива *NBER* установил дополнительные отрицательные последствия падения промышленной занятости в США. Торговые потрясения нанесли более сильный удар, чем ожидалось, в регионах. Местные рынки труда, специализирующиеся на отраслях обрабатывающей промышленности, столкнувшись с резким ростом конкуренции со стороны китайского импорта в 1990-х и 2000-х гг., испытали дифференцированное снижение занятости в обрабатывающей промышленности, которое не было компенсировано соразмерным ростом занятости в непромышленной сфере. Новые рабочие появляются в низкооплачиваемых отраслях сферы услуг, а сохраняющиеся промышленные работники стареют и пока не покидают рынок труда (Autor et al., 2025).

В итоге в 2024 г. Китай двукратно опережал США по доле в мировом производстве продукции обрабатывающей промышленности: на США приходилось около 16% мирового промышленного производства по сравнению с 23% в 1990 г., в то время как на Китай – 32% по сравнению с 3% в 1990 г.⁸

⁶ Press Briefing by Gene Sperling, Director of the National Economic Council, Martin Bailey, Chairman, Council of Economic Advisors, Lawrence Summers, Secretary of the Treasury and Robert M. Solow, Professor Emeritus at Massachusetts Institute of Technology. April 25, 2000. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-gene-sperling-director-the-national-economic-council-martin-bailey-chairman> (accessed on July 24, 2025)

⁷ Rechenberg, A. (2025). Trade agreements: The export myth that masked a national giveaway. July 9. <https://prosperousamerica.org/trade-agreements-the-export-myth-that-masked-a-national-giveaway/> (accessed on July 24, 2025)

⁸ Top 10 manufacturing countries in the world in 2024. August 29, 2024. <https://www.safeguardglobal.com/resources/blog/top-10-manufacturing-countries-in-the-world/> (accessed on July 24, 2025)

Коронный аргумент Солоу, что свободная торговля с Китаем принесет Америке рост высокотехнологичного экспорта, также торжественно провалился. Сальдо экспорта высокотехнологичной продукции сократилось с профицита в 38 млрд долл. в 1991 г. до дефицита в 299 млрд долл. в 2024 г. Доля экспорта высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта американской промышленной продукции снизилась с 30% в 2007 г. до 22% в 2023 г.⁹

Таковы последствия безответственных рекомендаций «профессоров» в области реальной экономической политики, приведшие США к нынешнему системному кризису.

Почему «профессора» деградируют?

Сегодня, спустя 30 лет после выхода книги Кругмана и 25 лет после данного памятного письма экономистов, можно констатировать, что «профессора» настолько утратили свой престиж, что «политические антрепренеры» уже не стремятся находить обоснование своим рекомендациям в области экономической политики в недрах экономической теории. Возможно, одной из причин бесплодия практически-прогностической функции экономической теории является, увы, банальный монополизм неоклассической экономической теории, поддерживаемый сложившимися стандартами «научности» экономических исследований в самых престижных теоретических журналах.

Хотя «деканская команда» экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Аузан и др., 2023) постаралась оспорить доминирование неоклассики в экономическом пространстве Запада, сами американские профессора не поддерживают это мнение. «Тирания» ведущих западных научных журналов, задающих сами стандарты научности, сводится, по меткому выражению профессора Массачусетского университета Джаяти Гхош, к «тривиальным занятиям», когда «слишком много ведущих научных журналов публикуют запутанные статьи, добавленная стоимость которых заключается в ослаблении одного небольшого допущения в модели или использовании немного другого эконометрического теста. Элементы, которые труднее смоделировать или которые порождают неудобную правду, просто исключаются, даже если они способствовали бы более эффективному пониманию экономической реальности» (Ghosh, 2024: 23).

Джеймс К. Гэлбрэйт в этом же ключе объясняет причины доминирования мейнстрима: «Чтобы быть “лучшим” экономистом, требуется работа на “лучших” экономических кафедрах, что, в свою очередь, требует публикации в “лучших” журналах – игольном ушке, жестко контролируемом ортодоксами»¹⁰.

Увы, доминирование неоклассики не просто очевидно, но и носит явные признаки монополизма с вытекающими отсюда проявлениями монопольной власти и «загнивания» в терминах марксистско-ленинской политэкономии. В специальном докладе *NBER* (Freeman et al., 2024) с помощью методики, обычно используемой в антимонопольных расследованиях (индекс Херфиндаля – Хиршмана), установлено, что показатель концентрации Нобелевских премий по экономике в пять раз превышает аналогичные показатели по химии, физике и медицине. Лауреаты крупных экономических премий, включая Нобелевскую, в общей сложности провели половину своей карьеры всего в восьми университетах: Гарвардском, Принстонском, Стэнфордском и других известных американских университетах. Ученые, удостоенные наград в таких областях, как химия, инженерия и медицина, напротив, представляют гораздо более разнообразный спектр учреждений. Еще более тревожно то, что экономика – единственная из 18 изучаемых областей, в которой уровень концентрации лауреатов по университетам растет. Начиная с 1970 г. индекс Херфиндаля – Хиршмана в экономике вырос с 280 до почти 500 пунктов, тогда как, например, в физике он упал со 190 до 100, а в медицине – со 150 до 50! (Freeman et al., 2024)

В недавнем исследовании географического распределения авторства статей в экономических и деловых журналах, опубликованных с 1980 г., обнаружены «поразительные диспропорции» (Aigner et al., 2025). Хотя западноевропейские авторы добились существенного прогресса в «гонке» за американскими учеными, представленность авторов из стран с низким уровнем дохода остается крайне низкой – на порядок ниже, чем вес их стран или регионов в мировой экономике.

⁹ DiPlacido, M. (2025). A new trade paradigm. March 14. <https://americancompass.org/a-new-trade-paradigm/> (accessed on July 24, 2025)

¹⁰ Galbraith, J.K. (2025). Economists' way out of the wilderness. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/mainstream-economists-have-lost-influence-by-clinging-to-antiquated-theories-by-james-k-galbraith-2025-01> (accessed on July 24, 2025)

В таких областях, как международная экономика или экономика развития, где можно было бы ожидать глобальной диверсификации, не наблюдалось значительного увеличения авторства из развивающихся стран. Аналогичные тенденции наблюдаются и в цитируемости: статьи авторов из США цитируются гораздо чаще, а статьи авторов из развивающихся стран – реже.

О росте концентрации и монополизме в неоклассике свидетельствует и А. Рубинштейн в рецензии на книгу Д. Родрика «Правила экономики...» (Rodrik, 2015), поддерживая мнение последнего, что экономика устроена как закрытая профессиональная гильдия, где путь к статусу авторитетного исследователя контролируется не столько качеством работы, сколько социальными связями, происхождением и аффилиацией с тем или иным учреждением. Рубинштейн приводит яркий пример: на одной из конференций (*Booth Initiative on Global Markets*) организаторы заявили о якобы «географическом разнообразии» экспертов – участников панели. На деле все 51 участник оказались из шести элитных университетов США. Такое сосредоточение власти ставит под сомнение реальный плюрализм взглядов и нарушает принципы академического равенства. Кроме того, Рубинштейн указывает на инбридинг в профессии: преподаватели топ-кафедр чаще всего сами являются выпускниками этих же вузов (Rubinstein, 2017).

Интересно отметить, что российский автор Е.В. Балацкий в том же 2017 г. выпустил полемическую статью об инбридинге в российских вузах и научных организациях, который, по его мнению, «присутствует в самых откровенных формах и огромных масштабах», и предлагал ориентироваться на практику западных университетов, где эта «болезнь» якобы отсутствует (Балацкий, 2017). Увы, как и во многих других случаях, западные стандарты перестают быть образцом подражания.

Почему экономическая наука оказалась столь подвержена монополизму? Профессор Гарварда Дэвид Деминг считает, что экономика, в отличие от точных наук, предельно отделилась от практики. Академический результат в точных науках состоит из экспериментальных результатов, которые можно объективно оценить. В этих областях ценность идеи гораздо больше связана с ее практическими последствиями, чем с предполагаемой гениальностью автора. А в экономической теории престиж, напротив, имеет больше общего с гуманитарными науками, которые являются интерпретативными, т.е. стремятся понять и объяснить аспекты человеческого опыта. Эта работа ценна, но ее гораздо сложнее оценить объективно. Субъективная природа экономической теории создает эффект ореола, в результате чего работа, написанная уважаемым ученым, по умолчанию считается блестящей. Особый пиетет перед авторитетами и эффект ореола в интерпретативных академических областях объясняют, почему их представители склонны к «снобизму и замкнутости»¹¹.

Однако помимо монополизма существуют и объективные гносеологические факторы профессиональной прострации экономической теории. Социологи Козловски и Ван Гунтен (Kozłowski, Van Gunten, 2023) поставили вопрос о причинах чрезмерной экспертной уверенности экономистов, связывая ее не только с когнитивными ошибками, но и с глубинными идеологическими установками профессионального характера. Авторы утверждают, что экономисты как эксперты часто переоценивают достоверность своих прогнозов, и эта тенденция не случайна, а является результатом системных факторов, таких как профессиональные нормы, идеологическая предвзятость, институциональное давление и дисциплинарная культура.

Нарастающие «снобизм и замкнутость» академической неоклассики уже давно поняты в политическом истеблишменте США, отвечающем за выработку экономической политики. «Профессора» уже практически не попадают на ответственные посты в администрацию президента США. Подтверждением этому является тот факт, что руководители и члены Совета экономических консультантов (СЭК) в трех последних администрациях американских президентов имели весьма отдаленное отношение к академическому истеблишменту, в отличие от традиции, установленной Дж. Кеннеди, когда во главе этого органа оказывались общепризнанные авторитеты в области экономической теории.

В первой администрации Д. Трампа в 2017–2019 гг. СЭК возглавлял Кевин Хассет, который всего лишь пять лет (1989–1994) подвизался как неполный профессор в Бизнес-школе Колумбийского университета, а основную часть своей карьеры строил как экономист-практик в ФРС, Мини-

¹¹ Deming, D. (2024). Break up big econ. The Atlantic. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/09/break-big-econ/679748/> (accessed on July 24, 2025)

стерстве финансов, Американском институте предпринимательства. Повторно придя к власти в 2025 г., Трамп назначает Кевина Хассета председателем Национального экономического совета.

Да, Сесилия Роуз, председатель СЭК в первую половину срока Дж. Байдена, выпестована в академических традициях Гарварда и всю жизнь работает в Принстоне, но, по мнению экспертов, в администрации Байдена «...экономисты и финансисты просто гораздо менее влиятельны, чем в предыдущих администрациях... нет ничего похожего на ось влияния, которую имели Саммерс, Тим Гайтнер и Питер Орсаг на заре администрации Обамы или которую имели Роберт Рубин и Саммерс в администрации Клинтона»¹². Байден не привлекал «профессоров», потому что они, опираясь на свой неоклассический багаж, не способны осмыслить новые беспрецедентные задачи типа «зеленого перехода» и амбициозной промышленной политики байденомики.

Вторую половину срока Дж. Байдена председателем СЭК являлся Джаред Бёрнстин, не входящий в состав «профессоров», ибо с 1992 г. он проработал исследователем в Институте экономической политики, занимаясь прикладными вопросами социальной политики, а также прикасался к государственной службе в министерстве финансов в администрации Б. Клинтона и служил в качестве советника в администрации Обамы¹³.

Ну а молодой Стивен Миран, назначенный Д. Трампом в 2025 г., и вовсе не имеет никаких корней в академическом мире, кроме докторской степени по экономике от Гарвардского университета. Свой практический опыт он получил в инвестиционных компаниях и пришел на пост председателя СЭК с должности главного стратега хедж-фонда *Hudson Bay Capital Management*. «Председатели СЭК обычно – это либо престижные имена, выбранные из ведущих университетов (Бен Бернанке, Джейсон Фурман, Остан Гулсби), либо давние вашингтонские функционеры (Джаред Бёрнстин), либо и то и другое. Несмотря на непродолжительную работу в Министерстве финансов в первой администрации Трампа, Миран не соответствует ни одному из этих критериев»¹⁴.

Экономическая политика «антрепренера» Мирана

Миран, не имеющий никаких оков академизма, беспредельно радикален в своих советах президенту, оправдывая гиперпротекционизм Трампа как инструмент сокращения торгового дефицита и призывая к стимулированию девальвации завышенного курса доллара для компенсации потерь США от «нечестной» конкуренции с торговыми партнерами. Но данная позиция совершенно не совпадает с его сложившимся бэкграундом экономиста либертарианского направления, который он заработал, опубликовав с 2023 г. 33 статьи соответствующей направленности в проектах с Манхэттенским университетом. Например, он разделял точку зрения Милтона Фридмана о том, что стимулирование экономики в условиях низкой безработицы приводит к инфляции, и критиковал политику Байдена именно за это – масштабные государственные расходы по программам промышленной политики в условиях, когда рост экономики начал ускоряться.

Но либертарианский «фридманизм» Мирана не помешал ему обосновать сверхжесткую регуляторику как промышленной политики, так и внешнеэкономической политики Трампа. Главной целью Мирана стало создание рамок для реструктуризации глобальной торговой системы, которая наносила серьезный ущерб США. Миран предложил принципиально иную по сравнению с байденомикой модель промышленной политики в докладе «Хрупкая и прочная реиндустриализация»¹⁵. Само употребление в этом докладе термина «промышленная политика», от которого классические консервативные республиканцы шарахаются как черт от ладана, оправдывается задачами «возвращения» производства и рабочих мест из Китая и других стран, которые использовали валютные махинации, значительно субсидируемый экспорт и другие недобросовестные методы для вторжения на чрезмерно открытые американские рынки. При-

¹² Four ways of looking at the radicalism of Joe Biden. The New York Times, April 8, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/04/08/opinion/biden-jobs-infrastructure-economy.html> (accessed on July 24, 2025)

¹³ Bernstein, J. https://ballotpedia.org/Jared_Bernstein. (accessed on July 24, 2025)

¹⁴ Shawn, T. (2025). How Stephen Miran – a Harvard-trained former free market champion – became Trump’s top ideologue on tariffs. Fortune, May 29. <https://fortune.com/article/who-is-stephen-miran-paper-trump-tariffs/> (accessed on July 24, 2025)

¹⁵ Miran, S. (2024). Brittle versus robust reindustrialization. Report. Manhattan Institute, February. <https://media4.manhattan-institute.org/wp-content/uploads/brittle-versus-robust-reindustrialization.pdf>. (accessed on July 24, 2025)

зная важность реиндустриализации и активных действий государства, он раскритиковал подход администрации Байдена, включая щедрые субсидии политически благоприятным секторам экономики, спрос на которые при рыночных ценах будет невелик, а также контрпродуктивные стимулы профсоюзному движению и особые экологические ограничения. Это в лучшем случае приведет к «хрупкой» форме реиндустриализации, которая оставит США уязвимыми во время второй волны деиндустриализации, как только субсидии неизбежно прекратятся.

Чтобы добиться устойчивой (прочной) реиндустриализации, он предлагает, во-первых, проводить агрессивные реформы в сфере предложения – дерегулирование для снижения издержек производства; во-вторых, инвестировать в научно-техническое образование для подготовки кадров, способных ускорить реиндустриализацию. В-третьих, увеличить расходы на закупки оборонной продукции и технологий. Военные, как он считает, лучше справятся с извечной проблемой промышленной политики – определением победителей и проигравших, – чем политические активисты и бюрократы в гражданских сферах. Промышленная политика, ориентированная на оборону, создает особенно сильные положительные экономические эффекты в виде технологического прогресса, развития исследований и разработок, а также увеличения инвестиций; кроме того, она одновременно выполняет и вторую задачу, стимулируя усилия по обеспечению национальной безопасности и реиндустриализации.

А в своей речи весной 2025 г. в институте, деятельность которого признана в нашей стране нежелательной, Миран расширил теоретическую базу для обоснования торгового протекционизма, апеллируя к вводимому концепту глобальных общественных благ, производимых США для всего мира. Данная позиция носит абсолютно радикальный контрлиберальный характер: переосмысливаются прежние устои неоклассической экономической теории в формате стратегической конкуренции, поэтому стоит остановиться на ней подробнее.

Глобальными общественными благами, с точки зрения Мирана, бессовестно потребляемыми всем миром, являются: во-первых, «зонтик безопасности», создавший величайшую эпоху мира, которую когда-либо знало человечество; во-вторых, доллары и казначейские ценные бумаги, резервные активы, которые делают возможной глобальную торговую и финансовую систему, поддерживающую эту величайшую эру процветания. Глобальная военная и долларовая инфраструктуры взаимосвязаны. Но бремя поддержания доллара как глобального блага, производимого только Америкой и потребляемого всем миром, приносит США огромные издержки и неудобства, которыми пользуются злонамеренные конкуренты. Высокий спрос на доллары в мире повышает его курс и тем самым сдерживает американское производство и экспорт, в то время как другие страны процветают, торгуя между собой, используя безопасные доллары.

Существуют и другие неприятные побочные эффекты предоставления доллара как резервного актива. Другие страны могут покупать американские финансовые активы, чтобы манипулировать своей валютой. Они вливают в экономику США столько денег, что это подпитывает экономическую уязвимость и кризисы. Например, в период, предшествовавший краху 2008 г., Китай, наряду со многими иностранными финансовыми институтами, увеличивал свои вложения в ипотечные кредиты США, что способствовало раздуванию пузыря на рынке жилья. Тем самым Китай обвинен Мираном и в возникновении мирового финансового кризиса 2008 г., помимо его «нечестного» превращения в промышленного гиганта.

Миран предлагает восстановить справедливость за счет распределения бремени финансирования глобальных общественных благ по всем странам мира несколькими способами. Другие страны могут:

- во-первых, без ответных мер принять пошлины на свой экспорт в США, обеспечивая поступления в Казначейство США для финансирования предоставления общественных благ;
- во-вторых, положить конец своей несправедливой и вредоносной торговой практике, открыв свои рынки и увеличив закупки в Америке;
- в-третьих, увеличить расходы на оборону и закупки военной продукции в США, снимая нагрузку с американских военнослужащих и создавая рабочие места в Америке;
- в-четвертых, инвестировать в строительство заводов в Америке, чтобы освободиться от тарифов на экспорт;

- в-пятых, просто выписывать чеки Казначейству, которые помогут США финансировать глобальные общественные блага.

Последнее предложение абсолютно беспрецедентно и цинично, поскольку означает введение сбора на долларовые резервы: крупные иностранные держатели государственных облигаций США должны в той или иной форме (например, через снижение долгового процента) платить комиссию за использование доллара, чтобы «компенсировать» вред для американской экономики, вызванный этой «силой» доллара. То есть иностранцы должны еще раз заплатить за хорошо известные «бесплатные завтраки» США, оплату импорта эмиссией доллара, поскольку Америка настолько поправилась от «обжорства» (кстати, во всех смыслах слова, включая самый буквальный), что утрачивает возможности конкурировать с другими нациями.

Фантазмагория этого механизма регулирования настолько запредельна, что Миран маскирует его элегантными финансовыми схемами. В докладе «Руководство по реструктуризации глобальной торговой системы»¹⁶ он предложил грандиозный пакт, согласно которому основные торговые партнеры Америки совместно соглашаются постепенно распродавать свои многотриллионные долларовые резервы. Эта кампания снизит стоимость доллара, улучшит торговый баланс США. А чтобы предотвратить резкий рост процентных ставок в США, по мере того как иностранные государства избавляются от казначейских облигаций, сделка потребует от них перевести значительную часть того, что они сохраняют, в 100-летние облигации федерального долга США со сроком погашения в далеком будущем.

Данную грандиозную концепцию Миран называет «Соглашение Мар-а-Лаго», приравнивая ее к предыдущим эпохальным глобальным соглашениям, обновившим мировой экономический порядок: Бреттон-Вудскому соглашению 1944 г., которое установило стабильную послевоенную систему, привязав основные валюты к золотому стандарту, и к «Соглашению Плаза» 1985 г., где страны «Большой пятерки» – США, Япония, Западная Германия, Франция и Великобритания – разработали успешную совместную программу девальвации тогда сильно переоцененного доллара.

Однако поскольку сам Д. Трамп непоследователен в своей валютной политике – то он ругает сильный доллар за обременение промышленности США, то он вновь выступает за сильный доллар и грозит странам БРИКС 100-процентными пошлинами за отказ от доллара в расчетах, – Миран отступает, признавая, что, если Трамп все-таки склоняется к «резервному статусу доллара», США останутся при своей чрезмерно дорогой валюте – главном источнике хронических торговых проблем.

Совершенно неудивительно, что «профессора» академического истеблишмента крайне негативно оценивают логику рассуждений и траекторию экономической политики С. Мирана. Ларри Саммерс, министр финансов при Билле Клинтоне и главный советник Барака Обамы, раскритиковал «Соглашение Мар-а-Лаго» во всех его проявлениях, назвав его «странным, нарциссически самонадеянным, а не серьезным подходом к политике, который могли бы поддержать другие страны»¹⁷. Профессор Гарварда и бывший главный экономист Международного валютного фонда Кеннет Рогофф¹⁸ видит ошибочность исходной логической посылки Мирана о резервном статусе доллара как причине дефицита торгового баланса США. С одной стороны, это правильно, так как иностранцы предъявляют спрос на доллары, покупая казначейские облигации. С другой стороны, иностранцы могут сокращать спрос на иные американские активы, если им просто нужно накопить казначейские векселя, и не обязательно иметь профицит торгового баланса для их получения. Необходимые средства также можно получить, продав имеющиеся зарубежные активы, такие как акции, недвижимость и заводы. Например, азиатские центральные банки держат казначейские векселя на триллионы долларов, используя их для стабилизации обменных курсов и поддержания финансового буфера на случай кризиса. Они, как правило, избегают других видов американских активов, таких как акции и недвижимость, поскольку они не служат тем же политическим целям.

¹⁶ Miran, S. (2024). A user's guide to restructuring the global trading system. Hudson Bay Capital, November. https://www.hudsonbaycapital.com/documents/FG/hudsonbay/research/638199_A_Users_Guide_to_Restructuring_the_Global_Trading_System.pdf (accessed on July 24, 2025)

¹⁷ Shawn, T. (2025). How Stephen Miran – a Harvard-trained former free market champion – became Trump's top ideologue on tariffs. Fortune, May, 29. <https://fortune.com/article/who-is-stephen-miran-paper-trump-tariffs/> (accessed on July 24, 2025)

¹⁸ Rogoff, K. (2025). Trump's misguided plan to weaken the dollar. Project Syndicate, May 6. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-administration-mar-a-lago-plan-to-weaken-dollar-is-deeply-flawed-by-kenneth-rogooff-2025-05> (accessed on July 24, 2025)

Нельзя забывать, что по статистике национальных счетов профицит текущего счета страны равен разнице между национальными сбережениями и инвестициями как государственного, так и частного сектора. Отсюда следует хорошо известная причина хронического дефицита текущего счета США – низкие сбережения и дефицит государственного бюджета. Рогофф напоминает, что в 2024 г. бюджетный дефицит США составил 6,4% ВВП, что значительно превышает дефицит текущего счета (менее 4% ВВП). Сокращение бюджетного дефицита вместе с повышением (не снижением) нормы сбережения населения теоретически может привести к решению проблемы отрицательного текущего счета.

Наконец, Рогофф считает, что другим ключевым фактором дефицита текущего счета является сила динамичной американской экономики. Это сделало американские компании особенно привлекательными для инвесторов, привело к притоку иностранного капитала, укрепляя доллар и усугубляя проблемы американского экспорта.

Разумеется, профессор Рогофф прав в иллюстрации базовых схем национальных счетов, но вся проблема, решаемая экономической политикой Трампа, состоит в выборе инструментария, адекватного создаваемому постглобалистскому миропорядку с отчаянной попыткой удержать американское лидерство на фоне уже сформировавшегося китайского промышленного доминирования. Поэтому Миран отстаивает политику решения накопившихся макроэкономических проблем США не за счет внутренних структурных маневров, каковым является практически неосуществимое сокращение бюджетного дефицита, а за счет внешнего мира, конструируя схемы насильственного улучшения текущего счета США в виде вышеописанных пяти способов финансирования глобальных общественных благ. Брутальная идеологическая «неэкономичность» этого курса в глазах «профессоров» на самом деле может иметь серьезные объективные основания.

Выводы

Итак, переосмысление роли идеологии как в эпистемологической структуре самой экономической теории, так и применительно к ее функции апологии экономической политики заставляет пересматривать и курс экономических реформ Д. Трампа с концептуальной поддержкой С. Мирана. И «тарифный терроризм», и другие политические методы давления на страны-конкуренты нельзя рассматривать как отступление от неких незыблемых просвещенных основ экономической мудрости, наработанных в неоклассической школе и свободных от идеологических искажений. Трампономика 2.0, опираясь на преобладающий среди элит и народных масс консенсус о необходимости возрождения промышленности США, представляет собой экономическую политику, имеющую концептуальную основу внутри системы власти, интересов и идеологий.

Нам представляется, что ключевой запрос на такую политику исходит от формирующегося элитного слоя «индустриальных цифровиков» – достаточно молодых миллиардеров, вышедших из цифрового бизнеса, но осознавших исчерпанность информационных технологий как локомотива развития. В соответствии с закономерностями циклического технологического и мирохозяйственного развития мир вступает в фазу лидирующей роли новых индустриальных технологий, развивающихся на цифровой основе. Индустриальные цифровики, выросшие на технологиях социальных платформ и искусственного интеллекта, осознав бесперспективность данного «постиндустриального» вектора развития на фоне промышленных успехов Китая, в последние годы выбрали стратегический курс на возрождение реального сектора американской экономики. Правда, этот эпохальный переход невозможен без перехвата у ФРС «печатного станка» как магического источника экономической власти, так что пока индустриальные цифровики рассчитывают на криптовалюты, привязанные к доллару, как на часть своей стратегии по перестройке глобальной денежной системы¹⁹.

Данный новый элитный слой, выдвинув Д. Трампа в качестве фронтмена и С. Мирана на роль «кризисного антрепренера» трампономики, менее всего озабочен «правильным» восприятием нового курса со стороны «профессоров» и «антрепренеров» старого мирового порядка. Первые сейчас пребывают в интеллектуальной прострации, поскольку не могут найти сколь-нибудь

¹⁹ Varoufakis, Y. (2025). Trump wants big tech to own the dollar. Project Syndicate, May 29. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-wants-private-stablecoins-to-replace-dollar-by-yanis-varoufakis-2025-05> (accessed on July 24, 2025)

адекватное объяснение «экономического безумия» Трампа в научном святилище неоклассического мейнстрима, переполненного наукообразными по форме, но идеологическими по сути штампами о рыночном саморегулировании и свободной торговле. Тяжелый бульдозер трампономики таранит обветшалое здание неоклассического мейнстрима, заодно пытаясь найти обоснование своей беспрецедентно антиглобалистской экономической политике в подзабытом наследии экономической мысли гетеродоксального характера. Но кто знает, может быть, через некоторое время после завершения формирования нового мирового порядка прогрессивное сообщество «профессоров» выплавит из нынешнего сумбурного набора доктрин и концепций мечущейся экономической политики «антрепренеров» стройную теорию, которая станет новым ортодоксальным мейнстримом науки?

Литература / References

- Аржаев Ф.И., Турко В.А. (2023). Формирование интеграционных ядер как новое направление глобализации: азиатское и латиноамериканское ядра. *Финансы: теория и практика* **27**(4), 173–183. [Arzhaev, F., Turko, V. (2023). Formation of integration cores as a new direction of globalization: Asian and Latin American cores. *Finance: Theory and Practice* **27**(4), 173–183 (in Russian)]. DOI: 10.26794/25875671-2023-27-4-173-183
- Аузан А.А., Мальцев А.А., Курдин А.А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики* (10), 5–26. [Auzan, A., Maltsev, A., Kurdin, A. (2023). Russian economic education: Image of the near future. *Voprosy Ekonomiki* (10), 5–26 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-5-26
- Балацкий Е.В. (2017). Регулирование карьеры научных кадров: зарубежный опыт. *Управление наукой и наукометрия* **26**(4), 48–65. [Balatsky, E. (2017). Scientific staff career regulation: Foreign experience. *Science Management and Scientometrics* **26**(4), 48–65 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к соционимике. *Социальное пространство* **8**(4), 1–19. [Balatsky, E. (2022). New imperatives of economic knowledge: towards socionomics. *Social Space* **8**(4), 1–19 (in Russian)]. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2
- Глазьев С.Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов. *AlterEconomics* **19**(1), 93–115. [Glazyev, S. (2022). Global transformation through the prism of changing technological and world economic patterns. *AlterEconomics* **19**(1), 93–115 (in Russian)]. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2024). Методологические и теоретические подходы к изучению взаимосвязи политики и экономики. *Journal of Institutional Studies* **16**(4), 24–41. [Levin, S., Sablin, K. (2024). Methodological and Theoretical approaches to the study of relationship between politics and economics. *Journal of Institutional Studies* **16**(4), 24–41 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.024-041
- Мальцев А., Чичилимов С. (2025). Укоренение неопротекционизма в мировой экономике XXI века. *Мировая экономика и международные отношения* **69**(4), 5–14. [Maltsev, A., Chichilimov, S. (2025). Entrenchment of neoprotectionism in global economy. *World Economy and International Relations* **69**(4), 5–14 (in Russian)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-4-5-14
- Панова Г.С., Ларионова И.В. (2023). Финансы в России и мире: концептуальные аспекты. *Финансы: теория и практика* **27**(3), 105–114. [Panova, G., Larionova, I. (2023). Finance in Russia and the world: Conceptual aspects. *Finance: Theory and Practice* **27**(3), 105–114 (in Russian)]. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-3-105-114
- Петухов В.А. (2025). Гипотеза о другой природе кривой Филлипса и ее влияние на финансовые потоки. *Финансы: теория и практика* **29**(3), 207–217. [Petukhov, V. (2025). The hypothesis of a different nature of the Phillips curve and its impact on financial flows. *Finance: Theory and Practice* **29**(3), 207–217 (in Russian)]. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-207-217

- Толкачев С.А. (2023). Противоречия политической экономики «байденномики». *Вопросы политической экономики* (4), 55–75. [Tolkachev, S. (2023). Contradictions of the political economy of 'bidenomics'. *Problems of Political Economy* (4), 55–75 (in Russian)]. DOI: 10.5281/zenodo.10431115
- Толкачев С.А., Анисимова А.И. (2025). Трампономика 2.0 как политическая экономия национального развития в эпоху глобальной трансформации. *Российский экономический журнал* (3), 30–51. [Tolkachev, S., Anisimova, A. (2025). Trumponomics 2.0 as a political economy of national development in the era of global transformations. *Russian Economic Journal* (3), 30–51 (in Russian)]. DOI: 10.52210/0130-9757_2025_3_30
- Толкачев С.А. (2024). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus* **22**(3), 6–20. [Tolkachev, S. (2024). The cyclical nature of transformations in economic orthodoxy. *Terra Economicus* **22**(3), 6–20 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20
- Ядгаров Я.С., Орлова Д.Р. (2024). Преодоление ортодоксии в экономической науке: теоретико-методологические аспекты. *Terra Economicus* **22**(4), 50–61. [Yadgarov, Ya., Orlova, D. (2024). Overcoming orthodoxy in Economics: Theoretical and methodological aspects. *Terra Economicus* **22**(4), 50–61 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-202422-4-50-61
- Ядгаров Я.С., Орлова Д.Р. (2022). Векторы, этапы и проблемы формирования неортодоксальных оснований экономической науки. *Финансы: теория и практика*. **26**(4), 245–266. [Yadgarov, Ya., Orlova, D. (2022). Vectors, stages and problems of nonorthodoxal foundations of economic science formation. *Finance: Theory and Practice* **26**(4), 245–266 (in Russian)]. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-4-245-266
- Acemoglu, D., Autor, D., Dorn, D., Hanson, G., Price, B. (2014). *Import competition and the great U.S. employment sag of the 2000s*. NBER Working Paper № 20395, <http://www.nber.org/papers/w20395> (accessed on July 24, 2025)
- Aigner, E., Greenspon, J., Rodrik, D. (2025). The global distribution of authorship in economics journals. *World Development* **189**, article 106926, 1–18. DOI: 10.1016/j.worlddev.2025.106926
- Austin, D., Wilcox, N. (2007). Ideology and positive economic beliefs: Some experimental and survey evidence. *Global Business and Economics Review* **9**(2-3), 271–285. DOI: 10.1504/GBER.2007.013705
- Autor, D., Dorn, D., Hanson, G., Jones, M., Setzler, B. (2025). *Places versus people: The ins and outs of labor market adjustment to globalization*. NBER Working Paper № 33424. <http://www.nber.org/papers/w33424> (accessed on July 24, 2025)
- Cohen, S., DeLong, B. (2016). *Concrete Economics: The Hamilton Approach to Economic Growth and Policy*. Harvard Business Review Press.
- Dodd, R. (1994). Peddling Prosperity by Paul Krugman. *Challenge* **37**(5), 62–64. DOI: 10.1080/05775132.1994.11471776
- Field, A. (2017). Ideology, economic policy, and economic history: Cohen and DeLong's "Concrete Economics". *Journal of Economic Literature* **55**(4), 1526–1555. DOI: 10.1257/jel.20161442
- Freeman, R., Xie, D., Zhang, H., Zhou, H. (2024). High and rising institutional concentration of award-winning economists. *NBER Conference SI 2024 Science of Science Funding, July 18, 2024*. https://conference.nber.org/conf_papers/f204525.pdf (accessed on July 24, 2025)
- Galbraith, J.K. (1981). The conservative onslaught. *New York Review of Books* (27), 30–35.
- Ghosh, J. (2024). Why and How Economics Must Change. *Finance & Development* **61**(1), 22–23.
- James, M. (1995). Policy entrepreneurs vs the professors: Paul Krugman, "Peddling Prosperity: Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminished Expectations", Norton, New York, 1994. *Agenda – A Journal of Policy Analysis and Reform* **2**(1), 113–115. DOI: 10.22459/AG.02.01.1995
- Jo, T.-H. (2022). Heterodox economics and ideology. In: Chester, L., Jo, T.-H. (eds.) *Heterodox Economics: Legacy and Prospects* (pp. 204–251). Bristol: World Economics Association Books.

- Kozłowski, A., Van Gunten, T. (2023). Are economists overconfident? Ideology and uncertainty in expert opinion. *The British Journal of Sociology* **74**(3), 476–500. DOI: 10.1111/1468-4446.13001
- Krugman, P. (1994). *Peddling Prosperity: Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminished Expectations*. N.Y.: W.W. Norton.
- Krugman, P. (2007). *The Conscience of a Liberal*. N.Y.: W.W. Norton.
- Mankiw, G. (2006). The macroeconomist as scientist and engineer. *Journal of Economic Perspectives* **20**(4), 29–46.
- Rodrik, D. (2006). Goodbye Washington Consensus, hello Washington Confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: Learning from a decade of reform. *Journal of Economic Literature* **44**(4), 973–987.
- Rodrik, D. (2015). *Economics Rules: The Rights and Wrongs of The Dismal Science*. N.Y.: W.W. Norton.
- Rodrik, D. (2024). Reimagining the global economic order. *Review of Keynesian Economics* **12**(3), 396–407. DOI: 10.4337/roke.2024.03.09
- Rubinstein, A. (2017). Comments on economic models, economics, and economists: remarks on economics rules by Dani Rodrik. *Journal of Economic Literature* **55**(1), 162–172. DOI: 10.1257/jel.20161408
- Sturn, R. (2022). Ideology, power, and progress: Economics and its dilemmas. *Acta Oeconomica* **72**(1), 81–105. DOI: 10.1556/032.2022.00020
- Williamson, J. (2000). What should the world bank think about the Washington consensus? *The World Bank Research Observer* **15**(2), 251–264.

Реализация региональной экономической политики: институциональный подход

Рождественская Ирина Андреевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: irozhdstv@gmail.com

Тамбовцев Виталий Леонидович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, e-mail: tambovtsev@econ.msu.ru

Цитирование: Рождественская И.А., Тамбовцев В.Л. (2026). Реализация региональной экономической политики: институциональный подход. *Terra Economicus* 24(1), 22–36. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-22-36

Региональная экономическая политика фиксирует будущее регионов страны, желательное с точки зрения центрального правительства, в наиболее общей форме. Это придает ее формулировкам некоторую неясность, что может привести к расхождениям в понимании этого будущего на разных уровнях государственного и муниципального управления. Анализ процесса реализации региональной политики под углом зрения возможных когнитивных несоответствий, вызываемых организационной структурой и принятыми правилами государственного управления, предполагает организационно-институциональный подход к изучению этого процесса. В статье обсуждаются существующие подходы к трактовке региональной политики и этапа ее реализации, предлагаются подходы к преодолению их неясностей на основе применения концепции множественности потоков, разработанной в теории политического процесса, развиваемого в политической науке. Одновременно подчеркивается важность учета концепции оппортунистического поведения, используемой в новой институциональной экономической теории. Показано, что учет упомянутых концепций предоставляет возможности выработки рекомендаций по улучшению реализации региональной экономической политики.

Ключевые слова: региональная экономическая политика; реализация политики; внутриорганизационные коммуникации; институциональный анализ

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Implementation of regional economic policy: An institutional approach

Irina A. Rozhdestvenskaya

Financial University, Moscow, Russia, e-mail: irozhdestv@gmail.com

Vitaliy L. Tambovtsev

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: tambovtsev@econ.msu.ru

Citation: Rozhdestvenskaya I.A., Tambovtsev V.L. (2026). Implementation of regional economic policy: An institutional approach. *Terra Economicus* 24(1), 22–36 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-22-36

Regional economic policy captures the future of a country's regions as desired by central government in the most generalized form. This creates a certain level of ambiguity in its formulation, which can lead to different interpretations of future paths of development among different levels of the public authorities, both state and municipal. Analyzing the process of regional policy implementation from the perspective of possible cognitive discrepancies caused by organizational structures and public administration rules shapes an organizational and institutional approach to studying this process. This article discusses existing interpretations of regional policies, as well as the stages of policy implementation. We also propose approaches to resolving ambiguities through the application of multiple streams framework developed in political process theory. At the same time, this article emphasizes the importance of incorporating the concept of opportunistic behavior from new institutional economics. Taking these concepts into consideration provides opportunities to develop recommendations for improving regional economic policies.

Keywords: regional economic policy; policy implementation; internal organizational communications; institutional analysis

JEL codes: B52, D73, D83, H77, R58

Введение

Практически в каждой стране, располагающей территорией, превышающей размеры городов-государств древности, действующее в ней государство стремится проводить региональную политику, т.е. формулировать *намерения* относительно того, как должны развиваться различные части территории страны, и определять, какими *способами* оно считает правильным реализовать эти намерения¹. Последние могут касаться различных сторон и аспектов развития пространственных частей страны, их желаемого социального, экономического или экологического состояния. Характеристики этих состояний, очевидно, достаточно тесно связаны, однако сопряжены с различными действенными способами их достижения. Как представляется, экономическая составляющая в значительной мере является определяющей и для двух остальных, хотя намерения относительно последних не могут не выступать значительными ограничениями при

¹ Мы исходим из определения политики, которое включает совокупность намерений относительно какой-либо сферы жизнедеятельности общества и выбранные способы их осуществления (Майминас и др., 1986). При этом мы говорим о намерениях государства *для краткости*, поскольку намерения, цели, интересы и т.п. могут быть только у индивидов – в данном случае у государственных служащих, которые, в соответствии с занимаемой должностью, формулируют региональную политику, – а не у организаций как таковых, в частности государства.

выборе способов и инструментов, которые могут использоваться при осуществлении намерений относительно экономики того или иного региона страны. В силу этого, именно региональная экономическая политика (далее для краткости РЭП) и возникающие проблемы в ходе ее реализации являются объектом данного исследования.

Очевидно, успешность реализации РЭП (как, впрочем, и любой другой политики) зависит в первую очередь от ее качества. Оно определяется тем, можно ли в принципе осуществить формулируемые намерения посредством выбранных механизмов в рамках тех ресурсных ограничений, которыми располагает субъект политики. Если связи между доступными ресурсами, предпочитаемыми способами их использования и желаемыми изменениями реально существуют, а препятствий их задействию нет, качество политики является высоким; если же желания превышают возможности, то качество можно оценить как невысокое, и такая политика останется нереализованной, сколь бы привлекательны ни были ее провозглашенные намерения.

Однако проведение в жизнь, или реализация, любой политики не происходит автоматически: в этом участвуют люди, от которых зависит, в какой мере будут использованы механизмы трансформации ресурсов в результаты, что, в свою очередь, тесно связано с тем, как будет организована и чем будет стимулироваться их деятельность.

Анализ качества любой политики, в том числе и РЭП, предполагает изучение конкретных форм ее репрезентации в документах и нарративах субъектов политики в силу того, что изучение политики в общем виде не позволит, из-за широкого разнообразия вариантов политик, сформулировать сколько-нибудь значимые научные или практико-ориентированные результаты. Однако анализ процессов реализации политики в общем виде, безотносительно к конкретным вариантам, вполне возможен, если будет связан не с содержанием политики или ресурсными ограничениями ее осуществления, а с *организационно-институциональным устройством* этих процессов. Безусловно, в рамках этого устройства также имеются варианты, однако их число несопоставимо меньше, чем многообразие различных вариантов политики. Важно отметить, что такой обобщенный анализ также будет продуктивен для каждого конкретного случая, где выполнение РЭП сопряжено с теми или иными трудностями.

Именно типы этих трудностей составляют предмет нашего исследования, а их выявление и анализ, направленный на преодоление соответствующих проблем, – цели и задачи статьи. В следующих двух разделах мы обсудим некоторые черты внутриорганизационных коммуникаций и имеющиеся в литературе трактовки понятия региональной политики, далее – применяемые подходы к анализу процессов реализации РЭП, а в заключительном разделе рассмотрим некоторые следствия из предлагаемого организационно-институционального подхода к анализу процессов реализации РЭП.

Особенности внутриорганизационных коммуникаций

Организационно-институциональные факторы устройства системы государственного управления существуют во всех странах и оказывают влияние на реализацию государственной политики везде, однако РЭП особенно важна для крупных стран с федеративным государством. Именно в федерациях (а также конфедерациях), при той или иной степени самостоятельности их субъектов в различных сферах жизни, особое значение придается обеспечению успешной координации политических мер, стратегий, программ, планов и действий федеральных и региональных органов власти. Поэтому далее, говоря о государстве, мы будем иметь в виду именно федеративное государство, если в тексте не будет указываться какой-то иной тип.

Любое решение, как известно, предполагает выбор одного из нескольких вариантов на основе тех или иных критериев, определяющих порядок значений различных свойств сопоставляемых вариантов. Как правило, выбирается, т.е. принимается к исполнению, тот вариант, в котором сочетание учитываемых свойств наилучшее. «Наилучшее сочетание» обозначает фактически наиболее сложное и неоднозначное понятие во всем описании процесса принятия решений. Никакой проблемы нет, если в расчет берется только одно свойство сравниваемых вариантов: например, если из одного города в другой можно проехать несколькими дорогами, легко выбрать ту, что является самой короткой, или самой красивой, или самой быстрой и т.п. Но как только мы начинаем сравнивать альтернативы по нескольким свойствам, очевидность исчезает: например, если мы за-

хотим проехать по самой красивой и самой быстрой дороге, выбор будет непросто, поскольку быстрая дорога может легко оказаться скучной, а красивая – длинной и низкокачественной.

Решения, принимаемые с учетом разных критериев, принято называть сложными, и таковыми оказываются практически все реальные решения, которые необходимо принимать в рамках осуществления РЭП. Им посвящено огромное количество литературы, в которой предлагаются различные методы интеграции разнородных свойств, однако убедительность достигаемого объединения не слишком высока. Например, многие подходы включают опору на так называемые веса, величины которых для разных свойств определяются либо экспертами, либо самими лицами, принимающими решения (ЛПР), что фактически возвращает трудности сравнения разнокачественных свойств в исходное состояние: чтобы выбрать, надо учесть и сопоставить свойства. Человеческий мозг, как стало известно сравнительно недавно, действительно в состоянии проводить такие сопоставления, формируя комплексные оценки разнородных свойств (Levy, Glimcher, 2012; Moreno-Rodriguez et al., 2025). Важно подчеркнуть, что при этом он интегрирует информацию из разных источников – как непосредственно органов чувств индивида и его памяти, так и текстов, содержащих результаты научных исследований. Иными словами, ЛПР учатся, и интегральные оценки вариантов выбора, формируемые мозгом автоматически, вполне могут сознательно корректироваться, исходя из полученных данных научных исследований.

Отмеченные моменты означают, что у разных людей оценки одних и тех же объектов – вариантов действий – могут не совпадать. Точно так же, в силу различий жизненного опыта и полученного образования, у людей может различаться и понимание одних и тех же слов (терминов). Поскольку РЭП формулируется, очевидно, в форме словесных утверждений, то понимание и интерпретация последних у нижестоящих госслужащих, которые должны эту политику осуществлять, могут несколько отличаться от того, что имелось в виду вышестоящими госслужащими. Такого рода расхождения являются совершенно нормальными при бытовом общении людей, когда собеседники переспрашивают друг друга относительно того, что они имели в виду, говоря ту или иную фразу. Однако в служебном общении руководителя с подчиненными такие уточнения неизбежно будут использовать реже – в силу того, что, по мнению подчиненных, могут быть восприняты руководителем как признак несообразительности или низкой квалификации. При интерпретации же получаемых документов (приказов, распоряжений и т.п.) такое уточнение для госслужащих-исполнителей просто невозможно. Это означает, что правильность понимания и истолкования получаемых распоряжений может быть оценена вышестоящими руководителями только по тем действиям, которые предпринимаются на нижестоящих уровнях управленческой иерархии, т.е. после того, как некоторый объем ресурсов был использован².

В бизнес-практиках фирм неясные, расплывчатые термины и формулировки могут использоваться вполне сознательно для того, чтобы подтолкнуть нижестоящих менеджеров действовать более инициативно и творчески, что получило название «стратегической неясности» (*strategic ambiguity*) (Eisenberg, 1984). Неоднозначность понимания может породить достаточно широкое множество вариантов предложений со стороны нижестоящих менеджеров, выбор из которых останется в руках вышестоящих (Jalonen et al., 2018). В системе государственного управления такой прием используется существенно реже, обычно в связи с намечаемыми изменениями (Leitch, Davenport, 2003). Одна из причин этого – наличие четкого законодательного разграничения полномочий между уровнями государственного устройства, в то время как внутри фирм перераспределение полномочий осуществимо решениями вышестоящих менеджеров.

В государственных же структурах стратегическая неясность может создаваться (и создается) *ненамеренно*, как следствие тех формулировок, которые применяются при описании политики, принимаемой на верхних уровнях госуправления. Отмеченное выше нежелание «переспрашивать» у вышестоящих руководителей, какой смысл они вкладывают в используемые предписания, приводит к тому, что «политика, даже если она задается на центральном уровне, по-разному интерпретируется, корректируется и проводится в жизнь различными группами субъектов, принимающих политические решения» (Maguire et al., 2010: 153).

² В юридической науке существует специальная отрасль, посвященная изучению проблем толкования норм права (см., например: Власенко, 2006).

Смягчение подобных последствий, являющихся результатом организационно-институциональных особенностей системы государственного управления, безусловно, возможно посредством расширения использования различных форм «вертикальной» коммуникации, обеспечивающих непосредственное общение управленцев разных уровней не на широких публичных форумах, где опасения «потерять лицо» особенно сильны, а в более локальных совещаниях и обсуждениях. Однако последние требуют повышенных издержек времени, что не может не ограничивать их частоту. Другой способ «уточнения понятий» – распространение вместе с официальными документами также и разъяснений, подготавливаемых известными экспертными организациями, работники которых имеют возможность горизонтального общения с вышестоящими руководителями.

Понятие региональной экономической политики

Любая экономическая (как, впрочем, и всякая другая) деятельность осуществляется на той или иной территории (включая, разумеется, и акватории), в силу чего территориальные (региональные или пространственные – будем считать здесь все три прилагательных синонимами) характеристики не могут не присутствовать практически во всех видах проводимой политики: например, в литературе обсуждаются региональные аспекты демографической (Хурамшина и др., 2025), образовательной (Калугина, 2024), промышленной (Филатов, 2013) и других политик. Вместе с тем в государствах, имеющих федеративное устройство, субъекты федерации также осуществляют различные виды политики в рамках своей компетенции. Это означает необходимость разделять (но не противопоставлять) федеральную политику, имеющую территориальные черты, и региональную политику, формируемую и проводимую в жизнь органами управления субъектов федерации.

РЭП, особенности реализации которой составляют предмет нашего исследования, относится к первому типу политики: здесь *намерения* характеризуют те стороны экономики региона, которые представляются важными для центрального руководства с точки зрения достижения желаемого состояния всей экономики страны, а *способы реализации* этих намерений включают инструменты воздействия на экономических агентов, которые породили бы их действия, приводящие региональную экономику в состояние, требуемое для преобразования национальной экономики в состояние, устанавливаемое федеральным центром. Соответственно, второй тип включает политику развития региональной экономики (далее ПРРЭ); в ее рамках *намерение* очерчивает желаемое состояние этих подсистем национальной экономики с точки зрения органов регионального управления, а *способы реализации* призваны обеспечить действия экономических агентов, трансформирующие региональную экономику в намеченном направлении.

Легко видеть, что наилучшее сочетание РЭП и ПРРЭ устанавливается тогда, когда намерения последних охватывают те стороны региональной экономики, которые содействуют осуществлению соответствующих намерений РЭП, а те, в свою очередь, не вступают в противоречие с видением будущего региональной экономики ее акторами. Иными словами, в рамках упомянутого наилучшего сочетания региональные власти принимают федеральные намерения как реализованные, согласуя с ними свои намерения и стимулируя к этому бизнес, работающий на территории региона, а федеральные власти не намечают на соответствующей территории действия, препятствующие работе бизнеса и благополучию жителей. Понятно, что отступление от таких ситуаций в принципе возможно, если у выбранных центром намерений или методов их реализации нет осуществимых альтернатив, хотя при этом положение дел в соответствующем регионе может оказаться не наилучшим с точки зрения его граждан и/или органов руководства. Смягчение или устранение таких несоответствий предполагает, как известно, выработку согласованных позиций путем формирования компенсаций всеми стейкхолдерами, что предполагает коррекцию их намерений и видений.

Предлагаемая трактовка двух типов политики, ориентирующих функционирование и развитие экономики субъектов федеративных (и иных масштабных по территории) государств, не является оригинальной или единственной. Например, Е.С. Устинович (2020: 67) предлагает именовать государственной региональной экономической политикой политику «федерального центра в отношении экономического развития региона», а региональной экономической политикой – политику самого региона, направленную на его экономическое развитие. Как мы видим, хотя термины различаются, подходы совпадают. О.В. Кузнецова отмечала: «...эксперты

очень по-разному толкуют понятие “региональная политика”. Кто-то считает, что региональная политика – это все региональные аспекты деятельности федеральных органов власти. Кто-то считает, что региональная политика – это межбюджетные отношения. Кто-то считает, что региональная политика – это деятельность Министерства регионального развития РФ. Есть мнение, что региональная политика – это та часть деятельности федеральных властей, единственная цель которой – влиять на изменение пропорций социально-экономического развития регионов» (Кузнецова, 2011: 167); при этом в статье подчеркнута, что автор разделяет последний вариант трактовки. Это вполне совпадает с нашим подходом в части намерений РЭП, но отличается от него в том, что касается общего понимания региональной политики: как отмечалось выше, с нашей точки зрения, это не «часть деятельности федеральных властей», а результат этой части, содержащий как ее намерения относительно состояния экономики всех регионов или их ряда, так и представления о том, какими действиями следует добиваться их перехода к этим состояниям.

К приведенному выше определению РЭП была близка ее трактовка, данная в первом нормативном документе РФ, Указе Президента Российской Федерации от 03.06.1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», где использовалась такая формула: «Под региональной политикой в Российской Федерации понимается система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации». В силу окончания срока действия Основных положений был принят новый нормативный документ – Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденный Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», где в п. 1.2 государственная политика регионального развития определялась как «система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». В этой формулировке используется термин «действия», а в содержание политики фактически включен также и *процесс ее реализации* («действия федеральных органов государственной власти»), что, по нашему мнению, затрудняет как изучение этого процесса, так и выработку рекомендаций по его совершенствованию.

Б.Л. Лавровский (2015: 121), справедливо отметив, что «[о]тсутствие теоретической ясности в понятийном аппарате регионалистики, четких определений, касающихся ее ключевых категорий, на практике неизбежно приводит к размытости содержания региональной политики», формулирует следующее определение последней: «региональной будем называть государственную политику, направленную с использованием всего спектра инструментов государственного регулирования на недопущение и преодоление региональных диспропорций» (Там же: 127). Как представляется, это положение характеризует не понятие государственной региональной политики, а один из ее вариантов, связанный с недопущением и преодолением межрегиональных диспропорций. Между тем в целом легко представить себе в той или иной стране такую государственную политику, когда, например, диспропорции увеличиваются посредством ускоренного развития одной группы за счет перераспределения ресурсов другой группы, что в целом может обеспечить те или иные цели государства.

А.Н. Швецов (2025: 6), анализируя систему региональной политики, характеризует ее сложившееся состояние как «конгломерат целей, объектов, органов и мер несогласованного и непоследовательного регулирования отдельных сторон региональной действительности, не обеспечивающего синергии регулирования пространственного развития». Результативность и эффективность региональной политики автор связывает с ее системным упорядочением, «результатом которого должна стать внутренне непротиворечивая и согласованно развивающаяся система региональной политики» (Там же). В статье не формулируется четкое определение региональной политики, однако из приводимых положений оно легко логически выводится: совокупность «мер государственного воздействия на региональное развитие» (Там же: 7), которая на протяжении всего пореформенного периода «не была целостным объектом ни изначального системного конструирования, ни последующей ее систематизации» (Там же: 7–8). В статье пред-

лагаются решать возникшие проблемы, «задействовав потенциал системного упорядочения всех аспектов региональной политики как единого целого: от представлений о сути пространственно организованного развития в постсоветский переходный период до процедур принятия соответствующих решений и оценки их результатов» (Там же: 10–11).

Полностью соглашаясь с необходимостью системного подхода к изучению тематики регионального развития страны, мы считаем затруднительным принять высказанную идею рассмотрения «всех аспектов региональной политики как единого целого». Ведь процитированное выше понимание этого целого охватывает как разработку региональной политики, так и ее реализацию (проведение в жизнь). Между тем это технологически несовпадающие процессы, в которых задействованы разные группы акторов и организаций, а также принципиально разные виды и масштабы ресурсов. Кроме того, именно в ходе реализации политики проявляются те когнитивные эффекты, которые были проанализированы в предыдущем подразделе.

Анализ процесса реализации региональной политики

Разграничение выработки и формулирования РЭП и ее реализации не означает, что мы рассматриваем эти два типа действий как последовательные этапы, выполняемые разными группами людей, – как если бы разработчики политики, сформулировав ее намерения и выбрав способы их реализации, принялись «почивать на лаврах», занявшись чем-то иным, тогда как другая группа госслужащих принялась доводить полученный документ до своих подчиненных на всех уровнях госуправления для того, чтобы те выполняли переданные им указания. Вертикальная коммуникация относительно политики отнюдь не прекращается после официального установления конкретной политики. Однако если на этапе формулирования политики коммуникация *могла* быть направлена снизу вверх, то в ходе реализации такие сообщения становятся *обязательными*, поскольку вышестоящим руководителям передаются данные о том, каковы результаты проведения установленной политики. Своеобразное понимание нижестоящими госслужащими намерений, задаваемых той или иной политикой, может привести к выбору таких способов воплощения этих намерений, которые дадут результаты, отличные от ожидаемых. Поэтому крайне важно обеспечить точную и корректную оценку процесса реализации политики (Pawson, 2013).

В отечественной литературе обсуждение темы реализации РЭП часто сводится к характеристике результатов этого процесса и возникающих препятствий и трудностей, обусловленных либо качеством политики, либо нехваткой финансирования, либо и тем и другим; организационно-институциональный аспект реализации при этом не затрагивается. Например, Н.Н. Михеева и Р.И. Ананьева (2011) включают в состав инструментов реализации РЭП федеральные целевые программы, инвестиционные проекты и особые экономические зоны; С.Н. Леонов (2017: 41) отмечает разнообразие инструментов реализации государственной региональной политики на Дальнем Востоке: это «региональные программы, особые экономические зоны, зоны территориального развития, Свободный порт Владивосток, территории опережающего социально-экономического развития»; однако подчеркивается, что «увлечение созданием территорий с особыми режимами породило завышенные ожидания от их реализации и отношение к ним как к панацее, притом, что ни одна из локальных территорий с особыми режимами, созданная на ДВР в рамках теории “точек роста”, не продемонстрировала реального эффекта диффузии инноваций». Согласно И.Н. Домниной (2018: 71), «общими проблемами для большинства субъектов федерации при воплощении стратегических целей инвестиционного развития являются: недостаточность инвестиций в экономику субъекта; нерациональное или нечеткое распределение функций исполнительной власти и структур, занимающихся работой с инвесторами; недостаточная вовлеченность бизнес-сообщества в разработку и экспертизу применяемых решений в области инвестиционной политики; низкая узнаваемость субъекта федерации и осведомленность предпринимателей о его инвестиционном потенциале». Г.Г. Рубцов (2025: 123) в число основных мер регионального развития относит «государственные (региональные) программы, национальные (региональные) проекты, региональные фонды развития секторов народного хозяйства, прямые и косвенные меры государственного регулирования региональных рынков в части системы налогообложения, нормотворческой деятельности», а также особые экономические зоны, территории опережающего развития и индустриальные (промышленные) парки.

Между тем нельзя не отметить, что для анализа процессов реализации РЭП и выработки рекомендаций по их совершенствованию мало перечислить инструменты реализации политики, такие как целевые программы, проекты, особые экономические зоны и т.п., – их перечень определяется нормативными документами и может меняться по мере появления новых. Не менее важно указать, какие из типов наиболее полезны для осуществления тех или иных намерений, определяемых той или иной политикой, т.е. связать типы инструментов с характеристиками намерений. Еще один значимый фактор заключается в анализе существующих практик и разработке методик того, каково должно быть содержание различных инструментов для того, чтобы они «сработали», обеспечить успешное выполнения намерений политики. Например, программы и проекты можно формировать по-разному, включая в них несовпадающие мероприятия, а к тем или иным видам особых экономических зон относить территории, отличающиеся друг от друга инфраструктурным обеспечением.

Наличие таких вариантов ясно говорит о важности методологии оценки и сопоставления вариантов инструментов реализации РЭП, и эта тема не осталась без внимания среди отечественных исследователей, хотя осуществленный анализ не всегда оказывается в должной мере обоснованным. Так, А.Т. Амирова (2016: 290) утверждает, что «в литературе выделяется по крайней мере четыре подхода к оценке результативности мер региональной политики: 1) соизмерение издержек и выгод; 2) сравнение действительных результатов политики с возможными результатами развития без осуществления данной политики; 3) оценка отдельных индикаторов; 4) оценка степени достижения поставленных целей». Очевидно, среди выделенных подходов только последний является оценкой *результативности*: ведь поставленные цели – это и есть характеристики желаемого результата.

С нашей точки зрения, отсутствию обоснованного подхода к выбору действенных инструментов реализации РЭП содействует и недостаточный уровень научного анализа процессов и методов такого отбора, в которых, согласно действующим практикам, ведущую роль играет концепция эффективности: «поиск дополнительных источников роста должен быть сопряжен с целостной системой оценки эффективности уже действующих мер. Следует признать, что такая система в России по-прежнему находится в стадии формирования» (Котов, 2020: 352). В этой связи А.В. Котов отмечает «четыре больших класса прикладных задач, на решение которых направлена оценка эффективности: оценка эффективности предоставления общественных благ в регионах...; оценка эффективности форм (точечных феноменов) пространственной организации экономики...; оценка поддержки региональных и макрорегиональных целевых программ как совокупности реализации программно-целевых задач...; оценка эффекта от формирования макрорегионов, в основе которых лежит реализация крупных проектов...» (Там же: 354).

К сожалению, среди названных задач отсутствует *центральная* задача оценки эффективности – выбор варианта реализации цели. Тем самым автор оставил без внимания методологические основы концепции эффективности, заложенные в работе В.В. Новожилова (1972) и являющиеся общепринятыми в экономической науке: расчеты эффективности проводятся при отборе вариантов реализации цели, причем таких, что каждый из них полностью реализует цель, хотя и с разными издержками. Расчет соотношения издержек и выгод для вариантов, которые различаются уровнями достижения целей, возможен, но не имеет смысла при выборе одного из них. В результате такого невнимания к научной концепции экономической эффективности осталась вне обсуждения тема значимости разработки и явного сопоставления альтернатив достижения целей в процессе формирования целевых программ. Между тем именно эта методическая особенность выступает одним из критериев продуктивности целевых программ в сравнении с другими планами и проектами сложной совокупности действий.

Отмеченные неточности не являются, разумеется, повсеместными: другие авторы предлагают обоснованные подходы к анализу процессов реализации РЭП. Так, в статье А.Г. Поповой (2018) обосновывается значимость оценки результативности РЭП с учетом не только экономических, но также социальных и экологических составляющих последствий применяемых инструментов; А.В. Полянин (2023) обосновывает значимость для реализации РЭП обеспечения приоритетности таких задач: содействие предпринимательству, развитие образования, создание специализированной инфраструктуры для развития сервисных отраслей; в работе К.И. Феоктистовой (2024) обсуждается такой нестандартный для сложившейся практики инструмент, как *институциональные программы*

развития, нацеливаемые на изменение правил поведения экономических агентов региона, проблемы действенности которых анализируются на примере программы «Дальневосточный гектар». Тем самым можно говорить о накоплении оснований для решения задачи формирования целостной системы оценок для разработки и реализации региональной политики, как базовой федеральной, так и дополняющих ее на уровне развития субъектов Российской Федерации.

В мировой литературе вопросам реализации политики посвящена весьма обширная литература, в которой применительно к РЭП обсуждаются конкретные механизмы реализации провозглашенных намерений, их положительные и отрицательные черты, трудности проведения в жизнь и т.п. (см., например: Brugger, 1982; Thierstein, Egger, 1998; Blazek, 2000; Kovács, 2004; Bufon, Markelj, 2010; Garretsen et al., 2013; Ferry, 2021; Meili, Mayer, 2024). Вместе с тем за длительный период изучения практик проведения в жизнь различных вариантов государственной политики, в том числе региональной, были разработаны и более общие вопросы. Так, была предложена структурная модель реализации политики, включавшая: (1) внешнюю среду, которая стимулирует политиков и чиновников к выработке и реализации политики, а также получает результаты их действий; (2) запрос со стороны внешней среды и ресурсы для его удовлетворения; (3) процесс преобразований, который охватывает официальные структуры и процедуры госуправления и предполагает трансформацию запросов и ресурсов в государственную политику; (4) цели, намерения, заявляемые правительственными должностными лицами; (5) фактическое проведение политики в жизнь; (6) обратная связь, которая предполагает взаимодействие с внешней средой по итогам реализации политики и возвращение к процессу преобразований в плане корректировки запросов и ресурсов в последующие периоды (Van Meter, Van Horn, 1975). Отличительной чертой этой модели, как отмечали ее авторы, было разграничение между реализацией политики и ее разработкой³. Это разграничение является весьма значимым, и прежде всего с точки зрения состава и объемов расходования ресурсов. Если разработка политики предполагает использование интеллектуальных способностей небольшого числа людей и информации, то ее реализация может потребовать на порядок большего числа участников и расходования самых разных материальных и иных ресурсов. В этой связи тот упоминавшийся выше факт, что многие отечественные исследователи не разграничивают этапы разработки и реализации РЭП, принижает важность второго этапа и не привлекает должного внимания к его изучению. Этот второй этап выходит за рамки перечисления используемых инструментов и сопоставления намеченных и фактических значений применяемых показателей.

Современное понимание политического процесса в мировой литературе основывается на предложенной Дж. Кингдоном (Kingdon, 1984) концепции множественных потоков (*multiple streams framework*). Согласно этой концепции, формирование любой политики является взаимодействием различных акторов, обладающих хотя и близкими, но нетождественными убеждениями, что порождает неясность (*ambiguity*) в итоговых формулировках, касающихся как намерений, преследуемых при проведении той или иной политики, так и предпочтительных способов их осуществления⁴. Также в рамках этой концепции затрагиваются такие черты политического процесса, как временные ограничения (окон возможностей), несопадающие предпочтения, неясность существующих технологий, меняющийся состав участников, а также независимость представляемых ими социальных групп и организаций. В свою очередь, политическое сообщество, соединяющее упомянутые группы и организации, состоит из «слабо связанных государственных служащих, групп специальных интересов, преподавателей, исследователей и консультантов (так называемых скрытых участников), которые привлекаются к выработке альтернатив постановки различных политических проблем» (Herweg, 2016: 132). Изменчивость состава участников и независимость представляемых ими групп позволяют адекватно описывать политический процесс так называемой теорией непредвиденных обстоятельств (*contingency theory*),

³ Интересно отметить, что одним из оснований для такого разграничения был продолжительный, многотрудный и безуспешный процесс реализации политики экономического развития, проводимой Агентством экономического развития калифорнийского города Окленда и ориентированной на рост занятости локальных меньшинств (Graham, 2005; Hupe, 2011).

⁴ Один из истоков этой концепции – модель «мусорного ящика» (или «мусорной корзины», *garbage can model*), предложенная для описания процессов принятия решений в организациях относительно изменений в них, характеризующихся как «организованная анархия» (*organized anarchy*) (Cohen et al., 1972).

основные положения которой были выдвинуты в конце 1960-х гг. (Fiedler, 1967; Lowin, 1968) и развиты в начале 1970-х (Vroom, Jago, 1974); в частности, были выделены такие группы стилей принятия решений, как автократический, консультативный и групповой.

Нелишне подчеркнуть, что упомянутые выше черты относятся к политическому процессу в целом, т.е. и к стадии реализации сформированной политики. Поскольку последняя призвана скоординировать действия соответствующего сообщества, участники которого являются «держателями» как предпочтений, так и ресурсов, тема координации их решений и действий оказывается основной в теоретической концепции реализации политики.

В работе, посвященной сопоставлению двух альтернатив координации, – централизованно осуществляемой государством и вырабатываемой в ходе переговорного процесса, – авторы подчеркивали, что для любой политики на стадии ее проведения в жизнь определяющей является многоуровневая социальная координация (*multi-level governance*) (Marks et al., 1996: 365). В другой статье этот механизм был образно охарактеризован как «расширенный вратарь» (*extended gatekeeper*), роль которого – предотвращать непродуманные или просто вредоносные действия, касающиеся реализации политики, в процессе коммуникации вовлеченных сторон (Bache, 1999).

Хотя все упомянутые работы относятся ко второй половине прошлого века, актуальность их тематики не сильно снизилась и в наше время. Например, коллектив авторов обращает внимание на то, что «отсутствие эффективной вертикальной координации между разработчиками политики “наверху” и ее исполнителями “внизу” является важным источником дефицита как в конструкции политики, так и в ее реализации», и предлагает применять транзакционный подход для сопоставления издержек развития такой координации с издержками ошибок, допускаемых вследствие ее отсутствия (Adam et al., 2019: 499). Те же проблемы обсуждаются рядом ученых (Abdullahi, Othman, 2020; Ferry, 2021); в другой работе подчеркивается, что «в процессе реализации политики часто не замечают того, что совершают потенциально опасные для ее успеха ошибки. Это особенно характерно для сложных объектов политики, где отсутствует совместное принятие решений (*collaborative policy-making*), а реализация происходит в условиях фрагментированной (*dispersed*) координации» (Peckham et al., 2022: 378).

Безусловно, расширение числа участников политического процесса на его обеих стадиях не может не увеличивать привлекаемую к обоснованию принимаемых решений информацию. Здесь есть и темная сторона – рост вероятности проявления различных форм оппортунистического поведения, в частности искажения поставляемой информации с целью достижения собственных или групповых интересов. Такое поведение может иметь место как со стороны политиков и государственных служащих (Arnstein, 1969), так и со стороны привлекаемых представителей бизнеса и местных сообществ (Тамбовцев, 2017). Поэтому намечаемые формы такого расширения подлежат тщательному научному анализу перед тем, как будут использованы на практике.

В целом на сегодняшний день достигнутое состояние теории реализации политики оценивается как третье поколение проводимых исследований (Sætren, 2024)⁵. Можно выделить следующие базовые подходы к анализу ее объекта: политика рассматривается как нечто принятое, как созданная «вещь», и задача исследователя заключается в выявлении того, как можно улучшить процесс ее создания; одновременно она должна быть реализована, «развернута» (*rollout*), что ставит задачу определения того, как сделать это наилучшим образом; политика – это фиксированный контекст, построенный на доказательных (*evidence-supported*) основаниях, определяющий конечный результат реализации, что ставит задачу обнаружения и анализа механизмов его достижения; политика – это осуществляемая стратегия действий по достижению желаемого результата, вследствие чего актуализируется задача анализа влияния стратегии на получаемый результат (Purtle et al., 2023).

Нелишне отметить, что столь продвинутое состояние теории реализации политики отмечается в рамках политической науки, в то время как в сфере изучения государственного и муниципального управления можно встретить прямо противоположные суждения: «метаобзоры литературы по реализации политики полны стенаний по поводу отсутствия в этой области теории» (Howlett, 2019: 405). Такое радикальное расхождение оценок теоретических оснований

⁵ Год спустя автор выступил с призывом двигаться к четвертому поколению теории (Sætren, Radlick, 2025).

изучения процессов реализации политики со стороны двух близких научных дисциплин имеет, по нашему мнению, вполне очевидное основание: явно недостаточный интерес, который проявляют исследователи в каждой из них к тому, что делают их соседи. Это невнимание во многом связано со сложившимися в этих науках исследовательскими традициями и культурой, не предполагающими высокой значимости междисциплинарных исследований. Это относится и к отечественным исследованиям процессов реализации РЭП, включая те, результаты которых были рассмотрены выше. Об этом свидетельствует отсутствие упоминаний о теоретических разработках в области реализации политики, осуществленных в зарубежной литературе.

Заключение

Проведенный анализ ряда отечественных и зарубежных исследований, посвященных реализации региональной политики, дает основания заключить, что применяемые в них подходы пока еще не в полной мере опираются на результаты, полученные как в политической, так и экономической науке. Иными словами, эмпирическое исследование недостатков и достижений этих процессов не должно препятствовать теоретическому осмыслению их причин и факторов на основе положений упомянутых наук. Организационно-институциональный подход, логически следующий из новой институциональной экономической теории, может оказаться полезным не только для таких обобщений, но и для выработки рекомендаций по совершенствованию процессов реализации РЭП.

Разумеется, выработка таких рекомендаций исследователями не означает, что они будут приняты: вопрос влияния научных выводов на реальные политические решения обсуждается давно, не приводя к ощутимым изменениям в сложившихся практиках (Shulock, 1999; Edler et al., 2022). Как представляется, весомая причина невнимания к формулируемым рекомендациям – недостаточный учет исследователями специфики политических процессов; выше нами вкратце очерчен разработанный подход к изучению особенностей таких процессов.

Учет этих особенностей означает, что при выработке предложений полезно принимать во внимание ряд моментов. Чтобы понять, как реализовать ту или иную региональную политику, принятую центральным, в том числе федеральным правительством, нужно прежде всего выяснить, что она означает для исполнителей, т.е. иерархии нижестоящих госслужащих: достаточно ли им для проведения политики в жизнь (1) выполнять те же действия, которые они осуществляли, реализуя предыдущую политику, быть может – относительно других объектов, или (2) нужно изменить эти действия, т.е. или делать что-то другое, или старое, но в большем объеме. В случае (1) можно не ожидать каких-либо трудностей в осуществлении того, что должны делать работники органа управления. В случае (2) нужна работа со служащими по объяснению им того, что они должны делать, реализуя изменившуюся политику.

Нельзя не отметить, что реализация РЭП часто сводится к перечислению механизмов реализации и ссылке на разработку плана реализации того или иного документа, описывающего стратегию, программу или план осуществления действий, которые должны привести к желательному результату. Однако необходимо, наряду со стратегиями и программами, включать в инструменты реализации политики также различные институциональные изменения и разовые дискреционные решения, которые равны по значимости программам, проектам и планам.

Полезно учитывать также и то, что разные объекты политики предполагают реализацию намерений относительно них посредством несовпадающих типов действий. Например, политика здравоохранения в конечном счете может быть сведена к массовым действиям медицинских работников и самих потенциальных и фактических пациентов, а политика образования – к действиям всех преподавателей, учащихся и их родителей, а также руководителей и работников ряда организаций, непосредственно не оказывающих образовательные услуги. В то же время для РЭП подобная массовость субъектов, от которых зависит успешность ее реализации, фактически отсутствует, и множество исполнителей (субъектов, непосредственно проводящих РЭП в жизнь) оказывается куда менее массовым, включая, наряду с работниками различных органов государственного и муниципального управления, также некоторых активистов гражданского общества и инвесторов. Привлекательность намерений, закладываемых региональной экономической политикой, для этих акторов может играть важную роль для их успешного осуществле-

ния, а непривлекательность способна снизить активность в поиске действенных локальных мер проведения политики в жизнь, и ее реализация потребует больших затрат.

В одной статье невозможно сколько-нибудь полно охарактеризовать те выводы, которые следуют из организационно-институционального подхода к анализу процесса реализации региональной экономической политики. Мы надеемся, что высказанные соображения окажутся полезными для того, чтобы привлечь внимание исследователей к затронутым вопросам.

Литература / References

- Амирова А.Т. (2016). Оценка программ и политик на федеральном и региональном уровне в России и в мире. *Фундаментальные исследования* (7), 287–293. [Amirova, A. (2016). Program and policy evaluation at the federal and regional level in Russia and in the world. *Fundamental Research* (7), 287–293 (in Russian)].
- Власенко Н.А. (2006). Неопределенность в праве: понятие и пути исследования. *Российское правосудие* (7), 4–12. [Vlasenko, N. (2006). Uncertainty in law: the concept and ways of research. *Russian Justice* (7) 4–12 (in Russian)].
- Домнина И.Н. (2018). Стратегирование инвестиционной деятельности как инструмент политики регионального развития. *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки* (3), 65–76. [Domnina, I. (2018). Strategizing investment activity as a policy tool for regional development. *Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs. Series: Economics* (3), 65–76 (in Russian)]. EDN: YAAHPV
- Калугина Т.Г. (2024). Региональные аспекты современной государственной политики в сфере среднего профессионального образования (на примере Иркутской области). *Известия Иркутского государственного университета, Серия: Политология. Религиоведение* **48**, 62–72. [Kalugina, T. (2024). Regional aspects of modern state policy in the field of upper-grade vocational education (Irkutsk region's case). *Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies* **48**, 62–72 (in Russian)]. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.48.62
- Котов А.В. (2020). Оценка эффективности инструментов региональной политики. *Экономика региона* **16**(2), 352–362. [Kotov, A. (2020). Assessing the effectiveness of regional policy tools. *Economy of Region* **16**(2), 352–362 (in Russian)].
- Кузнецова О.В. (2011). Есть ли у нас региональная политика? *Журнал новой экономической ассоциации* (10), 166–168. [Kuznetsova, O. (2011). Do we really have a regional policy in Russia? *Journal of the New Economic Association* (10), 166–168 (in Russian)].
- Лавровский Б.Л. (2015). Государственная политика регионального развития: вопросы теории. *Федерализм* (4), 121–130. [Lavrovskij, B. (2015). State policy for regional development: Theoretical issues. *Federalizm* (4), 121–130 (in Russian)].
- Леонов С.Н. (2017). Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России. *Пространственная экономика* (2), 41–67. [Leonov, S. (2017). Tools of the state regional policy in the Russian Far East. *Spatial Economics* (2), 41–67 (in Russian)]. DOI: 10.14530/se.2017.2.041-067
- Майминас Е.З., Тамбовцев В.Л., Фонов А.Г. (1986). К методологии обоснования долгосрочных перспектив экономического и социального развития СССР. *Экономика и математические методы* **22**(3), 397–411. [Maiminas, E., Tambovtsev, V., Fonotov, A. (1986). Toward the methodology of grounding long-term perspectives of the USSR social and economic development. *Economics and Mathematical Methods* **22**(3), 397–411 (in Russian)].
- Михеева Н.Н., Ананьева Р.И. (2011). Инструменты региональной политики. Оценка эффективности использования. *Регион. Экономика и социология* (3), 39–57. [Mikheyeva, N., Ananyeva, R. (2011). Tools of regional policy: assessing the efficiency of their application. *Region: Economics and Sociology* (3), 39–57 (in Russian)].

- Новожилов В.В. (1972). *Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании*. М.: Наука. [Novozhilov, V. (1972). *Problems of costs and benefits measurement at optimum planning*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian)].
- Полянин А.В. (2023). Экономическая сущность инструментов региональной экономической политики. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы* (5), 74–79. [Polyanin, A. (2023). The economic essence of regional economic policy instruments. *Innovative economy: information, analysis, prognoses* (5), 74–79 (in Russian)]. DOI: 10.47576/2411-9520_2023_5_74
- Попова А.Г. (2018). К вопросу об оценке результативности региональной политики, как совокупности экономического, социального и экологического компонентов. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал* (2), ст. 5408. [Popova, A. (2018). To the question of assessing the effectiveness of regional policy, as a combination of economic, social and environmental components. *Regional economy and management: Electronic scientific journal* (2), art. 5408 (in Russian)]. <https://eee-region.ru/article/5408/> (дата обращения: 20.10.2026).
- Рубцов Г.Г. (2025). Инструменты регионального развития и их применение в Санкт-Петербурге. *Прогрессивная экономика* (3), 120–138. [Rubtsov, G. (2025). Regional development tools and their application in St. Petersburg. *Progressive Economy* (3), 120–138 (in Russian)]. DOI: 10.54861/27131211_2025_3_120
- Тамбовцев В.Л. (2017). Планирование и оппортунизм. *Вопросы экономики* (1), 22–39. [Tambovtsev, V. (2017). Planning and opportunism. *Voprosy Ekonomiki* (1), 22–39 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-1-22-39
- Устинович Е.С. (2020). Вопросы операционального определения категорий «государственная региональная экономическая политика» и «региональная экономическая политика» в современной политической науке. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право* (3), 63–69. [Ustinovich, E. (2020). Issues of operational definition of categories “state regional economic policy” and “regional economic policy” in modern political science. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* (3), 63–69 (in Russian)].
- Феоктистова К.И. (2024). Инструменты региональной экономической политики, направленные на изменение качества институтов: теоретический подход к управлению и практика реализации в ДФО. *Теоретическая и прикладная экономика* (4), 87–106. [Feoktistova, K. (2024). Regional economic policy instruments towards changing the quality of institutions: Theoretical approach to analysis and implementation in the Russian Far East. *Theoretical and Applied Economics* (4), 87–106 (in Russian)]. DOI: 10.25136/2409-8647.2024.4.72776
- Филатов В. (2013). Национальный и региональный аспекты формирования инновационной политики. *Вестник Института экономики РАН* (5), 92–99. [Filatov, V. (2013). National and regional aspects of innovative policy formation. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences* (5), 92–99 (in Russian)].
- Хурамшина А.З., Хайруллина Ю.Р., Талибова Ф.Т. (2025). Особенности демографической политики – региональный аспект: опыт Республики Татарстан. *Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление* 12(3), 359–365. [Khuramshina, A., Khayrullina, Yu., Talibova, F. (2025). Specifics of demographic policy at the regional level: The case of the Republic of Tatarstan. *RUDN Journal of Public Administration* 12(3), 359–365 (in Russian)]. DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-359-365
- Швецов А.Н. (2025). Система региональной политики: концепция и реальность. *Регион: экономика и социология* (1), 6–29. [Shvetsov, A. (2025). Regional policy system: Concept and reality. *Region: Economics and Sociology* (1), 6–29 (in Russian)]. DOI: 10.15372/REG20250101
- Abdullahi, M., Othman, N. (2020). Bridging the gap between policy intent and implementation. *Journal of Science, Technology and Innovation Policy* 6(1), 24–33.
- Adam, C., Hurka, S., Knill, C., Peters, B., Steinbach, Y. (2019). Introducing vertical coordination to comparative policy analysis: The missing link between policy production and implementation. *Journal of Comparative Policy Analysis* 21(5), 499–517.

- Arnstein, S. (1969). A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of Planners* **35**(4), 216–224.
- Bache, I. (1999). The extended gatekeeper: Central government and the implementation of EC regional policy in the UK. *Journal of European Public Policy* **6**(1), 28–45.
- Blazek, J. (2000). (In)consistency and (In)efficiency of the Czech Regional Policy in the 1990s. *Informationen zur Raumentwicklung* (7/8), 373–379.
- Brugger, E. (1982). Regional policy in Costa Rica: The problems of implementation. *Geoforum* **13**(2), 177–192.
- Bufon, M., Markelj, V. (2010). Regional policies and cross-border cooperation: New challenges and new development models in Central Europe. *Revista Română de Geografie Politică* **12**(1), 18–28.
- Cohen, M., March, J., Olsen, J. (1972). A garbage can model of organizational choice. *Administrative Science Quarterly* **17**(1), 1–25.
- Edler, J., Karaulova, M., Barker, K. (2022). Understanding conceptual impact of scientific knowledge on policy: The role of policy-making conditions. *Minerva* **60**(2), 209–233.
- Eisenberg, E. (1984). Ambiguity as strategy in organizational communication. *Communication Monographs* **51**(3), 227–242.
- Ferry, M. (2021). Pulling things together: Regional policy coordination approaches and drivers in Europe. *Policy and Society* **40**(1), 37–57. DOI: 10.1080/14494035.2021.1934985
- Fiedler, F. (1967). *A Theory of Leadership Effectiveness*. N.Y.: McGraw Hill.
- Garretsen, H., McCann, P., Martin, R., Tyler, P. (2013). The future of regional policy. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society* **6**(2), 179–186.
- Graham, A. (2005). Pressman/Wildavsky and Bardach: Implementation in the public sector, past, present and future. *Canadian Public Administration* **48**(2), 268–273.
- Herweg, N. (2016). Clarifying the concept of policy communities in the multiple streams framework. In: Zohlnhöfer, R., Rüb, F. (eds.) *Decision-Making under Ambiguity and Time Constraints: Assessing the Multiple Streams Framework* (ch. 8, pp. 125–145). Colchester, UK: ECPR Press.
- Howlett, M. (2019). Moving policy implementation theory forward: A multiple streams/critical juncture approach. *Public Policy and Administration* **34**(4), 405–430. DOI: 10.1177/0952076718775791
- Hupe, P. (2011). The thesis of incongruent implementation: Revisiting Pressman and Wildavsky. *Public Policy and Administration* **26**(1), 63–80. DOI: 10.1177/0952076710367717
- Jalonen, K., Schildt, H., Vaara, E. (2018). Strategic concepts as micro-level tools in strategic sense-making. *Strategic Management Journal* **39**(10), 2794–2826.
- Kingdon, J. (1984). *Agendas, Alternatives and Public Policies*. N.Y.: Longman.
- Kovács, I. (2004). Challenges of regional policy and responses of traditional public administration in East-Central European countries. *Society and Economy* **26**(2/3), 325–339.
- Leitch, S., Davenport, S. (2003). Strategic ambiguity in communicating public sector change. *Journal of Communication Management* **7**(2), 129–139.
- Levy, D., Glimcher, P. (2012). The root of all value: A neural common currency for choice. *Current Opinion in Neurobiology* **22**, 1027–1038. DOI: 10.1016/j.conb.2012.06.001
- Lowin, A. (1968). Participative decision making: A model, literature critique, and prescriptions for research. *Organizational Behavior and Human Performance* **3**(1), 68–106.
- Maguire, M., Ball, S., Braun, A. (2010). Behaviour, classroom management and student “control”: Enacting policy in the English secondary school. *International Studies in Sociology of Education* **20**(2), 153–170.
- Marks, G., Hooghe, L., Blank, K. (1996). European integration from the 1980s: State-centric v. multi-level governance. *Journal of Common Market Studies* **34**(3), 341–378.
- Meili, R., Mayer, H. (2024). The evolution of regional policy in Switzerland: From a growth oriented

- to a challenge-led policy? *Local Economy: The Journal of the Local Economy Policy Unit* **39**(1-2), 84–91. DOI: 10.1177/02690942241282273
- Moreno-Rodriguez, S., Béranger, B., Volle, E., Lopez-Persem, A. (2025). The human reward system encodes the subjective value of ideas during creative thinking. *Communications Biology* **8**, art. 37.
- Pawson, R. (2013). *The Science of Evaluation: A Realist Manifesto*. Los Angeles: SAGE.
- Peckham, S., Hudson, B., Hunter, D., Redgate, S. (2022). Policy success: What is the role of implementation support programmes? *Social Policy & Administration* **56**(3), 378–393.
- Purtle, J., Moucheraud, C., Yang, L., Shelley, D. (2023). Four very basic ways to think about policy in implementation science. *Implementation Science Communications* **4**, art. 111.
- Sætren, H. (2024). An intellectual history and state-of-the-art assessment of policy implementation research and theory. In: Sager, F., Mavrot, C., Keiser, L. (eds.) *Handbook of Public Policy Implementation* (pp. 12–31). Cheltenham: Edward Elgar.
- Sætren, H., Radlick, R. (2025). Moving beyond third generation policy implementation research towards a fourth generation: Synthesizing across policy process theories. *Policy Studies Journal* (in press). DOI: 10.1111/psj.70078
- Shulock, N. (1999). The paradox of policy analysis: If it is not used, why do we produce so much of it? *Journal of Policy Analysis and Management* **18**(2), 226–244.
- Thierstein, A., Egger, U. (1998). Integrated regional policy: Lessons from Switzerland. *Environment and Planning C: Government and Policy* **16**(2), 155–172.
- Van Meter, D., Van Horn, C. (1975). The policy implementation process: A conceptual framework. *Administration & Society* **6**(4), 445–488. DOI: 10.1177/009539977500600404
- Vroom, V., Jago, A. (1974). Decision making as a social process: Normative and descriptive models of leader behavior. *Decision Sciences* **5**(4), 743–769. DOI: 10.1111/j.1540-5915.1974.tb00651.x

Ученый на службе у работодателя? Апологетика кредитования домашних хозяйств в статьях экономистов

Верников Андрей Владимирович

Институт экономики РАН, Москва, Россия, e-mail: vemnikov@inecon.ru

Курьшева Анна Александровна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: vesta11@list.ru

Цитирование: Верников А.В., Курьшева А.А. (2026). Ученый на службе у работодателя? Апологетика кредитования домашних хозяйств в статьях экономистов. *Terra Economicus* 24(1), 37–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-37-52

Предмет нашего исследования – отношение российских экономистов к финансированию домашних хозяйств через потребительское кредитование. Актуальность темы определяется растущим вовлечением домашних хозяйств в долговые отношения с банками. Нас волнует такой аспект, как влияние научного дискурса на восприятие обществом потребительского кредитования и возникающей вследствие него долговой зависимости граждан. Целью работы стало выявление смысловых коннотаций в работах отечественных экономистов, касающихся потребительского кредитования и жизни в долг. Выборка образцов научного дискурса включила 106 текстов, опубликованных с 1998 по 2024 г. в журналах из базы РИНЦ. Метод – дискурсивный социологический анализ. Выявленную нами направленность большинства этих статей мы интерпретируем как апологетику потребительского кредитования. Отмечается идеологическая не-нейтральность статей по экономике и финансам на данную тему: исследовательские работы российских ученых-экономистов развивают и продвигают идеи кредитной экспансии банков в секторе домашних хозяйств, и в этом отношении экономисты на стороне работодателей, владельцев ссудного капитала, финансового капитала, а не заемщиков. Это отличает тексты экономистов от риторики других обществоведов, которые уделяют больше внимания негативным общественным проявлениям и последствиям долговой зависимости от банков и привычки жить в долг. Статья вносит вклад в научную литературу на стыке экономики развития, институциональной экономики и экономики потребления. В практическом плане наши выводы имеют отношение к политике по исправлению воспроизводственных диспропорций и переходу экономики страны на более здоровый и устойчивый путь развития.

Ключевые слова: *финансирование; институциональная экономика; опережающее потребление; жизнь в долг; экономика развития; воспроизводство*

Благодарность: *Мы благодарим участников 36-й ежегодной конференции ЕАЕРЕ (Бильбао, Испания), VII Сибирского социологического форума (НГУЭУ НИИХ, Новосибирск) и X Международной научно-практической конференции (ИСЭПН РАН, Москва), а также С.Г. Кирдину-Чэндлер.*

A scholar at the service of a banker? Household financialization rhetoric in academic publications

Andrei Vernikov

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia, e-mail: vernikov@inecon.ru

Anna Kuryшева

Southern Federal University, Rostov-na-Donu, Russia, e-mail: vesta11@list.ru

Citation: Vernikov A., Kuryшева A. (2026). A scholar at the service of a banker? Household financialization rhetoric in academic publications. *Terra Economicus* 24(1), 37–52 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-37-52

We examine how Russian economists in their articles assess the financialization of households through consumer lending. The sample consisted of 106 academic texts published between 1998 and 2024 in journals included in the Russian Science Citation Index database. We aimed to identify their connotations with respect to consumer lending through sociological discourse analysis. The findings show that the research papers by Russian academic economists are far from being ideologically neutral. Most of these articles contain the elements which we interpret as a part of typical discourse apologizing the practice of lending to households, namely, developing and promoting the ideas of credit expansion of banks in the household sector. In this regard, economists are rather on the side of the lenders, the owners of financial capital, than on the side of the borrowers. The thrust of most economic texts differs from the rhetoric of other social scientists, who emphasize the negative social consequences of the household financialization. The article contributes to the literature at the intersection of development economics, institutional economics and consumer economics. In practical terms, our findings relate to socio-economic policies to tackle with the problem of economic imbalances and disproportions caused by ongoing financialization and deindustrialization.

Keywords: financialization; institutional economics; precedence of consumption; debt dependence; development economics; economic disproportions

JEL codes: A2, B52, G51, I25, O10

...Не следует думать, что все представители демократии – лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение.
Карл Маркс

1. Введение

Взаимосвязь между экономической наукой, властью и идеологией в некоторых вопросах весьма тесная (Райнерт, 2017: 70). Один из таких вопросов – это соотношение между социально-экономическим развитием, с одной стороны, и финансиацией жизни общества, вовлечением

домашнего хозяйства в заимствования – с другой. Под финансизацией мы понимаем расширение в абсолютном и относительном выражении финансового, в том числе банковского, сектора, проникновение финансовых мотивов во все сферы жизни общества. В источниках на русском языке встречаются два однокоренных термина – финансизация и финансиализация, но первый из них короче.

Отношение общества к потребительскому кредитованию и долговой зависимости домашних хозяйств от банков формируется как в результате накопления личного опыта, так и под влиянием экспертного и академического дискурса. Традиционный этос большинства коренных народов России осуждал и отвергал эти явления. В советскую эпоху кредитование домохозяйств на цели потребления не являлось социальной практикой, финансирование потребления за счет заимствований играло минимальную роль, а масштаб деятельности «касс взаимопомощи» на предприятиях и в организациях был небольшим (Эзрох, 2013). Общественное мнение не оправдывало, не одобряло и не поощряло жизнь в долг. Наоборот, критиковались проявления этой тенденции в капиталистических странах. Наличие и рост долгов однозначно трактовалось негативно – как признак закабаления, ухудшения положения «широких масс трудящихся».

В начале 1990-х гг. случилась перестройка хозяйственной системы страны – а вернее, ее преобразование «в свою логически и идеологически полную противоположность» (Корытцев, 2005: 132). Российский опыт представляет собой интересный естественный эксперимент. Ведь привычка жить в долг укоренилась в нашей стране всего за два десятилетия, что по историческим меркам совсем немного. Со стороны самих домохозяйств спрос на заимствования был высоким, так как уровень жизни населения упал, особенно после 1998 г.; многие граждане лишились сбережений, у других доходы упали до критически низкого уровня. На фоне тотального товарного дефицита уходящей советской эпохи тесно взаимосвязаны оказываются институты потребительства и жизни взаимности. Лучшая жизнь ассоциируется с внешними атрибутами, большим потреблением, причем здесь и сейчас, не откладывая, а обеспечить его призвано кредитование. Заимствование гражданина у банка на цели потребления стало массовой практикой лишь с начала 2000-х гг. Домохозяйства постепенно приучались к практике финансирования потребления в долг, и это было вполне управляемым процессом.

Динамику накопления долга сектором домохозяйств иллюстрируют такие данные. Если в 2004 г. отношение объема кредитных денег, полученных домашними хозяйствами, к текущему располагаемому доходу составляло лишь 6,5%, то в 2020 г. – уже 26,7%. Начиная с 2013 г. объем выплачиваемого долга по кредитам с процентами превышает объемы получаемых от банков кредитных денег, и совокупная задолженность растет (Верников, Курьшева, 2022). Количество заемщиков, имеющих хотя бы один кредит, достигло, по данным Банка России, 50 млн чел., или 65,7% от численности экономически активного населения, а невыплаченный долг населения банкам на 1 декабря 2025 г. – 35,85 трлн руб. По нашим расчетам на данных ЦБ и Росстата, размер долга в расчете на одного заемщика в 2014 г. был 343,3 тыс. руб., а к 2023 г. – уже 675,2 тыс. руб.

Экономисты слышали идеологический запрос со стороны пришедших к власти социальных групп: «либеральный дискурс становится основным... в преподавании экономических дисциплин, приобретая академическую респектабельность» (Ореховский, 2023: 43). Финансовые спекуляции, кредиты и долги домашних хозяйств подаются как элемент общественного устройства «нормальных» стран (Западной Европы и Северной Америки), к которому якобы должны стремиться все, поскольку это «универсальная закономерность». Изучая опривычивание жизни в долг как общественной нормы (Верников, Курьшева, 2021; 2022), мы обнаружили изменение направленности академического дискурса на данную тему. Нас заинтересовал вклад отечественных экономистов в распространение идей финансизации и стоящих за ними ценностей, в идейное обоснование и апологетику финансового капитализма, продвижение интересов финансового сектора.

Наша статья не о банках, их роли или функциях в экономике. Мы пытаемся ответить на частный вопрос, а именно: действительно ли в России в научных статьях по экономике доказывалась необходимость расширять банковское кредитование населения? Предмет исследования – отношение российских экономистов к финансизации домашних хозяйств через их вовлечение в долговые отношения с банками. Ответ на исследовательский вопрос дается с опорой на эмпирический материал, в данном случае на российские научные статьи. Выборка охватила тексты

обществоведов преимущественно по экономическим наукам, опубликованные с 1998 по 2024 г. в журналах, входящих в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (106 статей, 106 авторов). В ходе анализа оценена общая направленность данных текстов, вычленены их ключевые элементы, определены знаки оценки интересующего нас явления.

Мы видим данное исследование в контексте проблематики, поднятой институционалистами-классиками Торстейном Вебленом (Veblen, 1918; Веблен, 2009) и Джоном Кеннетом Гэлбрейтом (Galbraith, 1974): подчиненность экономической теории и университетского экономического образования интересам финансового капитала; апологетика экономистами современного им капиталистического устройства. Спустя много лет это подтвердил Джозеф Стиглиц: «Экономическая теория утратила характер научной дисциплины и перешла на сторону свободного рыночного капитализма» (Stiglitz, 2010: 238). Тема подчинения университетов финансовому капиталу важна и для России (Яковлева, 2019). В нашей стране экономическое образование и наиболее влиятельные академические центры три десятилетия опирались на позаимствованную версию западных теорий, адаптированную для зависимых стран, что постепенно переломило традиционные подходы к философии хозяйства и стало оказывать влияние на экономическую политику.

2. Теоретические аспекты

Привычка человека жить за счет заимствования денег – это не его естественная черта от природы, а социально порождаемая практика (Baudrillard, 1996; 1998; Гребер, 2016). А укоренение социальной практики, как правило, сопровождается и соответствующим общественным дискурсом, легитимирующим ее (Berger, Luckman, 1991). Поэтому толкование фактов хозяйственной жизни всегда идет рука об руку с привлечением тех или иных историй, культивированием в общественном пространстве определенных сюжетов (Wrenn, 2022). Целенаправленное конструирование общественного дискурса означает продвижение, популяризацию, опривычивание определенных ценностей и тем самым выполняет роль инструмента социально-экономических преобразований.

Роль научного сообщества в формировании общественного отношения к финансированию – эта проблематика имеет глубокие корни в истории экономической мысли, в частности в трудах представителей институциональной традиции. Веблена волновало проникновение денежно ориентированной культуры в систему высшего образования конца XIX – начала XX века (Veblen, 1918). Он писал так: «... экономисты и комиссии по проведению экономических исследований, вовлеченные в обслуживание правящих кругов, не способствуют достижению никакой иной цели и направляют свои усилия не на что иное, как на служение банкирам и торговцам своей страны» (Веблен, 2009: 118).

Во времена Веблена и Коммонса массовой практики финансирования банками потребления за счет долга еще не было. Зато зарождался прообраз глобальной повестки «финансовой инклюзии» и «финансовой грамотности», что заслужило сарказм Веблена: «Передовые христианские государства являются носителями просвещения, и их бизнесмены наделены высокой миссией вместе с просвещением продвигать вперед рубежи финансовой культуры в среду отсталых народов. Как правило, они извлекают солидную маржу, осуществляя деловые операции с народами, не искушенными в финансах, особенно когда торговля с ними в достаточной мере подкреплена силой» (Веблен, 2007: 215).

Основоположники институционализма критически оценивали особенности глобализирующей кредитной экономики, связанные с властью корпораций в навязывании стереотипов потребления населению. Джон Коммонс утверждал, что появление крупных корпораций разрушило центральную предпосылку «гедонистической» экономической теории – принцип свободной воли при взаимодействии покупателя и продавца (Commons, 1936). Гэлбрейт называл рекламу и государственную политику инструментами мифотворчества, цель которого – оправдание капиталистической идеи и расширение власти корпораций над потребительским спросом (Galbraith, 1974; 1977). Обращение к теме простого (обычного) человека, не обладающего равнозначной рыночной властью и переговорной силой, не обремененного крупной собственностью, является лейтмотивом для ученых, работавших в институциональной традиции (Veblen, 1920; Commons, 1934; Chasse, 2017). Но иллюзия свободной воли и непредвзятого потребительского выбора продолжает поддерживаться в общественном сознании посредством мифов, распространяемых при помощи тех или иных риторических приемов (Wrenn, 2022).

По Гэлбрейту, важнейшими инструментами переформатирования общественных убеждений и разрушения мифов, вредных с точки зрения общественной пользы, наряду с государственной политикой и реакцией на разные формы убеждения, используемые производителями, служат система образования в целом и университетские программы по экономике в частности (Galbraith, 1974: 227–228). Однако общепринятая экономическая теория и университетское образование XX в., утверждал он, превратились в систему убеждений, оправдывающих и поддерживающих в массовом сознании представление о финансовом капитализме как естественном, наиболее удачном и справедливом общественном устройстве, или, точнее, «экономическая наука скатилась до роли ширмы, прикрывающей власть корпораций» (Там же: 8). Прорывные исследования и исследователи получали серьезную финансовую поддержку (Mirowski, Plehwe, 2009), в результате чего в университетах возникло численное и идеологическое преобладание экономистов неоклассического толка (Dymski, 2024).

Понятия, категории, в которых мы осмысливаем и объясняем реальность, предполагают, что «экономика представляет собой... результат человеческой социальной (ре)конструкции», для которой «важно не столько то, что “истинно” в эпистемологическом смысле, сколько то, во что люди верят и на основании чего они действуют, а именно то, что отчасти создается и развивается посредством языка» (Сэмюелс, 2015: 21–22). Поэтому «[к]онтроль над языком и знаниями-убеждениями – это контроль над определением реальности и, таким образом, над политикой, а следовательно, и над социальной (ре)конструкцией “реальности”» (Сэмюелс, 2015: 22). Распространение неоклассической экономической теории произвело, помимо прочего, и такой эффект, как «финансизация общественного дискурса», т.е. «особый сдвиг в языке, используемом в дебатах об экономической политике с конца 1970-х годов... что подразумевает использование определенных метафор и языковых стилей, благоприятствующих экономическим интересам финансовой индустрии» (Avsar, 2014: 239). Наша исследовательская мотивация заключается в анализе и оценке этого процесса на конкретном эмпирическом материале и с опорой на идеи и этику классических институциональных экономистов.

Начавшаяся в 1990-е гг. финансизация российского общества раздвинула границы общественного дискурса. «Окно Овертона» открылось. Информационные потоки позволяли организовать скопление публики и манипулирование общественным сознанием для поощрения спекулятивного поведения, вовлечения в финансовые пирамиды (Радаев, 2002). Заимствование для целей потребления стало изображаться не просто приемлемым этически, но и экономически оправданным и желательным.

Экономические концепции, как правило, вписаны в общий идеологический контекст развития национальной экономики (Кирдина-Чэндлер, 2022). В период СССР экономисты-преподаватели и исследователи, как и положено (номинальным) марксистам-ленинцам, порицали теорию и практику потребления в долг. После смены общественно-политического строя в начале 1990-х гг. дискурс изменился. Академическому сообществу – порой тем же специалистам, которые еще совсем недавно искренне критиковали финансовый капитализм, – довелось «отрабатывать» новую повестку дня. Посылы о желательности проникновения финансовых учреждений во все сферы жизни и наращивания задолженности граждан ради опережающего потребления продвигались через публикации в научных и популярных изданиях и даже учебные программы. Университеты создали питательную среду для банков и финансовой инфраструктуры как в плане кадровой составляющей (Агеева, Мишура, 2017), так и в плане идеологии. В университетских курсах по экономической теории абсолютизировалась рациональность расчета индивидуалиста-потребителя, свободного от морали и этики, реализующего право на якобы осознанный выбор как основополагающую ценность.

Мы надеемся, что данный текст внесет вклад в исследование идеологического ландшафта отечественной экономической науки. В частности, российские ученые отмечают постепенное ослабевание неолиберальных установок в течение последних двух десятилетий (Вольчик, Фурса, 2024; Вольчик, 2025). Кредитная экспансия банков и рост долговой зависимости населения – темы идеологически не нейтральные. Может показаться, что общественное отношение к потреблению в долг менялось само собой, эволюционно, но это не так. Попробуем преодолеть обезличенность и идентифицировать некоторых конкретных акторов.

3. Метод и данные

Объектом нашего изучения стали тексты российских ученых-экономистов и академических экспертов; методом – дискурсивный социологический анализ, направленный на выявление коннотаций, касающихся потребительского кредитования и жизни в долг. Тема коммерческого кредита и кредитования юридических лиц не имеет отношения к делу и не затрагивалась. Важно было избежать искажения и неверного толкования идей, передаваемых вошедшими в выборку текстами. Авторские послы относительно изучаемого явления оценивались не просто через знак +/- и не по частоте употребления тех или иных терминов и выражений, а с особым вниманием к смыслам, передаваемым суждениями и формулировками. Скажем, сетование автора о перекредитованности населения еще не означает, что само это явление в статье негативно окрашено и морально осуждается. Приоритет мы отдали качественным принципам анализа, а не количественным характеристикам (охват публикаций и пр.). Необходимо было выявить как можно более полный спектр авторских суждений. Поэтому выборка формировалась постепенно, и параллельно проходил анализ текстов. Сбор материала продолжался до теоретического насыщения, т.е. до тех пор, пока каждая следующая статья не переставала быть источником новых, не выявленных ранее коннотаций.

В выборку вошли 106 текстов авторов, аффилированных с российскими высшими учебными либо научными заведениями. Охвачены журнальные статьи, содержащиеся в базе РИНЦ и опубликованные с 1998 по 2024 г. В случае отсутствия полнотекстовых версий журнальных статей в РИНЦ использовались сайты самих журналов или Универсальная база данных «ИВИС». Основная масса статей (97) по области публикации относятся к экономическим наукам, две из них отнесены одновременно и к области социологии. Кроме того, в выборке оказались еще пять статей по социологии, две – по праву и одна – по клинической медицине (возможно, ошибочно отнесенная к этой области). У одной статьи отсутствует карточка в РИНЦ, и она обнаружилась по перекрестной ссылке в другом источнике из выборки. Эти несколько работ вошли в выборку потому, что являются вариацией или продолжением исследований тех же авторов, которые оказались в выборке по экономической дисциплине (как в случае со статьями по социологии), либо в качестве контрольного источника данных (статьи по праву). Число авторов составило 106.

Для поиска и отбора источников использовались такие слова и словосочетания: «кредит», «долг», «кредитование», «потребительское кредитование», «долговое поведение», «природа долга», «долговая нагрузка», «закредитованность», «кредитные отношения», «кредитные институты», «долговая зависимость», «финансовое поведение», «финансовое поведение домохозяйства», «финансовые институты», «обременение долгами», «кредитование домохозяйств», «кредитование населения», «банковское кредитование», «развитие кредитования», «охват населения кредитами / кредитованием», «вовлечение в кредитование», «вовлечение в кредитные отношения», «долг», «долги населения», «долги россиян», «задолженность», «задолженность населения», «задолженность россиян», «ипотечное кредитование», «ипотека», «автокредит», «залоговое кредитование», «беззалоговое кредитование», «ссуда», «банковский сектор», «институт кредитования», «конкурентная среда в банковском секторе», «конкуренция в банковском секторе», «финансовые стратегии», «финансовая грамотность». Вся работа с текстами проведена нами самостоятельно, вручную, без использования помощи искусственного интеллекта. Это позволило избежать опасности неверной интерпретации результатов.

В данном проекте нас интересовал только дискурс научных статей отечественных авторов по экономике, а не сама финансовизация, потребительское кредитование как общественное явление или, тем более, общие вопросы развития банковского дела в России и в мире. Для нас важно, что было сказано в каждой рассмотренной статье, а не то, «хорошо» ли (кому?), в принципе, накачивать экономику кредитными деньгами и подталкивать людей к покупке в долг все новых потребительских товаров.

Понятно, что на интересующую нас тему писали далеко не все российские экономисты, поэтому выборка неизбежно смещена в сторону тех, кто писал, а выявленные тенденции могут и не отражать позицию большинства российских ученых.

4. Эмпирические результаты: типичные элементы дискурса экономистов по поводу вовлечения граждан в долги перед банками

В 36 проанализированных текстах, на которые приходится 34% выборки, апологетика кредитования граждан отсутствует. Отрицательная этическая оценка жизни займы как общественного явления отмечена в 12 из них. Правда, позиция некоторых авторов менялась во времени и в зависимости от соавторства¹. Это работы, написанные на стыке с социальной психологией, историей, антропологией, политологией. Они затрагивают такие сюжеты, как: тождественность финансовых операций и спекуляции, ростовщичества; социально конструируемая природа желаний и культивирование стремления как можно скорее эти желания удовлетворить любым способом; безграничность желаний как острая социальная проблема и источник социальных рисков. В остальных 24 статьях в явном виде отрицательной коннотации в отношении заимствования не прослеживается. Но встречаются работы, основной мотив которых – негативное влияние недобросовестных («агрессивных», «хищнических») банковских практик по навязыванию различных услуг населению, применение манипулятивных методов убеждения потребителей и т.д. (Фролова, 2018; Полякова и др., 2021).

В 70 статьях, на которые приходится 66% выборки, мы нашли элементы и особенности дискурса, который можно условно охарактеризовать как *апологетику потребительского кредитования*. Число авторов этих статей – 64. Мы сгруппировали эти особенности следующим образом.

1. Акцент на благотворности потребительского кредита для домашнего хозяйства, поскольку он наделяет способностью приобретать недоступное:

- «Благодаря потребительскому кредиту человек получает возможность приобретать товары и услуги, которые ему недоступны при текущем уровне доходов» (Семеко, 2021: 104);
- «вынужденный механизм финансирования, стимулирующий потребительскую активность и способствующий достижению желаемого образа жизни» (Старостина, 2016: 18);
- «Для удовлетворения собственных нужд потребителю не приходится ждать будущих доходов, период ожидания необходимого блага существенно сокращается за счет использования заемных средств» (Старостина, 2016: 18);
- «выполняет важную функцию выравнивания уровня жизни населения», позволяет «получить в пользование блага, накопление денег на покупку которых заняло бы длительный срок», «снижает уровень отложенного спроса, удовлетворяя насущные нужды населения» (Ниворожкина, Павленко, 2022: 61).

2. Представление заимствования на цели потребления как общественно приемлемой практики, социальной нормы, к которой надо стремиться, предоставляя «естественное» право каждому человеку получить банковский кредит, по примеру западных стран:

- «Начиная с 2000-х годов, благодаря институциональным изменениям в кредитно-финансовой сфере, улучшению механизмов правовой защиты потребителей финансовых услуг, определенным изменениям в сознании массового потребителя, постепенно принимающего и осваивающего западные модели “опережающего потребления”, россияне стали активно изучать и использовать кредитные продукты» (Белехова, 2014: 3);
- «Происходит обращение к западным моделям финансового поведения... где благодаря финансовой и правовой стабильности граждане могут достаточно легко брать кредиты, а при совершении покупок рассчитывать по кредитной карте» (Стребков, 2007: 53).

3. Причиной негативных эффектов кредита – повышенной долговой нагрузки и закредитованности – авторы склонны считать не столько социальные, сколько субъективные индивидуальные факторы:

- «недооценку рисков» (Дикий, 2012: 134);
- «невысокий уровень финансовой грамотности» (Александрова и др., 2020: 171);
- недостаточную развитость «компетенций, связанных с планированием расходов» (Кузина, 2015: 68);

¹ Всего статей, содержащих отрицательную оценку жизни займы, нам встретилось 15, но три из них одновременно содержат и элементы ее апологетики. Хронология большинства таких статей охватывает период с 2019 по 2024 г., только три статьи относятся к более раннему периоду.

- «невнимательность к деталям при заключении договора, нежелание изучать предлагаемые к подписанию документы, готовность “верить на слово” сотрудникам банков» (Ларионова, 2021: 21);
 - недостаточную финансовую культуру, невысокую «ответственность и грамотность при заключении договоров в отношении финансовых продуктов и услуг» (Моисеева и др., 2020: 155, 149).
4. Тезис о незаменимости и полезности кредитования физлиц с макроэкономической точки зрения (для выхода из депрессии, ускорения экономического роста, роста инвестиций, «запуска» смежных отраслей, решения социальных проблем и т.п.). Потребительское кредитование:
- обеспечивает экономический рост; «способствует повышению текущего дохода домашних хозяйств»² (Старостина, 2016: 18);
 - «ускоряет реализацию товаров и выполняет воспроизводственную функцию» (Авдеева, Кулакова, 2019: 5);
 - стимулирует потребительский спрос, «что позитивно отражается на динамике товарооборота и производства» (Семеко, 2021: 104);
 - «один из механизмов рыночной экономики, позволяющих вовлекать средства граждан в активный экономический оборот и стимулировать их потребительскую активность» (Преснякова, 2006: 23);
 - «один из наиболее простых и легких способов повышения покупательной способности населения» (Бобков, Шадрина, 2019: 30);
 - «[один] из способов трансформации денежных средств населения в инвестиции, которые обеспечивают экономическое развитие территорий» (Белехова, 2014: 3);
 - «источник экономического роста депрессивных территорий», «инструмент создания источника финансового развития» (Шафиров, Оганесян, 2013: 178);
 - «способствует повышению качества и уровня жизни населения, а также совершенствованию банковской системы и экономики страны в целом» (Фёдорова и др., 2020: 103).
5. Сетование по поводу недостаточного охвата населения кредитами, особенно в международном сопоставлении:
- «Несмотря на включение новых участников в кредитные отношения и увеличение размеров одалживаемых сумм, глубина кредитного рынка все еще меньше, чем сберегательного» (Белехова, 2014: 8);
 - «При сравнении относительных показателей закредитованности населения Российской Федерации можно сделать вывод о том, что у рынка кредитования физических лиц есть значительный потенциал для роста» (Каранина, Мартыанов, 2023: 88);
 - «Если сравнить ситуацию в России и развитых странах, то общая картина кредитной экспансии представляется не слишком катастрофичной. По масштабу охвата населения кредитованием Россия существенно отстает от ведущих стран мира, которые неоднократно подвергались глубоким финансовым кризисам, вызванным перегревом кредитного рынка... Кроме того, уровень задолженности российских домашних хозяйств по международным стандартам остается сравнительно низким» (Семеко, 2021: 119);
 - «По мировым меркам российский показатель охвата населения кредитами относительно невысок: он в 3 раза ниже, чем в США (68%), в 2,5 раза ниже, чем в среднем по странам ОЭСР (57%), в 2 раза ниже, чем в странах еврозоны (46%)» (Кузина, Крупенский, 2018: 92).
6. Агрегированный подход к обоснованию того, что на макроуровне в масштабах всей страны избыточная долговая нагрузка на население является «мифом», а «общий баланс» (?) якобы не нарушается. Обычно здесь апеллируют к таким показателям, как соотношение: платежей по кредитам с располагаемыми денежными доходами домохозяйств; задолженности населения банкам с располагаемыми денежными доходами (Кузина, 2013); задолженности населения банкам с ВВП (Стребков, 2007: 52–53; Бобков, Шадрина, 2019: 30; Палашенков, Матвеев, 2020: 88–89).
7. Сожаление о «нерешительности», нежелании гражданина вовлекаться в долговые отношения даже в отсутствие необходимости брать в долг; поиск способов преодоления этого досадного обстоятельства:

² Этот тезис сложно понять, если отбросить такой невероятный вариант, как заведомо невозвратный банковский кредит (по сути, дар).

- «Несмотря на ряд преимуществ, которые открывает перед гражданами возможность получения денежных средств в кредит, подавляющее большинство респондентов не собираются в ближайшие несколько лет пользоваться этими возможностями» (Стребков, 2004b: 57);
- «Наиболее часто встречающимися причинами, по которым респонденты не пользуются кредитными продуктами, являются следующие: нет необходимости в данном продукте... не берут кредиты в принципе (отрицательное отношение), недоверие к банкам, а также желание не быть никому должным» (Ярашева и др., 2017: 149);
- «...чтобы сделать кредит доступным массовому потребителю, можно действовать в различных направлениях. Одним из этих направлений является более активная региональная политика, расширение спектра кредитных услуг, повышение уровня информированности населения. Это поможет привлечь новых людей, которые пока еще не задумывались о получении кредита» (Стребков, 2004b: 58).

8. Трактовка относительно невысокой вовлеченности в долговые отношения с банками как признака косности и отсталости российского населения. Заемщик наделяется рациональностью, активностью и современностью, тогда как ориентация на свои силы и средства ассоциируется с неким чудачеством, архаикой, отсталостью и пассивностью:

- «Что касается кредитного поведения, то во многих случаях россияне все еще предпочитают для решения своих материальных проблем обращаться к помощи родственников, друзей и знакомых, вместо того чтобы взять кредит в банке» (Ярашева, Бурдастова, 2013: 96);
- «Исключают для себя вероятность пользования кредитами чаще прочих люди, обладающие наименьшими социальными ресурсами: малообразованные респонденты и люди старшего возраста» (Преснякова, 2006: 39);
- «Среди тех, кто доверяет банкам и другим финансовым структурам, очень много людей социально активных, инновационно ориентированных, позитивно воспринимающих рыночные и демократические ценности. Это – бизнесмены, предприниматели, менеджеры, руководители высшего и среднего уровня, высококвалифицированные специалисты, занятые в сферах современных технологий, и представители других социально-профессиональных групп, обладающие солидной экономической и политической властью» (Козырева, 2012: 66);
- «...среди российских граждан есть группа целеустремленных, энергичных людей, готовых идти на разумный риск и заинтересованных в получении кредита. Они моложе и образованнее остальных, их уровень доходов несколько выше. Они имеют большую уверенность в себе и своих силах и с оптимизмом смотрят в будущее» (Стребков, 2004a: 127).

9. Смещение акцента с оценки долговой нагрузки домашнего хозяйства на показатели эффективности банковского сектора, устойчивости банковской системы, динамики кредитования, выгодное банкам изменение потребительских настроений. Иногда главный мотив статьи заключается в заботе о доходности кредитования и снижении его рискованности:

- «Одним из показателей, свидетельствующих о восстановлении положительного отношения к банковскому кредитованию, является снижение доли россиян, которые считают настоящее время неблагоприятным для того, чтобы делать покупки в кредит» (Кузина, 2013: 32);
- «В современных условиях банковский кредит выступает основным источником доходов коммерческих банков. Поэтому совершенствование и разработка кредитной политики, которая соответствует текущему уровню развития экономики, представляет собой одну из главных задач, стоящих не только перед коммерческими банками, но и перед Центральным банком страны» (Соколова и др., 2019: 258);
- «Главным источником опасений для банкиров и регулятора сегодня является рост просрочки на розничном рынке» (Муфлиев, 2015: 60).

10. Залоговое кредитование (автокредит, ипотека) подается как заведомо более безопасное и полезное [для банка], а интересы заемщика при этом не анализируются:

- «Активный рост рынка кредитования физических лиц, особенно банками, которые специализируются на беззалоговом потребительском кредитовании, повышает риск перегрева рынка и может привести к невозврату ссуд и существенному ухудшению качества кредитного портфеля» (Кузина, 2013: 30);

- *«Там, где доля ипотеки в совокупной задолженности выше, ситуация с просроченной задолженностью лучше, например в Уральском федеральном округе. И напротив, Северо-Кавказский федеральный округ, где 11% задолженности не погашено в срок, характеризуется самой низкой долей ипотечных кредитов»* (Бурдяк, Гришина, 2016: 65);
- *«Безопасное увеличение объема розничного кредитования возможно только в том случае, если банки смогут осуществить переход от систем, разработанных для выдачи необеспеченных кредитов, к залоговому кредитованию»* (Кузина, Крупенский, 2018: 96).

5. Обсуждение

В представленных нами элементах дискурса исследовательских работ российских ученых-экономистов прослеживается поддержка идеи кредитной экспансии банков в секторе домашних хозяйств через оправдание и одобрение (часто имплицитное) потребительского кредита от коммерческих банков, а значит, и усиление долговой зависимости сектора домашних хозяйств от них. Мы заметили склонность избегать негативных этических оценок и этически окрашенных терминов. В этом отношении авторы на стороне заимодавцев, владельцев ссудного капитала, финансового капитала, а не заемщиков.

Причем часть авторов вполне осознает, что кредитование населения – главный драйвер банковских доходов, а потребности человека во многом конструируются в том числе кредиторами и продавцами товаров и услуг. Но эти тезисы либо не получают должного внимания и раскрытия, либо становятся аргументом в пользу пробанковской позиции, когда «миссия кредитной политики» банка видится «в развитии кредитования, а также повышения доходности в процессе банковской деятельности» (Соколова и др., 2019: 258).

Ряд текстов построен на анализе соотношения между положительными и отрицательными эффектами потребительского кредита. Нередко автор выражает беспокойство по поводу всеобщего потребления, заимствования на неразумные цели, закредитованности населения, недобросовестных банковских практик, социальных проблем и рисков (61 статья, или 58% выборки). При этом нет осмысления того, что социальной проблемой, главным риском и корнем проблемы является само желание заемщика приобретать недоступное и жить не по средствам. Речевые конструкции, передающие желательность заимствования ради порождаемой им возможности опережающего потребления, встретились в той или иной вариации в 22 текстах, что составляет пятую часть выборки. Даже когда автор справедливо указывает на «модель нерационального потребления, навязываемую средствами массовой информации и производителями товаров, предлагаемых в кредит» (Ниворожкина, 2014: 77), проблемой считается только перекредитованность и повышенная долговая нагрузка, а не желание «суверенного» потребителя получить то, на что пока не имеешь права. В лучших традициях методологического индивидуализма акцент часто переносится с жизни взаимности как социальной проблемы на субъективные, индивидуальные факторы принятия решений, на неразумность и малограмотность самого заемщика.

Звучал тезис о том, что граждане заимствуют из желания «сохранить привычный уровень потребления» (Савчина, Николенко, 2021: 31) во времена финансовых трудностей. Здесь ключевое слово – это «привычного». Чем определяется эта «привычность» и ее границы? Если потреблять хочется столько же или еще больше, чем раньше, а дохода перестало хватать, то проблема здесь в самом посыле – потреблять больше того, что можешь себе позволить. Идея безграничности потребностей и кредита как безусловного блага для их скорейшего удовлетворения – это важный нарратив, продвигаемый в качестве аксиомы, базовой истины современными экономистами.

В статьях прослеживается то, что Джейкоб Асса назвал риторикой количественных показателей (Assa, 2017). Так, для преумножения масштабов жизни в долг авторы прибегают к агрегированному подходу и особенно к межстрановым сопоставлениям, призванным показать «отставание» России.

Незаметным для читателя образом происходит подмена понятий: кажущаяся обеспокоенность состоянием населения оборачивается заботой об устойчивости и прибыльности банков и динамике их показателей. Не будучи профессиональным сотрудником или тем более бенефициаром банка, автор такого текста тем не менее находится на его стороне, защищая его корпоративные интересы. Как и предсказал К. Маркс (см. эпиграф).

Каковы могут быть мотивы смещения в положительную сторону оценок финансовой экспансии? Вполне допустимо, что часть авторов искреннее поддерживают финансирование домашнего хозяйства, исходя из своих личных представлений. Могло иметь место некритическое воспроизведение отдельных тезисов вслед за «авторитетными» учебниками (преимущественно переводными с английского языка), равно как и «присоединение к большинству»³, выбор пути наименьшего сопротивления. Ведь аксиома о благотворной роли финансов стала ключевым программным тезисом и транслировалась через все возможные каналы. Фактически речь здесь идет о следовании «церемониальному» (Veblen, 1898) или абстрактно ориентированному (Райнерт, 2017) канону знания. Ученые и преподаватели, предположительно, не имели выбора – «вынуждены были так говорить», чтобы выживать, получать гранты для финансирования своих исследований, проходить аттестацию, защищать диссертации и публиковаться.

Есть основания предположить наличие у части авторов потенциального конфликта интересов, вытекающего из аффилированности с организациями финансового сектора – как прямой (работа и должность; таких авторов всего четверо, однако на их долю пришлось четверть выборки, в том числе и в соавторстве с другими учеными), так и косвенной, через участие в профинансированных кем-то проектах. У 20 авторов мы отметили возможный финансовый мотив в форме государственного задания или гранта (20 статей). У двух из этих авторов было участие в проекте, профинансированном зарубежным грантодателем (3 статьи).

Наши эмпирические результаты подтверждают предположение о том, что нарратив финансирования был навязан обществу искусственно, причем с помощью вполне конкретных людей, работавших (и продолжающих сегодня трудиться) в научных и образовательных организациях. Распространяемый экономистами дискурс нельзя считать узкодисциплинарным, потому что курсы по экономике, и особенно по финансовой грамотности, уже вошли в программы многих специальностей (и гуманитарных, и технических, и естественных). Ставшие обязательными программы повышения финансовой грамотности развивают компетенции по получению займов, но не учат умерять свои запросы в плане потребления – скорее, наоборот. В одном из авторитетных учебников по финансовой грамотности можно прочитать: «...справедливость требует признать, что иногда брать в долг не так уж плохо, более того, бывают случаи, когда это даже выгодно!» (Буклемишев и др., 2021: 189). Соответствующий раздел представляет собой буквально пошаговое руководство по вовлечению молодых людей в заимствование средств. В этих учебных программах часто обходятся вниманием консервативные традиции финансового поведения, такие как бережливость и жизнь по средствам. Как вариант, эти традиции объявляются факторами, которые надо преодолеть. Так, методические рекомендации для преподавателей, одобренные Министерством образования и науки РФ (2020 г.), содержат такой пассаж:

«[О]тносительно невысокий уровень использования кредитов может свидетельствовать о низкой компетентности населения в вопросах управления личными финансами, а также об особенностях российского менталитета, формировавшегося в отсутствие рыночной экономики. Многие россияне до сих пор боятся долгов» (Жданова, Зятьков, 2020: 52).

Тогда как основная часть авторов продолжает пропагандировать кредитную экспансию банков в секторе домохозяйств, другая часть – намного меньшая – акцентирует отрицательные последствия и потенциальные угрозы. Вместе с тем сдерживание финансирования пока не стало заметной исследовательской программой.

6. Выводы

Мы изучили 106 русскоязычных текстов, затрагивающих темы потребительского кредитования и жизни в долг. Две трети выборки содержат элементы дискурса, который можно условно охарактеризовать как апологетику потребительского кредитования. Используются самые различные аргументы, вплоть до того, что кредит якобы «способствует повышению текущего дохода домашних хозяйств» (?! – А.В., А.К.). Авторы этих статей не оценивают критически кредитную

³ На словах лишь небольшая часть российских экономистов отождествляет свою научную позицию с «мейнстримом» экономической мысли (Мальцев, Баженов, 2016). На наш взгляд, здесь могла отразиться и нехватка рефлексии респондентов о своем личном участии в распространении мейнстримных нарративов. «Не всегда мы себя узнаем», как пелось в хорошей советской песне.

экономику и навязывание стереотипов потребления со стороны финансового сектора и прочих выгодоприобретателей.

Получается, что наши коллеги вольно или невольно приняли участие в формировании представлений о естественности и моральной нейтральности долговых отношений, о благотворности потребительского кредитования, т.е. фактически восприняли идеологию заимодавцев. Именно эти представления распространяются теперь через университетские учебные курсы и научные журналы. Вспоминая слова Дж.К. Гэлбрейта (Galbraith, 1974: 8) и Дж. Стиглица (Stiglitz, 2010: 238), приходится констатировать, что и в России экономическая наука встала на сторону финансового капитализма – в неменьшей степени, чем в Европе или Америке. Сказанное относится, конечно, не ко всем экономистам страны, а лишь к тем, кто писал (и публиковался) на интересующую нас здесь тему. Если говорить об изменении общественного сознания, то сложно признать полностью естественным процесс, в запуск и поддержание которого были вложены средства самых разных организаций – от Всемирного банка, Минфина, Банка России до признанных в нашей стране нежелательными.

Отрицательная этическая позиция по поводу жизни в долг выражена только у 15 авторов из 106. Тема сдерживания финансизации пока не вошла у нас в стране в исследовательскую повестку. Не хватает фигур масштаба Джона Коммонса, которые выступали бы в качестве ученых и учителей «на стороне простого человека».

Инерционный сценарий развития России, в котором «зашита» финансизация, никуда не исчез даже в условиях острого международного конфликта: тенденция ко все большей финансизации прослеживается в целом ряде важных областей, включая жилищное хозяйство и здравоохранение с образованием. Жив-здоров и легитимирующий финансизацию академический дискурс. Требующиеся изменения социальных практик от микроуровня (домохозяйство) до макроуровня (структура общественного воспроизводства) могут опереться только на неортодоксальные теоретические представления – например, из области экономики развития, структурализма и институционализма.

Литература / References

- Авдеева В.И., Кулакова Н.Н. (2019). Потребительское кредитование в России в современных экономических условиях. *Вестник Алтайской академии экономики и права* (9-2), 5–11. [Avdeeva, V., Kulakova, N. (2019). Consumer lending in Russia in modern economic conditions. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law* (9-2), 5–11 (in Russian)]. EDN: CDAQVE
- Агеева С.Д., Мишура А.В. (2017). Региональная банковская система в России: тенденции и факторы пространственного распределения. *Вопросы экономики* (1), 123–141. [Ageeva, S., Mishura, A. (2017). Regional banking system in Russia: Trends and factors of spatial distribution. *Voprosy Ekonomiki* (1), 123–141 (in Russian)]. EDN: XGSEXP
- Александрова О.А., Аликперова Н.В., Виноградова К.В., Ненахова Ю.С. (2020). Концептуальные подходы к формированию предпосылок для эффективного финансового просвещения населения России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* 13(4), 169–185. [Aleksandrova, O., Alikperova, N., Vinogradova, K., Nenakhova, Yu. (2020). Conceptual approaches to creating the preconditions for effective financial education of the Russian population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* 13(4), 169–185 (in Russian)]. EDN: KXVMQB
- Белехова Г.В. (2014). Кредитное поведение населения: современные аспекты (на примере Вологодской области). *Вопросы территориального развития* (1), 1–14. [Belekhova, G. (2014). Borrower behavior of the population: Modern aspects (Case study of the Vologda oblast). *Territorial Development Issues* (1), 1–14 (in Russian)]. EDN: RXHKBV
- Бобков А.В., Шадрина Н.А. (2019). Риск закредитованности населения в контексте демпфирования замедления темпов экономического роста РФ. *Фундаментальные исследования* (12-1), 29–37. [Bobkov, A., Shadrina, N. (2019). Risk of population's credit in the context of damping of slow-down rates of economic growth in Russia. *Fundamental Research* (12-1), 29–37 (in Russian)]. EDN: GACKYP

- Буклемишев О.В., Груздева Е.В., Зубова Е.А. [и др.] (2021). *Финансовая грамотность: Учебник для вузов*. М.: Изд-во Московского университета. [Buklemishev, O., Gruzdeva, E., Zubova, E. [et al.] (2021). *Financial Literacy*. Moscow: Moscow University Publ. (in Russian)].
- Бурдяк А., Гришина Е. (2016). Доходы населения и потребительское кредитование. *Экономическое развитие России* **23**(1), 62–65. [Burdyak, A., Grishina, E. (2016). Incomes and consumer lending. *Russian Economic Developments* **23**(1), 62–65 (in Russian)]. EDN: VJZMOD
- Веблен Т. (2007). *Теория делового предприятия*. М.: Дело. [Veblen, T. (2007). *The Theory of Business Enterprise*. Moscow: Delo Publ. (in Russian)].
- Веблен Т. (2009). Экономическая теория в прогнозируемом будущем. *Terra Economicus* **7**(1), 113–118. [Veblen, T. (2009). Economic theory in the calculable future. *Terra Economicus* **7**(1), 113–118 (in Russian)]. EDN: KTYLJV
- Верников А.В., Курьшева А.А. (2021). Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей. *Экономическая социология* **22**(5), 11–38. [Vernikov, A., Kuryshcheva, A. (2021). Precedence and conspicuousness in car consumption. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya* **22**(5), 11–38 (in Russian)]. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-5-11-39
- Верников А.В., Курьшева А.А. (2022). Жизнь в займы: институциональные аспекты и их измерение. *Вопросы экономики* (10), 138–156. [Vernikov, A., Kuryshcheva, A. (2022). Household debt: An institutionalist perspective and empirical assessment. *Voprosy Ekonomiki* (10), 138–156 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-10-138-156
- Вольчик В.В. (2025). Дрейф идеологий в российской экономической науке. *Журнал институциональных исследований* **17**(2), 133–145. [Volchik, V. (2025). Ideological drift in Russian economic science. *Journal of Institutional Studies* **17**(2), 133–145 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145
- Вольчик В.В., Фурса Е.В. (2024). Теория и идеология в экономической науке: от Адама Смита до Эстер Дюфло. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика* **59**(6), 161–186. [Volchik, V., Fursa, E. (2024). Theory and ideology in economics: From Adam Smith to Esther Duflo. *Lomonosov Economics Journal* **59**(6), 161–186 (in Russian)]. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-10
- Гребер Д. (2016). *Долг: первые 5000 лет истории*. М.: Ад Маргинем Пресс. [Graeber, D. (2016). *Debt: First 5000 Years*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian)].
- Дикий А.А. (2012). Жизнь в кредит: установки и поведенческие стратегии россиян. *Социологические исследования* (5), 134–140. [Dikiy, A. (2012). Living in debt: Attitudes and behavior strategies of Russians. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (5), 134–140 (in Russian)]. EDN: OZEQOL
- Жданова А.О., Зятков М.А. (2020). *Финансовая грамотность: Методические рекомендации для преподавателя. Среднее профессиональное образование*. М.: ВАКО. [Zhdanova, A., Zyatkov, M. (2020). *Financial Literacy*. Moscow: VAKO Publ. (in Russian)].
- Каранина Е.В., Мартыанов И.А. (2023). Оценка масштабов и рисков рынка кредитования физических лиц Приволжского федерального округа. *Проблемы анализа риска* **20**(5), 86–96. [Karanina, E., Martyanov, I. (2023). Assessment of the scale and risks of the personal lending market in the Volga Federal District. *Issues of Risk Analysis* **20**(5), 86–96 (in Russian)]. EDN: NUDETY
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2022). Экономическая теория, идеология и экономический интерес. *AlterEconomics* **19**(1), 71–92. [Kirdina-Chandler, S. (2022). Economic theory, ideology, and economic interests. *AlterEconomics* **19**(1), 71–92 (in Russian)]. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5
- Козырева П.М. (2012). Финансовое поведения в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ). *Социологические исследования* (7), 54а–66. [Kozyreva, P. (2012). Financial behavior in the context of socio-economic adaptation of the population (Sociological analysis). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (7), 54а–66 (in Russian)]. EDN: PBVOFX
- Корытцев М.А. (2005). Потребность в альтернативе. *Экономический вестник Ростовского государственного университета* **3**(2), 132–135. [Koryttsev, M. (2005). The need for an alternative. *Economic Herald of Rostov State University* **3**(2), 132–135 (in Russian)]. EDN: HYZKJT

- Кузина О.Е. (2013). Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян. *Деньги и кредит* (11), 30–36. [Kuzina, O. (2013). Analysis of the dynamics of Russians' bank loans and debt burden. *Dengi i Kredit* (11), 30–36 (in Russian)]. EDN: RFKNSV
- Кузина О.Е. (2015). Финансовая компетентность россиян: результаты международного сравнительного исследования. *Деньги и кредит* (5), 64–68. [Kuzina, O. (2015). The financial competence of Russians: Results of an international comparative investigation. *Dengi i Kredit* (5), 64–68 (in Russian)]. EDN: TRMTVL
- Кузина О.Е., Крупенский Н.А. (2018). Перекредитованность россиян: миф или реальность? *Вопросы экономики* (11), 85–104. [Kuzina, O., Krupenskiy, N. (2018). Over-indebtedness of Russians: Myth or reality? *Voprosy Ekonomiki* (11), 85–104 (in Russian)]. EDN: YNAVET
- Ларионова Н.П. (2021). От мисселинга к экосистемам в банковской среде? *Агропромышленная политика России* (1-2), 21–25. [Larionova, N. (2021). From misseling to ecosystems in the banking environment? *Agro-Food Policy in Russia* (1-2), 21–25 (in Russian)]. EDN: XVUNAK
- Мальцев А.А., Баженов Г.А. (2016). Теоретико-методологическая архитектура российского сообщества академических экономистов. *Известия Уральского государственного экономического университета* (6), 13–22. [Maltsev, A., Bazhenov, G. (2016). Theoretical and methodological architecture of the Russian society of academic economists. *Journal of the Ural State University of Economics* (6), 13–22 (in Russian)]. EDN: XRYVNV
- Моисеева Д.В., Дулина Н.В., Намруева Л.В. (2020). Финансовое поведение населения региона в зеркале экономики и социологии (на примере Республики Тывы и Республики Калмыкии). *Регион: экономика и социология* (2), 137–167. [Moiseeva, D., Dulina, N., Namrueva, L. (2020). Population financial behavior in the region as reflected by economics and sociology (case study of the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia). *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* (2), 137–167 (in Russian)]. EDN: XQUTYQ
- Муфлиев Р.Я. (2015). Реалии последствий агрессивной политики банков по коммерческому кредитованию и необходимость в механизме обеспечения возвратности банковских ссуд. *Путь науки* (2), 59–63. [Mufliiev, R. (2015). Consequences realities of the aggressive policy of banks on commercial crediting and necessity for the mechanism of ensuring repayment of bank loans. *The Way of Science* (2), 59–63 (in Russian)]. EDN: TJBYPB
- Ниворожкина Л.И. (2014). Воздействие потребительского кредитования на уровень неравенства и бедности домохозяйств. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки* (4), 76–83. [Nivorozhkina, L. (2014). Impact of consumer credit on the level of household inequality and poverty. *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series* (4), 76–83 (in Russian)]. EDN: SNUKWL
- Ниворожкина Л.И., Павленко Г.В. (2022). Динамика кредитной задолженности россиян (2000–2020 гг.). *Учет и статистика* (1), 59–68. [Nivorozhkina, L., Pavlenko, G. (2022). Dynamics of loan debt of Russians (2000–2020). *Accounting and Statistics* (1), 59–68 (in Russian)]. EDN: NORCAA
- Ореховский П.А. (2023). Афазия или научная революция? (Дискурсы советских марксистских и немарксистских экономистов в 1980–1990-х гг.). *Журнал институциональных исследований* **15**(1), 43–59. [Orekhovsky, P. (2023). Aphasia or scientific revolution? (Discourses of Soviet Marxist and non-Marxist economists in the 1980–1990s). *Journal of Institutional Studies* **15**(1), 43–59 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.043-059
- Палашенков Б.Э., Матвеев В.В. (2020). Закредитованность населения Российской Федерации: проблемы и пути решения. *Национальная безопасность и стратегическое планирование*, (1), 87–94. [Palashenkov, B., Matveev, V. (2020). Indebtedness of the population of the Russian Federation: Problems and solutions. *National Security and Strategic Planning* (1), 87–94 (in Russian)]. EDN: LGUUBE
- Полякова Н.В., Поляков В.В., Шагина Е.А., Кулижская Ж.С. (2021). Опыт исследования мисселинга в деятельности российских розничных банков. *Baikal Research Journal = Электронный научный журнал Байкальского государственного университета* **12**(2), 5. [Polyakova, N., Polyakov, V., Shagina, E., Kulizhskaya, Zh. (2021). Experience of research misseling in the practices of Russian retail banks. *Baikal Research Journal* **12**(2), 5 (in Russian)]. EDN: WTNHJY

- Преснякова Л.А. (2006). Кредиты для россиян: «догоняющая» или «опережающая» стратегия финансового поведения? *Социальная реальность* (6), 23–45. [Presnyakova, L. (2006). Loans for Russians: A “catch-up” or “lead-forward” strategy for financial behavior? *Social Reality* (6), 23–45 (in Russian)]. <https://media.fom.ru/socreal/post-139.pdf> (дата обращения: 25.11.2025)
- Радаев В.В. (2002). Уроки «финансовых пирамид», или Что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении. *Мир России. Социология. Этнология* 11(2), 39–69. [Radaev, V. (2002). The lessons of “financial pyramids”, or What economic sociology can tell us about the financial behavior of masses. *Universe of Russia – Mir Rossii* 11(2), 39–69 (in Russian)]. EDN: GKZKXM
- Райнерт Э. (2017). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Reinert, E. (2017). *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Савчина О.В., Николенко Е.Н. (2021). Потребительское кредитование в условиях макроэкономической нестабильности и пандемии COVID-19. *Вестник МГИУ. Серия: Экономика* (3), 30–46. [Savchina, O., Nikolenko, E. (2021). Consumer lending in conditions of macroeconomic instability and pandemic COVID-19. *MCU Journal of Economic Studies* (3), 30–46 (in Russian)]. EDN: LRVOMN
- Семекко Г.В. (2021). Потребительское кредитование в современном обществе потребления: вопросы развития и последствия. *Социальные новации и социальные науки* (4), 103–122. [Semeko, G. (2021). Consumer lending in the modern consumer society: Development problems and consequences. *Social Novelties and Social Sciences* (4), 103–122 (in Russian)]. DOI: 10.31249/snsn/2021.03.06
- Соколова Е.М., Агрба С.В., Калашник Н.А. (2019). Анализ кредитной политики коммерческих банков в современных условиях. *Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике* 22(2), 258–263. [Sokolova, E., Agrba, S., Kalashnik, N. (2019). The analysis of credit policies of banks in modern conditions. *Innovative Technologies in Mechanical Engineering, Education, and Economics* 22(2), 258–263 (in Russian)]. EDN: CKTKWK
- Старостина С.А. (2016). Роль потребительского кредита в обеспечении экономического роста. *Финансы и кредит* (39), 17–27. [Starostina, S. (2016). A role of personal loans in economic growth. *Finance and Credit* (39), 17–27 (in Russian)]. EDN: WWYRIB
- Стребков Д.О. (2004а). Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России. *Вопросы экономики* (2), 109–128. [Strebkov, D. (2004a). Basic types and factors of the credit behavior of Russian citizens. *Voprosy Ekonomiki* (2), 109–128 (in Russian)]. EDN: PJEUPV
- Стребков Д.О. (2004b). Потребности и предпочтения населения России на рынке кредитных услуг. *Социологические исследования* (2), 51–59. [Strebkov, D. (2004b). Demands and preferences in Russia’s credit service market. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (2), 51–59 (in Russian)]. EDN: OWRPSD
- Стребков Д.О. (2007). Модели кредитного поведения и факторы, определяющие их выбор. *Социологические исследования* (3), 52–62. [Strebkov, D. (2007). Models of credit behavior and factors for their choice. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (3), 52–62 (in Russian)]. EDN: HZEYBX
- Сэмюэлс У.Дж. (2015). «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании экономической реальности: очерк об отношении знания к социально-экономической политике. *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке* (с. 13–30). М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Samuels, W.J. (2015). “Truth” and “discourse” in the social construction of economic reality: An essay on the relation of knowledge to socioeconomic policy. In: *Istoki: Qualitative Shifts in Economic Reality and Economic Science* (pp. 13–30). Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Фёдорова А.Ю., Черкашнев Р.Ю., Чернышова О.Н. (2020). Потребительское кредитование в России: основные проблемы на современном этапе. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета* (3), 96–105. [Fedorova, A., Cherkashnev, R., Chernyshova, O. (2020). Consumer lending in Russia: The main problems at the present stage. *Newsletter of North-Caucasus Federal University* (3), 96–105 (in Russian)]. EDN: JQGYXX
- Фролова Н.Д. (2018). Агрессивная кредитная политика коммерческих банков: проблемы и решения. *Вестник ИЭРАН* (4), 91–103. [Frolova, N. (2018). Aggressive credit policy of commercial banks: Problems and solutions. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk* (4), 91–103 (in Russian)]. EDN: XYADZR

- Шафиров Л.А., Оганесян А.А. (2013). Потребительское кредитование населения как фактор экономического роста и благосостояния домохозяйств депрессивных территорий (обзор литературы). *Terra Economicus* **11**(4-2), 175–181. [Shafirov, L., Oganesyanyan, A. (2013). Consumer lending as the factor for sustainable growth and household welfare in depressed areas (Literature review). *Terra Economicus* **11**(4-2), 175–181 (in Russian)]. EDN: RWUYSN
- Эзрох Ю.С. (2013). Потребительское кредитование в России и СССР. *Деньги и кредит* (12), 60–65. [Ezrokh, Yu. (2013). Consumer lending in Russia and the USSR. *Dengi i Kredit* (12), 60–65 (in Russian)]. EDN: RNHCHX
- Яковлева Н.Г. (2019). Социальные последствия финансиализации образования. *Социологические исследования* (12), 104–114. [Yakovleva, N. (2019). Social effect of financialization of education. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (12), 104–114 (in Russian)]. EDN: QESSJE
- Ярашева А.В., Бурдастова Ю.В. (2013). Сберегательные и кредитные стратегии домохозяйств. *Народонаселение* (2), 94–102. [Yarasheva, A., Burdastova, Y. (2013). Savings and credit strategies of households. *Narodonaselenie* (2), 94–102 (in Russian)]. EDN: QILJOL
- Ярашева А.В., Макар С.В., Решетников С.Б. (2017). Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения. *Финансы: теория и практика* **21**(6), 138–153. [Yarasheva, A., Makar, S., Reshetnikov, S. (2017). Credit strategies of Russians as a reflection of the model of financial behavior. *Finance: Theory and Practice* **21**(6), 138–153 (in Russian)]. EDN: YMTJUO
- Assa, J. (2017). *The Financialization of GDP: Implications for Economic Theory and Policy*. L.: Routledge.
- Avsar, R. (2014) “Financialization” of public discourse: The case of AIG. *On the Horizon*, 22(4), 239–244. DOI: 10.1108/OTH-07-2014-0023
- Baudrillard, J. (1996). *The System of Objects*. L., N.Y.: Verso.
- Baudrillard, J. (1998). *The Consumer Society: Myths and Structures*. SAGE Publ.
- Berger, P., Luckman, T. (1991). *The Social Construction of Reality*. L.: Penguin Books.
- Chasse, J. (2017). *A Worker’s Economist: John R. Commons and His Legacy from Progressivism to the War on Poverty*. L., N.Y.: Routledge.
- Commons, J.R. (1934). *Myself*. N.Y.: The Macmillan Company.
- Commons, J.R. (1936). Institutional economics. *American Economic Review* **26**(1), 237–249.
- Dymski, G. (2024). “Contingency, Irony, and Solidarity” in the era of polycrisis: Institutional economics beyond the t/T duality. *Journal of Economic Issues*, 58(2), 378–396. DOI: 10.1080/00213624.2024.2343244
- Galbraith, J.K. (1974). *Economics and the Public Purpose*. L.: André Deutsch. <https://archive.org/details/economicpublicp0000galb> (accessed on February 14, 2026)
- Galbraith, J.K. (1977). *The Age of Uncertainty*. Boston, MA: Houghton Mifflin. https://archive.org/details/ageofuncertainty0000galb_l7g5 (accessed on February 14, 2026)
- Mirowski, Ph., Plehwe, D. (2009). *The Road from Mount Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge: Harvard University Press.
- Stiglitz, J. (2010). *Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*. N.Y., L.: W.W. Norton & Company. <https://archive.org/details/freefallamericaf0000stig/> (accessed on February 14, 2026)
- Veblen, T. (1898). Why is economics not an evolutionary science? *The Quarterly Journal of Economics* **12**(4), 373–397. DOI: 10.2307/1882952
- Veblen, T. (1918). *The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men*. N.Y.: B.W. Huebsch. <https://archive.org/details/higherlearningin00vebluoft/mode/2up> (accessed on February 15, 2026)
- Veblen, T. (1920). *The Vested Interests and the Common Man (“The Modern Point of View and the New Order”)*. N.Y.: B.W. Huebsch. <https://archive.org/details/vestedinterestsc00vebluoft/mode/> (accessed on February 15, 2026)
- Wrenn, M. (2022). Myth busting. Institutional economics and mythopoetics. In: Whalen, Ch. (ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (pp. 225–246). Routledge.

Налоговое стимулирование технологического суверенитета в условиях геоэкономической фрагментации

Вишневецкий Валентин Павлович

Институт экономических исследований, Донецк, ДНР;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: vvishn@mail.ru

Гурнак Александр Владимирович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: AVGurnak@fa.ru

Цитирование: Вишневецкий В.П., Гурнак А.В. (2026). Налоговое стимулирование технологического суверенитета в условиях геоэкономической фрагментации. *Terra Economicus* 24(1), 53–70. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-53-70

Переход от глобализации к геоэкономической фрагментации – политически мотивированному процессу разделения мировой экономики на конкурирующие группы стран и регионов – повышает значение национального технологического суверенитета, открывает новые возможности и формирует новые риски его обеспечения. Для усиления положительных и компенсации отрицательных эффектов геоэкономической фрагментации в сфере технологического суверенитета могут быть использованы налоговые методы. В статье раскрыты основания их применения, связанные с необходимостью решения проблем жизненного цикла технологий, формирования полюсов роста и поддержки развития технологических экосистем. С опорой на результаты выполненного анализа обоснованы направления политики налогового стимулирования технологического суверенитета России в условиях геоэкономической фрагментации: (1) структурные сдвиги в налоговом стимулировании технологического развития с упором на средние и поздние стадии (роста, диффузии и зрелости) жизненного цикла критических технологий, а также на налоговое содействие своевременному управляемому выводу с рынка технологий устаревших и неудачных; (2) формирование лучшей институциональной среды для функционирования экосистем технологического развития за счет реализации права на риск технологических инноваторов и наказания рентоориентированного поведения (институционализации налогов на сверхприбыль организаций); (3) разработка, настройка и наладка новых налоговых инструментов содействия безопасности цепочек поставок, обеспечения суверенитета данных, защиты конфиденциальности, формирования межгосударственных технологических альянсов с дружественными странами в рамках «регуляторных песочниц» особых экономических зон. Особенностью предлагаемого подхода к государственному регулированию процессов технологического развития является проведение налоговой политики, ориентированной не на получение немедленных экономических результатов или достижение целевых показателей бюджетной эффективности, а на показатели результативности и выполнение миссии по обеспечению национального технологического суверенитета.

Ключевые слова: геоэкономическая фрагментация; технологический суверенитет; экосистема технологического развития; налоговая политика; налоговое стимулирование

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Tax incentives for technological sovereignty in the context of geo-economic fragmentation

Valentin P. Vishnevsky

Economic Research Institute, Donetsk, DPR; Financial University, Moscow, Russia, e-mail: vvishn@mail.ru

Alexander V. Gurnak

Financial University, Moscow, Russia, e-mail: AVGurnak@fa.ru

Citation: Vishnevsky V.P., Gurnak A.V. (2026). Tax incentives for technological sovereignty in the context of geo-economic fragmentation. *Terra Economicus* 24(1), 53–70 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-53-70

The transition from globalization to geo-economic fragmentation seen as a politically driven process of dividing the global economy into competing blocks of countries and regions, emphasizes the issue of national technological sovereignty and creates opportunities and challenges. This article focuses on how tax policy instruments can be used to enhance the positive effects and mitigate the negative consequences of geo-economic fragmentation in the context of technology sovereignty. We explore the rationale for using tax instruments to address technology lifecycle challenges, foster growth poles and support the development of technology ecosystems. Then, we discuss policy directions for tax incentives to support technological development and strengthen Russia's technological sovereignty. Three main directions for tax incentives include: (1) structural shifts in tax incentives for technology development, with an emphasis on the medium and later stages (growth, diffusion, and maturity) of the life cycle of critical technologies, as well as tax support for the timely and controlled market exit of obsolete and unsuccessful technologies; (2) the creation of a more favorable institutional environment for the functioning of technological development ecosystems through the recognition of innovators' right to risk and the deterrence of rent-seeking behavior (including the institutionalization of excess profit taxation); (3) the design, calibration, and adjustment of new tax instruments to enhance supply chain security, ensure data sovereignty, protect confidentiality, and promote interstate technological alliances with friendly countries within the framework of regulatory sandboxes in special economic zones. This approach to state regulation of technological development implies tax policy oriented toward performance indicators and ensuring national technological sovereignty, neither toward immediate economic returns nor short-term budgetary efficiency targets.

Keywords: *geo-economic fragmentation; technological sovereignty; technology development; technology ecosystem; tax policy; tax incentives*

JEL codes: *H20, H30*

Введение

Технологический суверенитет, под которым обычно понимают способность государства генерировать и применять ключевые для национальной безопасности технологии, в последнее время приобрел особое значение. Это связано с активизацией процессов разделения мира на конкурирующие группы стран (вплоть до вражды) – то, что получило название политически мотивированной геоэкономической фрагментации (Aiyar et al., 2023).

Существуют разные точки зрения на вопрос о том, насколько глубокими и необратимыми являются эти процессы. Одни специалисты считают, что глобализация только притормозила, а не повернула вспять (Загашвили, 2024), другие – что происходящие перемены необратимы и формируют новую реальность (Goldberg, Reed, 2023). Причем эти процессы затронули отдель-

ные страны (группы стран) по-разному. Если в отношениях между гипотетическим западным и восточным блоком торговые потоки стали более чувствительными к геополитическому расстоянию, то, например, в Африке внутрирегиональная торговля после пандемии *COVID-19* росла медленнее, чем торговля внешняя (со странами за пределами континента) (Blanga-Gubbay, Rubinova, 2024). Также существуют разные взгляды на то, с какими последствиями все это связано: отрицательными (Bolhuis et al., 2023), положительными (Вишневский и др., 2025).

В любом случае важность технологического суверенитета для многих стран мира повышается, особенно если речь идет о критических технологиях в сферах военного производства, энергетики, коммуникаций и других, имеющих ключевое значение для соблюдения стратегических национальных интересов. Рынок в связи с его известными провалами, в том числе «инвестиционной близорукостью» экономических агентов (Розмаинский, 2006), не способен самостоятельно решать возникающие в этой сфере проблемы. Поэтому технологический суверенитет обычно поддерживают с использованием возможностей государства (Гареев, 2023).

Отсюда возникает закономерный вопрос о том, какие концептуальные положения лежат в основе политики налогового стимулирования технологического суверенитета, в каких случаях налоги можно и нужно использовать в качестве средства его поддержки и продвижения и почему? Обоснованию соответствующих аргументов посвящена данная статья.

Статья построена следующим образом. Начинается анализ с общей постановки вопроса о связях процессов глобализации, геоэкономической фрагментации и технологической суверенизации. Затем с учетом этих связей рассмотрены концептуальные основания налогового стимулирования технологического суверенитета с позиций взаимодополняющих подходов – жизненного цикла технологий, полюсов роста и технологических экосистем, – акцентирующих внимание на различных аспектах проблемы. Далее приведены направления национальной политики налогового стимулирования технологического суверенитета и их краткое обсуждение. Завершают работу выводы.

Глобализация, геоэкономическая фрагментация и проблемы стимулирования технологического суверенитета

Глобализация является объективным процессом, который обусловлен ускорением всеобщего технологического прогресса, усилением экономической взаимозависимости стран, активизацией информационных и культурных обменов. Современный мир, образно выражаясь, становится «меньше», преобразуясь под воздействием таких факторов, как интенсивная международная торговля и межгосударственное сотрудничество, опережающее развитие информационно-коммуникационных технологий, быстрый прогресс средств связи, транспорта и др.

В научно-технической сфере глобализация является широко признанным драйвером ускорения технологического развития: интенсифицируются обмены знаниями и умениями; ученые и инженеры получают возможность сотрудничать дистанционно и/или мигрировать, стимулируя инновации; страны получают доступ ко многим передовым и иным технологиям, разработанным в других государствах, а предприятия – к широким рынкам сбыта своей продукции и т.д.

Вместе с тем, как показали события последних десятилетий, глобализация – это противоречивый процесс, связанный с существенными рисками для национальных экономик. Их первопричина заключается в том, что субъекты экономических отношений, обладающие изначально разными возможностями, не являются альтруистами, а действуют прежде всего в собственных интересах и в интересах тех государств, которые они представляют. При этом в мире не существует «...ни глобального антимонопольного органа, ни глобального кредитора последней инстанции, ни глобального регулятора, ни глобальных сетей безопасности, и, конечно, нет глобальной демократии... Глобальные рынки страдают от слабого управления, а значит, и от слабой народной легитимности»¹.

После того как применение силы или угроза ее применения превратились в рутинную практику международных экономических отношений, стало очевидно, что глобализации в привычном понимании уже не будет. Она не исчезнет и не повернет вспять, но будет ограничена в основном теми сферами, где объединение знаний и ресурсов приносит пользу всему человечеству, не создавая угроз нацио-

¹ Rodrik, D. (2008). The death of the globalization consensus. Project Syndicate, July 11. <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-death-of-the-globalization-consensus> (accessed on November 20, 2025)

нальной безопасности (международное сотрудничество в сферах здравоохранения, освоения космоса, проблем климата и т.п.), а также теми, где взаимодействие обусловлено спросом и менее подвержено национальному контролю (онлайн-сервисы, глобальные финансовые рынки, музыка, кино и т.п.).

В то же время расширяются сферы экономической деятельности и применения технологий, контролируемые национальными правительствами и/или альянсами дружественных стран. Это: критические для национальной безопасности технологии (военные, высокотехнологичное машиностроение, микроэлектроника, биотехнологии, искусственный интеллект, технологии компьютерных вычислений и хранения данных, кибербезопасность); энергетика (сдвиг в сторону обеспечения национальной и региональной энергетической самодостаточности); цепочки поставок стратегических товаров (стратегического сырья, продовольствия, критических медицинских товаров); регулирование данных, искусственного интеллекта (ИИ) и т.д. Это означает, что на смену «необузданной» глобализации, уже не поддерживаемой ведущими мировыми игроками (Goldberg, Reed, 2023: 43), пришел период технологического суверенитета.

Вместе с тем смещение в сторону технологического суверенитета связано с дополнительными – по сравнению с «глобализационным» способом производства – издержками. Это: большие удельные инвестиции в национальные исследования и разработки, инфраструктуру и человеческий капитал; дополнительные потери времени и денег на разработку конкурентоспособных альтернатив устоявшимся иностранным технологиям; риски отставания в развитии национальных технологических экосистем вследствие изоляции от глобальных научно-технических достижений; издержки потребителей от протекционистской политики и др. Для того чтобы суверенное производство было выгодным для экономических субъектов, а значит, легче масштабировалось, эти дополнительные издержки должны быть компенсированы.

Один из способов сделать это состоит в переходе от глобализации всеобщей (планетарной) к глобализации макрорегиональной, основанной на развитии отношений с дружественными странами и/или теми, которые стабильно придерживаются на взаимной основе принципов многосторонности и соблюдения международного права, сотрудничества, признания недопустимости применения нелегитимных односторонних принудительных мер и т.д.²

Однако, во-первых, этот способ, как и в случае с всеобщей глобализацией, не может быть использован в полной мере в сфере развития критических для национальной безопасности технологий. И, во-вторых, организовать плодотворное сотрудничество даже с дружественными странами очень непросто в связи с различиями исходных позиций партнеров, их экономических и технологических приоритетов и др.

Второй, более очевидный способ состоит в компенсации дополнительных издержек суверенизации за счет общественных ресурсов. Это известный подход к решению проблемы, предусматривающий компенсацию отрицательных и поощрение положительных экстерналий путем использования налогов – принудительного перераспределения ресурсов экономических субъектов с целью финансирования приоритетных общественных потребностей.

Использование инструментов и механизмов налоговой политики действительно способно снизить издержки и повысить выгоды создания и распространения новых технологий, а поэтому широко практикуется во многих странах мира, в том числе в связи с высокой инфляцией, характерной для многих стран мира после пандемии коронавируса (Ettmeier, Kriwoluzky, 2024).

Проблема, однако, заключается в том, что взимание и использование налогов в качестве регулятора также связано с определенными искажениями, издержками и потерями благосостояния. В частности, налоги повышают цены на товары и услуги, что приводит к изменениям в поведении потребителей и производителей, обусловленным не соображениями экономической эффективности, а налоговыми причинами. Также налоги снижают потребительский и производственные излишки, вытесняя с рынка часть потенциальных покупателей и продавцов. Их использование в качестве инструмента регулирования экономических процессов связано с издержками демократии, рисками своекорыстного поведения должностных лиц и др.

Поэтому налоговую систему следует настраивать таким образом, чтобы предельные выгоды от использования налоговых инструментов и механизмов стимулирования технологического суверенитета превышали предельные издержки. Однако универсальных рецептов решения этой задачи, помимо известных наиболее общих рекомендаций по использованию менее искажающих налогов (Mankiw et al., 2009; Ali-naghi, Reed, 2020), повышению прозрачности налоговой системы (Alexander, 2013), ограничению оппортунистического поведения экономических субъектов (Buchanan, Musgrave, 1999: 205–224), не существует.

² Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 г. XVI Саммит БРИКС, 22–24 октября 2024 г. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 20.11.2025)

В этой связи важно принимать во внимание конкретные обстоятельства места и времени, зависимость от предшествующего пути развития, когда в условиях возрастающей отдачи конкуренция между технологиями имеет эволюционный характер, сходный с генетическим, и важное значение приобретает история событий (Arthur, 1989), а также специфику тех задач, которые требуется решать с помощью налогов.

Ключевые положения теории налогового стимулирования технологического суверенитета

Теоретические основания использования налогов для обеспечения научно-технического развития базируются на положениях неоклассической теории провалов рынка (в форме общественных благ, экстерналий и др.). Когда существуют такие провалы, экономические субъекты склонны недоинвестировать в разработку новых технологий в связи с эффектами перелива, поскольку конкуренты и общество получают выгоды от чужих инноваций, не неся при этом соответствующих затрат. Это означает, что инвесторы не всегда могут получить полную отдачу от своих вложений.

Специалисты ОЭСР отмечают: «Поскольку изобретатель не может полностью запретить другим получать прямые или косвенные выгоды от своего изобретения, частная норма прибыли снижается из-за перелива знаний. Таким образом, можно считать, что социальная норма прибыли остается прежней, поскольку вся экономика получает выгоду от инновации, но частная норма прибыли становится ниже, так как часть выгод не может быть интернализирована фирмой. Поскольку фирмы сами решают, какие проекты им осуществлять, более низкая частная норма прибыли предполагает, что будет осуществлено меньше проектов, чем могло бы быть при социальной норме прибыли»³.

Кроме того, предприниматели при внедрении новых технологий сталкиваются с несовершенствами рынка капиталов (в частности, с информационной асимметрией; см.: Stiglitz, Weiss, 1981), а также технологическими и нормативно-правовыми неопределенностями, препятствующими своевременному и полному финансированию проектов развития. Все это приводит к неоптимальным с позиций общественных интересов инвестициям. Использование налоговых инструментов позволяет смягчить эту проблему и улучшить инвестиции путем интернализации внешних эффектов, снижения издержек и рисков предпринимателей.

Вместе с тем приведенные теоретические основания имеют в значительной мере универсальный, а поэтому абстрактный характер и не определяют конкретных условий и сферы их применения, того, в каких именно обстоятельствах и как их нужно использовать. Поэтому указанные положения следует конкретизировать с учетом специфики задач по стимулированию разработки, развития и обеспечению безопасности критических технологий, лежащих в основе технологического суверенитета. Речь, в частности, идет об учете аспектов: *технологического* – жизненного цикла технологий; *пространственного* – развития технологий в рамках полюсов роста; *эволюционного* – особенностей формирования и развития технологических экосистем.

В этой связи важно отметить, что, исходя из положений финансовой теории, налоговые стимулы должны строиться на принципе горизонтальной нейтральности (беспристрастности) и, как правило, не могут быть индивидуальными, в том числе для отдельных критических технологий, состав которых к тому же меняется с течением времени, иногда очень быстро. Поэтому приходится, с одной стороны, обосновывать такие решения, которые создают в целом более благоприятный налоговый климат для развития высокотехнологичных капиталоемких отраслей и наукоемких технологий, к числу которых относятся и критические, а с другой стороны, отдавая должное технологическому суверенитету, уделять особое внимание тем аспектам, которые в большей мере присущи критическим технологиям в условиях геоэкономической фрагментации. В этой логике (от общего налогового содействия технологического развития к частному – стимулированию технологического суверенитета) построен дальнейший анализ.

Налоговое стимулирование в контексте жизненного цикла технологий

Как известно, каждая технология, в том числе критическая, имеет свой жизненный цикл, который условно можно разбить на стадии (этапы): (I) инноваций и развития; (II) роста и диффузии; (III) зрелости и стандартизации; (IV) устаревания и упадка.

³ OECD (2010). Taxation, innovation and the environment. OECD Publishing, p. 19. <https://doi.org/10.1787/9789264087637-en> (accessed on November 20, 2025)

Соотношение между затратами на развитие технологии и получаемыми результатами отличается на каждой из этих стадий. Поэтому обычно жизненный цикл технологии изображают в виде S-образной кривой, а замену старой технологии на новую представляют как своего рода технологический скачок, связанный с преодолением разрыва, переход с одной S-образной кривой на другую, но уже более высокого уровня (Фостер, 1987).

Учитывая указанную выше склонность экономических субъектов к недоинвестированию технологических инноваций, успех перехода с устаревающей технологии на новую зависит в том числе от государственной поддержки, которая принимает разные формы, адаптированные к особенностям отдельных стадий жизненного цикла.

Понятно, что государственная поддержка важна на протяжении всего жизненного цикла технологии, но некоторые его стадии требуют явно большего внимания, чем другие (Mazzucato, 2013: 29). То есть налоговая политика в этом контексте – это не единый универсальный подход, а последовательность различных политик, использующих различные инструменты и распределенных во времени (табл. 1).

Основные типы специализированных налоговых стимулов по стадиям жизненного цикла технологии

Таблица 1

Стадия жизненного цикла технологии	Типы налоговых стимулов
Стадия I. Инновации и развитие	Налоговые льготы для расходов на НИОКР. Льготное налогообложение доходов от интеллектуальной собственности, созданной в ходе выполнения НИОКР. Льготное налогообложение венчурных инвестиций. Ускоренная амортизация оборудования, предназначенного для выполнения НИОКР
Стадия II. Рост и диффузия	Инвестиционные налоговые вычеты и кредиты для критических и других важных технологий. Специальные налоговые режимы для стартапов, создающих инновационные зоны и/или технологические хабы. Льготное налогообложение технологических стартапов. Налоговые стимулы для обеспечения безопасности цепочек поставок и ресоринга. Льготное налогообложение доходов от экспорта технологий. Налоговые стимулы для найма высококвалифицированных работников в технологическом секторе
Стадия III. Зрелость и стандартизация	Льготное налогообложение при лицензировании запатентованных технологий. Налоговые стимулы для инвестиций в цифровую инфраструктуру. Льготное налогообложение повышения экологичности и устойчивости производства. Льготное налогообложение предприятий, инвестирующих в повышение квалификации и переподготовку кадров
Стадия IV. Устаревание и упадок	Компенсация убытков предприятий от устаревших технологий за счет прибыли прошлых или будущих периодов. Налоговые стимулы при выводе из эксплуатации устаревшего оборудования. Налоговые стимулы для перехода бизнеса в развивающиеся отрасли. Налоговые стимулы реструктуризации предприятий. Льготное налогообложение программ переподготовки рабочей силы и перевода сотрудников в развивающиеся отрасли

Источник: составлено авторами по данным: OECD (2025). OECD investment tax incentives database 2024 update: Corporate income tax incentives in emerging and developing economies. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/03/oecd-investment-tax-incentives-database-2024-update_f3a3a175/b0de19dc-en.pdf; Deloitte (2025). Survey of global investment and innovation incentives. <https://www.deloitte.com/in/en/services/tax/analysis/global-investment-and-innovation-incentives-survey.html> (accessed on November 20, 2025)

Как известно, наибольшую финансовую отдачу технология приносит на этапе зрелости. Именно на этом этапе ее выгодно продавать в том числе на экспорт, поскольку технический потенциал технологии (возможность дальнейшего роста физической производительности) почти исчерпан, а финансовая отдача остается достаточно высокой.

В принципе, технологии могут быть реализованы на любой стадии жизненного цикла, даже на стадии инноваций и развития, когда по тем или иным причинам требуется обеспечить первоначальную коммерциализацию и маркетинг (обычно на нишевых рынках), но чаще продают уже хорошо отработанные зрелые технологии, не имеющие характера критических. При этом важно отметить, что с позиций потребителя приобретение зрелых технологий у зарубежных поставщиков может быть быстрее и дешевле, чем их собственная разработка «с нуля». Даже многие страны с развитой экономикой предпочитают покупать у глобальных поставщиков ряд готовых инновационных продуктов (робототехнику и технологии ее производства, программное обеспечение, облачные сервисы и решения в области ИИ, фармацевтические технологии и препараты, диагностическую аппаратуру и др.), вместо того чтобы дублировать НИОКР и наработать собственный опыт продвижения новых технологий (Chen, Dauchy, 2018).

Но это, как правило, некритические и/или относительно несложные технологии. Что же касается новейших перспективных технологий, обладающих высоким потенциалом роста производительности, то предприятия (правительства) предпочитают не продавать их вообще или могут предлагать только продукты их применения, и то далеко не всем (Hauser, Nakib, 2022).

В частности, Россия из-за западных санкций и экспортных ограничений оказалась отрезанной от многих технологий и их продуктов, очень важных для национальной безопасности, экономического и социального развития, что вынуждает правительство развивать соответствующие компетенции внутри страны или искать альтернативы через союзников (Смирнов, 2022). Это: полупроводники и передовая микроэлектроника, продвинутая робототехника, авиационные двигатели и аэрокосмические материалы, производство сжиженного природного газа, технологии ИИ, создания суперкомпьютеров, телекоммуникаций и др. Таким образом, из-за западных санкций Россия во многих сферах стала переходить на технологическое самообеспечение, даже с учетом того, что самостоятельное развитие соответствующих компетенций требует времени и дополнительных ресурсов.

В контексте концепции жизненного цикла технологий указанное означает, во-первых, что в условиях геоэкономической фрагментации у страны отсутствуют возможности импорта ряда важных производственных продуктов и процессов, их приходится разрабатывать полностью (или почти полностью) самостоятельно, т.е. проходить все стадии жизненного цикла⁴. Но при этом в рамках этих стадий государственная поддержка критических технологий отличается большей интенсивностью, особенно на средних и поздних этапах их продвижения, чем политика поддержки технологического развития в целом, большей терпимостью к проблемам неэффективности⁵, а также политически мотивированным (а не рыночно обусловленным) выходом с рынка (прекращение поддержки технологий, оказавшихся неудачными или устаревшими). Ибо в сфере критических технологий принципиальное значение имеют результативность (*effectiveness, doing the right things*) и управление рисками, а не экономическая эффективность (*efficiency, doing things right*) и максимизация роста (как в случае с поддержкой общего технологического развития).

Успех такой налоговой политики зависит от перераспределения государственной поддержки ранних этапов в пользу этапов средних и поздних, а также от обеспечения своевременного управляемого вывода с рынка. А учитывая, что инструменты и механизмы налоговой политики специализированы в зависимости от стадии жизненного цикла (см. табл. 1), это также означает структурный сдвиг в части выбора предпочтительных инструментов и механизмов налогового обеспечения технологического суверенитета.

Налоговое стимулирование в контексте формирования полюсов роста

Полюс роста – это место концентрации передовых производств (отраслей), которые способствуют экономическому росту за счет привлечения бизнеса, инвестиций, рабочей силы и генерирования положительных внешних эффектов для окружающих территорий.

⁴ Характерным примером является микроэлектроника; см.: RevenantRNT (2025). Российская микроэлектроника сегодня, завтра, и при чем здесь микромеханика. Хабр. <https://habr.com/ru/articles/956586/> (дата обращения: 20.11.2025)

⁵ Критически важные технологии могут поддерживаться, несмотря на проблемы с экономической эффективностью; см., например: Смирнов К. (2025). Авиастроение: трудный путь к «Байкалу». Монокль. <https://monocle.ru/2025/07/28/aviastroeniye-trudnyy-put-k-baykalu/> (дата обращения: 20.11.2025)

Теории полюсов роста экономической активности, начиная с известных работ (Perroux, 1955⁶; Boudeville, 1966; Kaldor, 1966; Krugman, 1991) и до современных интерпретаций, акцентирующих внимание на аспектах инноваций (Vlados, Chatzinikolaou, 2020), перемещения рабочих мест (Lin et al., 2025), специфики развивающихся экономик (Frick, Rodríguez-Pose, 2025) и др., имеют большое значение для решения проблем технологического развития, поскольку они объясняют, почему концентрация ресурсов в определенных местах стимулирует более быстрое и широкое технологическое и экономическое развитие.

Одним из видов полюсов роста, которые получили широкое распространение в мире, включая Россию, являются особые (специальные) экономические зоны (ОЭЗ), для резидентов которых установлены специфические экономические правила, направленные на развитие производства и торговли, рост инноваций и инвестиций, ускорение технологического и общего экономического развития. Это разнообразные торговые, промышленно-производственные, технико-внедренческие и другие зоны (Смородинская, 2011).

Главным экономическим инструментом ОЭЗ являются налоговые стимулы в форме льгот и преференций для предприятий-резидентов. Бизнесу в таких зонах предоставляются налоговые каникулы, предприятия пользуются льготными ставками налогов, низкими импортными пошлинами и т.д., которые в комплексе поощряют экономический рост и способствуют привлечению инвестиций и экспорту (табл. 2).

Таблица 2

Основные типы налоговых стимулов в особых экономических зонах

Типы налоговых стимулов	Описание
Налоговые льготы для НИ-ОКР и инноваций	<ul style="list-style-type: none"> Налоговые вычеты для расходов на НИОКР и вложений в высокие технологии предприятий-резидентов. Ускоренная амортизация высокотехнологичного оборудования
Льготы по налогу на прибыль корпораций (НПК)	<ul style="list-style-type: none"> Полное или частичное освобождение от НПК на определенный период (например, 5–15 лет). Сниженные ставки НПК по истечении срока действия освобождения от НПК
Льготы по подоходному налогу с физических лиц (НДФЛ) и начислениям на заработную плату	<ul style="list-style-type: none"> Пониженные ставки НДФЛ для иностранных служащих и квалифицированных работников. Полное или частичное освобождение от взносов на социальное страхование и обеспечение
Льготы по налогу на добавленную стоимость (НДС) и налогу с продаж	<ul style="list-style-type: none"> Освобождение или сниженная ставка НДС на товары/услуги предприятий-резидентов. Освобождение или сниженная ставка налога на продажи
Льготы по налогу на землю и имущество	<ul style="list-style-type: none"> Льготная или бесплатная аренда земли для производственных и высокотехнологичных фирм. Освобождение от налога на имущество для предприятий – резидентов ОЭЗ
Освобождение от таможенных и импортных / экспортных пошлин	<ul style="list-style-type: none"> Освобождение от импортных пошлин на сырье, оборудование и другие капитальные товары. Беспошлинный экспорт для стимулирования международной торговли
Льготы при репатриации прибыли и освобождение от налогов, удерживаемых у источника (withholding tax)	<ul style="list-style-type: none"> Освобождение или льготное налогообложение репатрированной прибыли, дивидендов, лицензионных платежей. Освобождение от удерживаемого у источника налога при выплате процентов и дивидендов

Источник: составлено авторами по данным: FasterCapital (2025). Tax Incentives: SEZs: Unlocking tax benefits for businesses. <https://fastercapital.com/content/Tax-Incentives--SEZs--Unlocking-Tax-Benefits-for-Businesses.html#Introduction-to-SEZs-and-Tax-Incentives>; UNCTAD (2019). World investment report 2019: Special economic zones. N.Y. and Geneva: UN Publ. https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf; UNCTAD (2021). Handbook on special economic zones in Africa: Diversification across the continent. N.Y. and Geneva: UN Publ. https://unctad.org/system/files/official-document/diaeia2021d3_en.pdf (accessed on November 20, 2025)

Очевидно, что потенциальные преимущества полюсов роста не являются безусловными и реализовать их очень непросто, в том числе в связи налоговыми проблемами. Помимо того что чрезмерные нало-

⁶ Понятие «полюс роста» (фр. *pôle de croissance*) было введено Ф. Перру в 1950 г. При этом он представлял его как фокус экономического развития в абстрактном экономическом пространстве. Несколько позже его ученики, в частности Ж.Р. Будевиль, интерпретировали полюс роста как фокус развития в реальном географическом пространстве; см.: Geography. Growth pole. <https://geography.name/growth-pole/> (accessed on November 20, 2025)

говые льготы могут привести к значительным потерям бюджетных доходов центрального и субфедеральных бюджетов, они искажают конкуренцию (когда такие же предприятия за пределами ОЭЗ оказываются в неравных условиях). Также существуют риски избегания и уклонения от уплаты налогов без получения эффекта от инвестиций в развитие производства и др. (Wu et al., 2018; Chaisse, Ji, 2020).

Для того чтобы максимизировать выгоды от налогового стимулирования технологического развития в рамках полюсов роста и одновременно минимизировать риски, политика должна следовать ряду принципов: предоставление налоговых льгот и преференций на ограниченный период времени и увязывание их с критериями результативности бизнеса; регулярный мониторинг эффектов налоговых стимулов на предмет соотношения полученных выгод и понесенных затрат; отказ от применения сложных и непрозрачных налоговых механизмов, создающих лазейки для переноса прибыли и уклонения от уплаты налогов и др. (Sinenko, 2016).

Разумеется, это только наиболее общие (абстрактные) требования, к тому же не учитывающие специфику политики технологической суверенизации. Дело в том, что ОЭЗ, способствующие общему технологическому развитию, с одной стороны, и ОЭЗ, специализированные на продвижении критических технологий, с другой – предполагают разные правовые режимы и разную налоговую политику. В первом случае общим принципом является горизонтальная налоговая нейтральность, направленная на экономическую эффективность и повышение территориальной деловой активности, а во втором – вертикальная поддержка победителей (*picking winners*), направленная на достижение целевых результатов и снижение стратегических технологических рисков.

В отличие от обычных налоговых инструментов ОЭЗ (табл. 2), в таких специализированных зонах режим льготного налогообложения получают предприятия, имеющие статус высокотехнологичных (*high-tech*). Получение такого статуса зависит от выполнения установленных критериев, а сама налоговая поддержка (супервычеты на НИОКР, освобождение от определенных налогов, пониженные ставки и др.) часто обусловлена достижением целевых показателей технологического развития. К числу таких зон, ориентированных на продвижение высоких и критических технологий, относятся, например, в Китае – особая зона *Lin-gang* (специализация – интегральные схемы, искусственный интеллект, биомедицина, гражданская авиация), которая демонстрирует очень высокие темпы развития⁷, в России – инновационные центры «Сколково», «Иннополис» и др.⁸

При этом основная конструктивная слабость полюсов критических технологий заключается в острой проблеме «выбора победителей». В отличие от полюсов инноваций в целом, где полагаются на горизонтальные стимулы и рыночный отбор, такие зоны требуют предварительной расстановки технологических приоритетов, чреватой дорогостоящими ошибками. К тому же это увеличивает риски лоббирования и коррупции, снижение которых является сложной институциональной проблемой.

Налоговое стимулирование в контексте поддержки развития технологических экосистем

Идея экосистем в экономике уходит своими корнями в биологические науки. Термин «экосистема» был введен в 1935 г. английским ботаником А. Тенсли (Tansley, 1935), который определил ее как биологическую систему, состоящую из живых организмов, окружающей их среды и связей, посредством которых они обмениваются веществом и энергией.

Переход от концепции экосистемы в биологии к экономике происходил постепенно. Важной вехой стала монография Р. Нельсона и С. Уинтера (2002; впервые работа была опубликована на английском языке в 1982 г.), в которой экосистемное мышление было включено в эволюционную экономическую теорию. Формальная адаптация идеи экосистемы к бизнес-стратегиям была впервые предложена Дж. Муром (Moore, 1993), который заложил основы для понимания бизнеса как части более крупных взаимосвязанных систем, а не изолированных объектов.

За последние три десятилетия стали выделять несколько типов экономических экосистем: инновационные экосистемы, бизнес-экосистемы, экосистемы цифровых платформ и др., в том числе и экосистемы технологического развития.

⁷ China Daily (2024). Lin-gang Special Area sees standout trade growth. August 28. <https://en.lingang.gov.cn/html/website/lg/English/News1630758253379031042/Updates/c1828650351682699266.html> (accessed on November 20, 2025)

⁸ Петрова Д. (2025). Высокотехнологичный бизнес: какие меры поддержки доступны предпринимателям. Гарант, 11 апреля. <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/petrova-darya/1807274/> (дата обращения: 20.11.2025)

Российское законодательство определяет экосистему технологического развития (ЭТР) как совокупность взаимосвязанных субъектов экономической и научно-образовательной деятельности, которые взаимодействуют на основе сетевых принципов, разрабатывают с использованием общего набора технологий, знаний или навыков совместно и на конкурентной основе инновационные продукты и сервисы, существенно влияющие на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки или способствуя формированию новых рынков⁹. В ЭТР обычно входят исследовательские институты, стартапы, корпорации, государственные учреждения, инвесторы, потребители, а также инфраструктура, институты и политики, стимулирующие технологический прогресс.

Здесь ключевое слово – разнообразие. В биологии разнообразие форм жизни (генов, видов, экосистем) означает взаимозависимость (виды сосуществуют и развиваются, выполняя различные роли) и приспособляемость (возможность эволюционно адаптироваться с течением времени). Но, пожалуй, главное свойство – это устойчивость (*resilience*): экосистемы с большим биоразнообразием лучше противостоят экзогенным шокам (например, изменению климата и болезням).

В экономике аналог биологического разнообразия – это множественность различных участников экосистем: стартапы, малые и средние предприятия, корпорации, инвесторы, в том числе венчурные, регулирующие органы, потребители и др. Такое разнообразие стимулирует созидательную деятельность, адаптивность и рост. При этом так же, как и в природе, экономические системы с разнообразными элементами, секторами и бизнес-моделями обычно являются более устойчивыми во времени, быстрее и лучше восстанавливаются после кризисов (Martin, Sunley, 2015).

Идея биоразнообразия в экономических экосистемах дает важный инсайт для теории применения налоговых стимулов – налоговые льготы и преференции должны быть разнообразными с учетом особых потребностей их участников, но ограниченными во времени, поддаваться пересмотру и реагировать на обратные связи, отражая адаптивный отбор в экономических экосистемах.

Это с одной стороны. А, с другой стороны, налоговые стимулы для критических технологий, применяемые *ad hoc*, явно повышают транзакционные издержки функционирования налоговой системы, вступая в противоречие с фундаментальными требованиями ее нейтральности, простоты и прозрачности. Поэтому здесь, как и во многих других сферах налоговой политики, приходится искать прагматические компромиссы между универсальностью и специализацией (табл. 3).

Таблица 3

**Сравнение действия специальных и универсальных
налоговых стимулов технологического развития**

Специальные налоговые стимулы	Универсальные налоговые стимулы
Содействие устойчивости разноплановых экономических субъектов (например, налоговые льготы на НИОКР для стартапов)	Снижение транзакционных издержек за счет упрощения налогового администрирования
Поощрение экономического разнообразия за счет поддержки нишевых секторов экосистемы	Обеспечение справедливости за счет одинакового отношения ко всем экономическим субъектам
Уменьшение специфических провалов рынка (например, стимулы для возобновляемых источников энергии, компенсирующие доминирование ископаемого топлива)	Предотвращение искажений, когда некоторые экономические субъекты или их группы получают несправедливые преимущества
Привлечение инвестиций в технологии, признанные критическими на данном этапе развития (например, льготы и субсидии на производство полупроводников)	Поддержание предсказуемой и прозрачной налоговой среды для всех предприятий и организаций

Источник: составлено авторами.

Как это часто бывает на практике, найти приемлемый баланс в такой ситуации очень непросто. Поэтому здесь важно, помимо изучения научно-технологического прошлого или параллельного

⁹ Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р. Правительство Российской Федерации. <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 20.11.2025)

(других стран) опыта с учетом географических, социокультурных, институциональных и иных релевантных особенностей, использовать также эвристический подход (экспериментирование, основанное в том числе на методе проб и ошибок).

Основные направления политики налогового содействия технологическому суверенитету в условиях фрагментированного геоэкономического пространства

Как уже отмечалось, налоговая политика содействия технологическому суверенитету включает создание горизонтально нейтральных налоговых стимулов для общего технологического развития, которые формируют «питательную среду» развития капиталоемких отраслей и наукоемких технологий в целом и являются ее неотъемлемым, базовым компонентом. Однако этого недостаточно, и обеспечение технологического суверенитета требует также дополнительных специализированных налоговых инструментов, учитывающих специфические риски суверенизации и выходящих за рамки горизонтально нейтральной поддержки инноваций.

Особенности национальной политики налогового стимулирования технологического суверенитета, которые обусловлены усложнением геополитического ландшафта и глобальными экономическими трансформациями в условиях разделения части мировой экономики на конкурирующие сферы влияния, характеризует рис. 1.

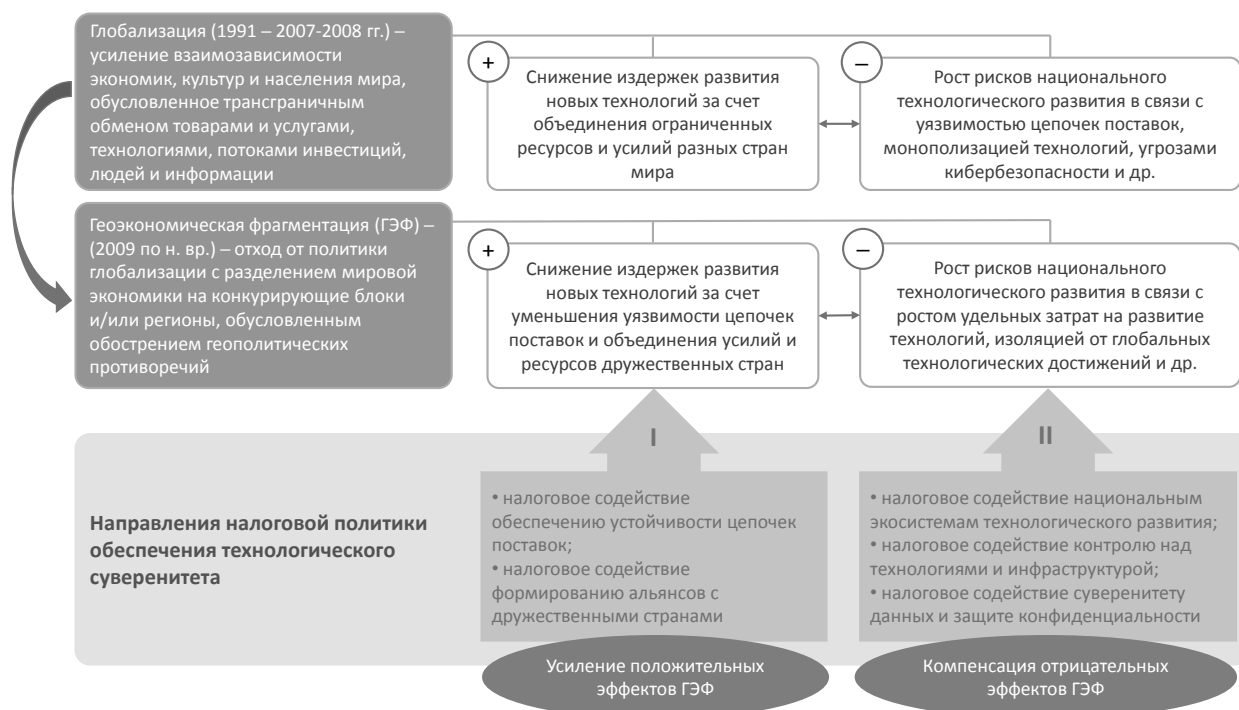

Рис. 1. Основные направления национальной налоговой политики обеспечения технологического суверенитета в условиях геоэкономической фрагментации

Источник: составлено авторами.

Нынешние тренды геоэкономической фрагментации, формируемые под действием политического фактора, применения силы или угрозы ее использования в экономических отношениях, а также из соображений национальной безопасности, связаны как с определенными новыми возможностями, так и новыми рисками. Соответственно, как показано на рис. 1, можно выделить два основных направления налоговой политики обеспечения технологического суверенитета в таких условиях:

- первое – связанное с усилением положительных эффектов геоэкономической фрагментации за счет налоговой поддержки безопасных цепочек поставок товаров (услуг) и налогового содействия развитию экономических отношений в рамках альянсов дружественных стран, включая научно-исследовательскую, технико-технологическую, социально-культурную и иные сферы деятельности;

- второе – связанное с компенсацией отрицательных эффектов геоэкономической фрагментации за счет налоговой поддержки национальных экосистем технологического развития, содействия контролю над технологиями и инфраструктурой, необходимыми для их нормального функционирования, обеспечения суверенитета данных и защиты их конфиденциальности (предотвращения утечки информации с ограниченным доступом) и др.

При этом важно учитывать особенности национальных экосистем технологического развития, задействованных механизмов изменчивости, наследственности и отбора, способности таких экосистем изменяться к лучшему, сохранять, накапливать и развивать удачные решения, а также институциональные особенности национальной экономики в целом и налоговой системы в частности, о которых речь пойдет далее.

Дискуссия

Как следует из вышесказанного, политика налогового содействия национальному технологическому суверенитету – это не только о проблемах государственной поддержки разработки и применения конкретных технологий, признанных критическими согласно официально утвержденной таксономии на данном этапе развития страны¹⁰. Главное – иное: поддержка способности технологических экосистем к устойчивому саморазвитию, причем такому, чтобы они могли своевременно генерировать и масштабировать новые технологии, в том числе являющиеся (или становящиеся) критическими для национальной безопасности, с учетом динамично меняющихся геополитических реалий.

Для того чтобы определить, как это работает (или не работает) на практике и почему, обратимся к краткому анализу проблем реализации политики налогового стимулирования технологического суверенитета в РФ с учетом институционального аспекта проблемы, имеющего в данном случае особое значение (Дементьев, 2024).

В качестве примера сравним налоговые стимулы и фактические расходы бизнеса на НИОКР в трех странах – геополитических лидерах, занимающих первые места в мировом рейтинге стран по военной мощи: США, РФ и Китае¹¹.

Во всех этих странах налоговые стимулы для НИОКР в целом схожи и в последние годы только усиливались.

В США законодательство предусматривает немедленный вычет внутренних расходов предприятий на исследования и разработки (100%) в том же налоговом году, в котором они были понесены. Эта норма применяется с 4 июля 2025 г., когда вступил в силу *One Big Beautiful Bill Act*, а до этого действовали менее благоприятные правила, требующие капитализации и амортизации внутренних расходов на НИОКР. Кроме того, бизнес может получить налоговый кредит на НИОКР, принимаемый в зачет обязательств по федеральному налогу на прибыль¹².

В России, как и в США, сумма налогооблагаемой прибыли организаций уменьшается на 100% квалифицированных расходов на НИОКР (с 1 января 2017 г.), а для отдельных видов НИОКР в приоритетных сферах деятельности (нанотехнологии, программное обеспечение др.), предусмотрен супервычет затрат с повышающим коэффициентом 1,5. С 1 января 2025 г. значение повышающего коэффициента увеличено до 2¹³.

В Китае с 2018 г. предприятиям-резидентам было разрешено вычитать из налогооблагаемой прибыли 175% квалифицированных расходов на НИОКР. Для предприятий обрабатывающей (*manufacturing enterprises*) отрасли с 1 января 2021 г. введен супервычет в размере 200%, который с 1 января 2022 г. был распространен на малые и средние технологические предприятия¹⁴.

¹⁰ Постановление от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации». Правительство РФ. <http://government.ru/docs/all/147043/> (дата обращения: 20.11.2025)

¹¹ 2025 Military strength ranking. GFP. <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed on November 20, 2025)

¹² Bloomberg Tax (2025). R&D tax credits and deductions explained. <https://pro.bloombergtax.com/insights/federal-tax/rd-tax-credit-and-deducting-rd-expenditures/#are-r-d-expenses-deductible> (accessed on November 20, 2025)

¹³ Постановление Правительства РФ от 24.12.2008 г. № 988 (ред. от 29.10.2024 г.) «Об утверждении перечня научных исследований и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с пунктом 7 статьи 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 2».

¹⁴ Worldwide R&D incentives reference guide 2025. EY. https://www.ey.com/en_gl/technical/tax-guides/worldwide-r-and-d-incentives-reference-guide (accessed on November 20, 2025)

А с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2027 г. квалифицированные предприятия по производству интегральных схем и промышленных материнских плат получили право на еще более высокий вычет в размере 220% расходов на НИОКР.

При этом результаты в виде фактических расходов предприятий на НИОКР существенно различаются по странам: в условиях действия и усиления налоговых льгот в США и особенно в Китае инвестиции бизнеса в исследования и разработки устойчиво растут, а в России они уже много лет как «застыли» почти на одном и том же уровне (рис. 2).

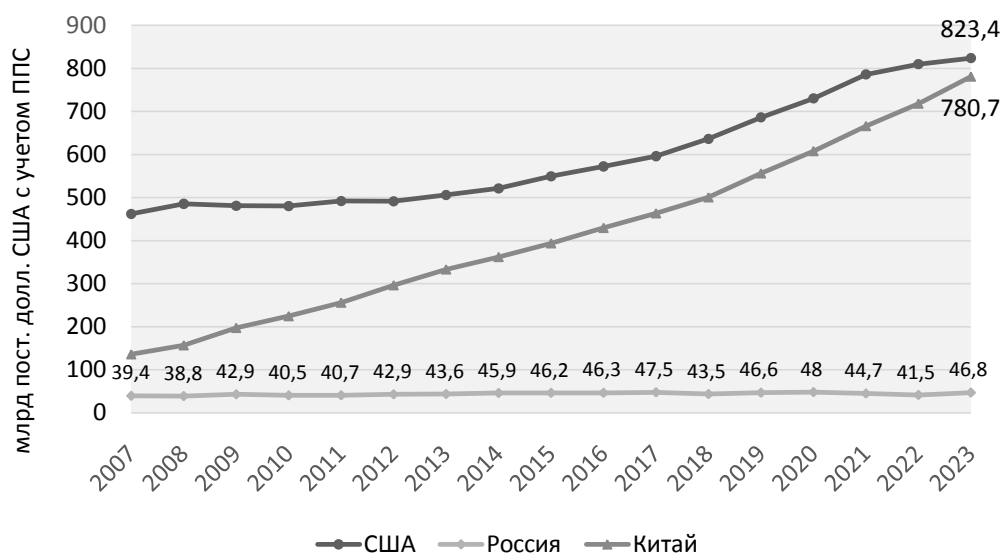

Рис. 2. Расходы предприятий на НИОКР (*Business Enterprise Expenditure on R&D*) в США, РФ и Китае в сопоставимых ценах

Источник: составлено авторами по данным: OECD (2025). Main science and technology indicators database. March. <https://oe.cd/msti>; Индикаторы науки: 2025: стат. сб. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025; World development indicators. Data bank. World Bank Group, 2025. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators?l=en>

Понятно, что динамика расходов предприятий на НИОКР зависит от множества факторов. Однако специальные оценки, выполненные по данным 20 стран ОЭСР¹⁵ в соответствии с принципами контрфактического анализа, показали, что в этих странах именно налоговые стимулы являются важной причиной роста исследований и разработок: одна дополнительная единица их налоговой поддержки приводит к 1,4 дополнительных единиц расходов на НИОКР. При этом влияние на экспериментальные разработки примерно в два раза сильнее, чем на фундаментальные и прикладные исследования¹⁶.

В России из хозяйственной практики известно, что бизнес, особенно малый и средний, часто не хочет и/или не может вкладываться в исследования и разработки и пользоваться предоставляемыми правительством налоговыми стимулами. Помимо определенной инновационной инерции¹⁷, это объективно обусловлено дисфункциями национальной инновационной системы: низким качеством формальных институтов, избыточным контролем за деятельностью инноваторов, неразвитостью механизмов для формирования связей между наукой и бизнесом, неразвитостью физической инфраструктуры для масштабирования инновационных продуктов и др. (Вольчик, Маслюкова, 2022). Очевидно, что в таких условиях налоговые льготы и преференции теряют свою действенность.

¹⁵ Оценивалась результативность налоговой поддержки дополнительных инвестиций бизнеса в НИОКР по сравнению с альтернативным сценарием, при котором такая поддержка не предоставлялась. См.: OECD (2020). The effects of R&D tax incentives and their role in the innovation policy mix – findings from the OECD microBeRD project, 2016–19. OECD science, technology and industry policy papers, № 92, p. 9.

¹⁶ OECD, 2020, op. cit., p. 10.

¹⁷ «Откуда-то возникло убеждение, – пишет промышленный инженер М. Кузин, – что вложения в разработку и освоение производства не окупятся, потому что внутреннего рынка не хватит, а на внешние нас не пустят. Установка во многом ложная: в разлухе 90-х внутреннего спроса действительно бы не хватило, но позже он вырос вместе с экономикой страны». См.: Кузин М. (2025). Что на самом деле вернет суверенитет промышленному станкостроению. Монокль, № 13, 24–30 марта, с. 43–44.

Но причина не только в этом. Одних только поблажек и послаблений в виде налоговых льгот и преференций для технологического развития здесь недостаточно, поскольку они могут привести к неэффективности и выживанию непригодных акторов. Для того чтобы технологические экосистемы развивались стабильно на здоровой основе, они должны испытывать давление отбора – как это наблюдается в природе. Это означает, что налоговая политика должна включать в себя не только поощряющие, но также дисциплинирующие и сдерживающие факторы, чтобы отсекал слабые или паразитирующие ветви.

А с этим есть проблемы.

Если ряд экономических агентов имеют возможность получать сверхприбыль, явно не связанную с их продуктивной деятельностью (*windfall profit* в англоязычной литературе), то это, очевидно, поддерживает паразитирующие ветви и подрывает стимулы к саморазвитию ЭТР. В таких условиях нет смысла рисковать, занимаясь технологическими инновациями (даже с учетом предоставленных налоговых льгот), а лучше копировать поведение успешных рентополучателей. Это уже не раз наблюдалось в российской практике в последние годы: многие предприятия по причине высоких процентных ставок, обусловленных политикой ЦБ РФ, предпочитали наращивать средства на банковских депозитах (приносящее большую доходность, чем внутренняя норма доходности инвестиций) вместо их вложения в развитие производства.

Для решения этой проблемы можно задействовать в том числе регулирующий потенциал налогов. Например, в ЕС в 2023 г. в связи с резким ростом цен на энергоносители почти повсеместно взимался временный налог на сверхприбыль энергетических и банковских компаний¹⁸. В России в 2023 г. также был введен единовременный налог на сверхприбыль крупных предприятий в форме «разового добровольного взноса». Очевидно, однако, что такой налог не должен вводиться постфактум (задним числом), а условия его применения должны быть заранее четко прописаны в налоговом законодательстве, т.е. нужна институционализация налогов на сверхприбыль организаций.

Кроме того, важно обуславливать применение налоговых льгот и преференций для поощрения технологического развития их положительным влиянием на достижение измеримых результатов – если по истечении определенного периода такие положительные результаты отсутствуют, то действие стимулов целесообразно прекращать (своевременно отпускать «проигравших»; см.: Juhász et al., 2023: 7). Но количественная оценка результативности налоговых стимулов – это нетривиальная задача, поскольку итоги деятельности экономических субъектов зависят от множества различных факторов, не только налоговых. И для того чтобы определить по историческим данным, какой из них оказался решающим, приходится разрабатывать сложные методические подходы, основанные на принципах контрфактического анализа – очень непростой вопрос, еще не решенный в РФ на практическом уровне.

Для того чтобы изменить ситуацию к лучшему, принципиальное значение имеет переход от бюджетно-ориентированного к риск-информированному подходу в налоговом регулировании технологического развития. Это означает признание со стороны государства неопределенности и высокой вероятности неудач, присущих технологическим инновациям, в том числе при оценивании результативности налоговых стимулов при разработке и применении соответствующих нормативно-правовых актов. В настоящее время в законодательстве отсутствуют четкие положения, позволяющие учитывать коммерческие неудачи или высокие инвестиционные риски критических технологий в рамках налоговых обязательств¹⁹.

Вторая проблема, на которую нужно обратить внимание, – это известные трудности «отбора победителей» среди претендентов на критические технологии, получающие налоговую поддержку. Такой отбор всегда чреват ошибками и потерями бюджетных средств вследствие недостаточной информированности правительства и политического лоббирования. Один из возможных рецептов смягчения этой проблемы, который предлагают специалисты в сфере промышленной

¹⁸ Enache, C. (2024). Windfall profit taxes in Europe, 2023. Tax Foundation. <https://taxfoundation.org/data/all/eu/windfall-tax-europe-2023/> (accessed on November 20, 2025)

¹⁹ Это касается в том числе снижения рисков обвинений в нецелевом использовании бюджетных средств в венчурных проектах. См.: Бойко А. (2023). В правительстве предложили смягчить контроль за венчурными инвестициями. Ведомости, 27 января. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/27/960629-v-pravitelstve-predlozhili-smyagchit-kontrol> (дата обращения: 20 ноября 2025)

политики, состоит в углублении государственно-частного партнерства по принципу «встроенной автономии», т.е. применение такой модели регулирования, которая основана на повторяющемся сотрудничестве между правительством и фирмами (вместо регулирования «сверху вниз») (Juhász et al., 2023: 31–33). Вместе с тем российские институциональные реалии таковы, что: «... в поисках путей укрепления технологического суверенитета страны пока реализуется не столько государственно-частное, сколько государственно-государственное партнерство. Потенциал сотрудничества государства и бизнеса при прогнозировании и планировании структурных сдвигов в экономике остается во многом невостребованным» (Дементьев, 2024: 15).

И третья проблема, которую следует выделить, состоит в необходимости развития новых направлений налогового стимулирования, специфических для условий геоэкономической фрагментации. Речь идет о налоговых инструментах, которые уже начали применяться в практике продвинутых стран, но еще не получили достаточного развития в РФ. Это налоговые стимулы для обеспечения устойчивости цепочек поставок (налоговые вычеты и кредиты при рещоринге, льготы для компаний, диверсифицирующих источники поставок), суверенитета данных и защиты конфиденциальности (налоговые вычеты и кредиты для предприятий, хранящих и обрабатывающих данные оншор, дополнительный налог на доходы от операций с данными повышенного риска), формирования межгосударственных технологических альянсов и блоков с дружественными странами (преференциальные налоговые режимы для многонациональных высокотехнологичных проектов в рамках союзных блоков) и др.

В связи с относительной новизной этих инструментов можно обратиться к распространенной в мире практике «регуляторных песочниц» – настройке и наладке соответствующих механизмов налогового стимулирования в пределах ОЭЗ. Основания для этого понятны: хорошо контролируемая среда (ОЭЗ географически ограничены, что облегчает мониторинг, оценку результатов и корректировку политики) и юридическая гибкость (ОЭЗ часто работают по правилам, отличным от правил национальной экономики, поэтому введение в них налоговых новаций связано с меньшими издержками).

Выводы

Обострение геополитических противоречий и активизация процессов геоэкономической фрагментации повышают значение национального технологического суверенитета и его налоговой поддержки. Ее основания лежат в целесообразности использования налоговых инструментов и механизмов для смягчения рыночных несовершенств с учетом особенностей аспектов: технологического – жизненного цикла технологий; пространственного – развития технологий в рамках полюсов роста; эволюционного – особенностей формирования и развития технологических экосистем.

Налоговая политика в этой сфере включает два основных направления: первое – горизонтально нейтральное улучшение общих налоговых условий для технологического развития, которые формируют «питательную среду» развития капиталоемких отраслей и наукоемких технологий в целом, включая критические, и второе – налоговое содействие вертикально избранным критическим технологиям, учитывающее их специфические возможности и риски в условиях геоэкономической фрагментации.

При этом в стратегическом плане важно не столько содействовать разработке и применению конкретных технологий, признанных критическими согласно официально утвержденной таксономии, сколько поддерживать устойчивое саморазвитие национальной технологической экосистемы, ее способность генерировать и масштабировать новые технологии, в том числе являющиеся (или становящиеся) критическими для национальной безопасности, с учетом динамично меняющихся геополитических реалий.

В Российской Федерации в этом отношении имеются проблемы, коренящиеся в институциональных особенностях ее экономики: недостаточно развитые механизмы государственно-частного партнерства, традиционно слабые связи между наукой и бизнесом, традиция и возможности для рентоориентированного поведения, избыточный контроль за деятельностью инноваторов и др.

Для того чтобы изменить к лучшему ситуацию в сфере налогового стимулирования технологического суверенитета в России, рекомендуются:

- структурные сдвиги в политике налогового стимулирования технологического развития; требуется смещение акцента на средние и поздние (роста, диффузии и зрелости) стадии жизненного цикла критических технологий, более активное использование соответствующих этим стадиям налоговых инструментов, налоговое содействие своевременному управляемому выводу с рынка технологий устаревших и неуспешных;
- формирование лучшей институциональной среды для жизнеспособного функционирования экосистем технологического развития за счет реализации права на риск технологических инноваторов (в том числе снижение рисков использования бюджетных средств при осуществлении венчурных проектов) и наказания экономических субъектов за рентоориентированное поведение (институционализация налогов на сверхприбыль организаций);
- разработка и настройка новых налоговых инструментов, предназначенных для решения специфических проблем развития в изменившихся обстоятельствах; к ним, в частности, относятся: содействие безопасности цепочек поставок; обеспечение суверенитета данных, защиты конфиденциальности; формирование межгосударственных технологических альянсов с дружественными странами в рамках «регуляторных песочниц» особых экономических зон.

Особенностью рекомендованного подхода к государственному стимулированию технологического развития является модернизация налоговой политики в этой сфере, которую следует ориентировать не на получение быстрых экономических результатов и достижение целевых показателей бюджетной эффективности, а на показатели научно-технологической результативности и выполнение миссии по обеспечению национального технологического суверенитета.

Литература / References

- Вишневский В.П., Маковецкий С.А., Вишневская Е.Н. (2025). Эффекты геоэкономической фрагментации: BRICS vs G7. *Journal of Applied Economic Research* **24**(1), 6–33. [Vishnevsky, V., Makovetsky, S., Vishnevskaya, E. (2025). Effects of geoeconomic fragmentation: BRICS vs G7. *Journal of Applied Economic Research* **24**(1), 6–33 (in Russian)]. DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.1.001
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2022). Институциональные изменения и вызовы российской инновационной системы. *Terra Economicus* **20**(4), 23–44. [Volchik, V., Maslyukova, E. (2022). Institutional change and Russian innovation system challenges. *Terra Economicus* **20**(4), 23–44 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-23-44
- Гареев Т.Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus* **21**(4), 38–54. [Gareev, T. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradiction to practical implementation. *Terra Economicus* **21**(4), 38–54 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21- 4-38-54]
- Дементьев В.Е. (2024). Технологический суверенитет и экономические интересы. *Журнал институциональных исследований* **16**(3), 6–18. [Dementiev, V. (2024). Technological sovereignty and economic interests. *Journal of Institutional Studies* **16**(3), 6–18 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.006-018
- Загашвили В.С. (2024). Мировая торговля в условиях кризиса глобализации. *Мировая экономика и международные отношения* **68**(11), 5–14. [Zagashvili, V. (2024). World trade in the conditions of globalization crisis. *World Economy and International Relations* **68**(11), 5–14 (in Russian)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-5-14
- Нельсон Р., Уинтер С. (2002). *Эволюционная теория экономических изменений*. М.: Дело. [Nelson, R., Winter, S. (2002). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Moscow: Delo Publ. (in Russian)].
- Розмаинский И.В. (2006). «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике. *Вопросы экономики* (9), 71–82. [Rozmainsky, I. (2006). “Investor myopia” in post Keynesian theory and in the Russian Economy. *Voprosy Ekonomiki* (9), 71–82 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-9-71-82

- Смирнов Е.Н. (2022). Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций. *Российский внешнеэкономический вестник* (4), 7–35. [Smirnov, E. (2024). The evolution of international sanctions against Russia. *Russian Foreign Economic Journal* (4), 7–35 (in Russian)]. DOI: 10.24412.2072-8042-2022-4-7-35
- Смородинская Н. (2011). Организация особых экономических зон в мировой и российской практике: концептуальные аспекты. *Вестник Института экономики Российской академии наук* (3), 16–36. [Smorodinskaia, N. (2011). Organization of the special economic zones in the world and the Russian practice: Conceptual aspects. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences* (3), 16–36 (in Russian)].
- Фостер Р. (1987). *Обновление производства: атакующие выигрывают*. М.: Прогресс. [Foster, R. (1987). *Innovation: The Attacker's Advantage*. Moscow: Progress Publ. (in Russian)].
- Aiyar, S., Chen, J., Ebeke, C. et al. (2023). *Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism*. Staff Discussion Note № SDN/2023/001. Washington, DC: International Monetary Fund. DOI: 10.5089/9798400229046.006
- Alexander, R. (2013). Tax transparency. *Business Horizons* 56(5), 543–549. DOI: 10.1016/j.bushor.2013.06.003
- Alinaghi, N., Reed, W. (2020). Taxes and economic growth in OECD countries: A meta-analysis. *Public Finance Review* 49(1), 3–40. DOI: 10.1177/1091142120961775
- Arthur, B. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The Economic Journal* 99(394), 116–131. DOI: 10.2307/2234208
- Blanga-Gubbay, M., Rubinova, S. (2024). *Is the global economy fragmenting?* World Trade Organization Staff Working Paper № ERSD-2023–10. Geneva: WTO. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/280428/1/1873031211.pdf> (accessed on November 10, 2025)
- Bolhuis, M., Chen, J., Kett, B. (2023). The costs of geoeconomic fragmentation. Disruption in trade threatens losses to global living standards as severe as those from COVID-19. *Finance & Development* June, 35–37. <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/06/the-costs-of-geoeconomic-fragmentation-bolhuis-chen-kett> (accessed on November 10, 2025)
- Boudeville, J.-R. (1966). *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Buchanan, J., Musgrave, R. (1999). *Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State*. Cambridge: MIT Press.
- Chaisse, J., Ji, X. (2020). The pervasive problem of special economic zones for international economic law: Tax, investment, and trade issues. *World Trade Review* 19(4), 567–588. DOI: 10.1017/S1474745620000129
- Chen, S., Dauchy, E. (2018). *International technology sourcing and knowledge spillovers: Evidence from OECD countries*. IMF Working Paper № 2018(051), A001. DOI: 10.5089/9781484345429.001.A001
- Ettmeier, S., Kriwoluzky, A. (2024). Active or passive? Revisiting the role of fiscal policy during high inflation. *European Economic Review* 170, 104874. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2024.104874
- Frick, S., Rodriguez-Pose, A. (2025). Lessons-learned from growth pole strategies in the developing world. *Progress in Planning* 195, 100958. DOI: 10.1016/j.progress.2025.100958
- Goldberg, P., Reed, T. (2023). *Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next?* NBER Working Paper № 31115. DOI: 10.3386/w31115
- Hauser, H., Nakib, H. (2022). The global race to achieve technology sovereignty. *FST Journal* 23(2), 14–17. DOI: 10.53289/NDNE8574
- Juhász, R., Lane, N., Rodrik, D. (2023). *The new economics of industrial policy*. NBER Working Paper № 31538. DOI: 10.3386/w31538
- Kaldor, N. (1966). *Causes of the Slow Rate of Economic Growth of the United Kingdom: An Inaugural Lecture*. L.: Cambridge University Press.

- Krugman, P. (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy* **99**(3), 483–499. DOI: 10.1086/261763
- Lim, J., Kwon, D., Ha, S. (2025). Revisiting the growth poles: Regional disparity and population redistribution policy. *The Annals of Regional Science, Springer; Western Regional Science Association* **74**(1), 1–27. DOI: 10.1007/s00168-025-01357-7
- Mankiw, N., Weinzierl, M., Yagan, D. (2009). Optimal taxation in theory and practice. *The Journal of Economic Perspectives* **23**(4), 147–174.
- Martin, R., Sunley, P. (2015). On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation. *Journal of Economic Geography* **15**(1), 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015
- Mazzucato, M. (2013). *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths*. Anthem Press.
- Moore, J. (1993). Predators and prey: A new ecology of competition. *Harvard Business Review* **71**(3), 75–86.
- Perroux, F. (1955). Note sur la notion de “pole de croissance”. *Economie appliquée* **8**(1–2), 307–320. https://www.persee.fr/doc/ecoap_0013-0494_1955_num_8_1_2522 (accessed on November 20, 2025)
- Sinenko, O. (2016). Methods of assessing of tax incentives effectiveness in special economic zones: An analytical overview. *Journal of Tax Reform* **2**(3), 168–178. DOI: 10.15826/jtr.2016.2.3.022
- Stiglitz, J., Weiss, A. (1981). Credit rationing in markets with imperfect information. *American Economic Review* **71**(3), 393–410.
- Tansley, A. (1935). The use and abuse of vegetational concepts and terms. *Ecology* **16**, 284–307. DOI: 10.2307/1930070
- Vlados, C., Chatzinikolaou, D. (2020). From growth poles and clusters to business ecosystems dynamics: The ILDI counterproposal. *International Journal of World Policy and Development Studies* **6**(7), 115–126. DOI: 10.32861/ijwpds.67.115.126
- Wu, B., Xu, X., Feng, Z. (2018). Investment promotion, fiscal competition and economic growth sustainability. *Sustainability* **10**(1), 45. DOI: 10.3390/su10010045

Утраченный опыт прогнозирования и стратегического планирования научно- технологического развития

Семёнов Евгений Васильевич

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

e-mail: Eugen.semenov@inbox.ru

Цитирование: Семёнов Е.В. (2026). Утраченный опыт прогнозирования и стратегического планирования научно-технологического развития. *Terra Economicus* 24(1), 71–82. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-71-82

На материале Комплексной программы научно-технического прогресса (КП НТП) рассмотрен опыт научно-технологического прогнозирования и стратегического планирования 1970-х и 1980-х гг., показана его практическая ценность для современной России. Выявлены особенности, достоинства и недостатки КП НТП. КП НТП – это опыт самостоятельного стратегического прогнозирования и планирования научно-технологического развития суверенной страны, основанного на научном понимании поступательного развития национальной науки с учетом мировых тенденций и реальных потребностей страны. КП НТП – это опыт глубокой научной работы, выполняемой тысячами ученых в сотнях организаций. КП НТП – это тщательно выверенный, ресурсно обеспеченный проект технологической модернизации страны, ее перехода из одного технологического состояния в другое. КП НТП – это механизм реальной востребованности науки, вовлечения национального научно-технологического потенциала в технологическую модернизацию страны. В то же время КП НТП – это жесткая встроенность научно-технологического прогноза в директивное административное управление, отгороженность от общества с помощью грифа «Для служебного пользования» (ДСП) на всех стадиях прогноза – от подготовки до использования.

Ключевые слова: Комплексная программа научно-технического прогресса; КП НТП; стратегия научно-технологического развития; стратегическое планирование; наука; технологии

The lost experience of forecasting and strategic planning of science and technology development

Evgeny V. Semenov

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: Eugen.semenov@inbox.ru

Citation: Semenov E.V. (2026). The lost experience of forecasting and strategic planning of science and technology development. *Terra Economicus* 24(1), 71–82 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-71-82

Studying the case of the Comprehensive Program of Scientific and Technical Progress (CP STP), the author examines the experience of scientific and technological forecasting and strategic planning of the 1970s and 1980s. The article highlights the practical utility of the CP STP for contemporary Russia. The features, advantages and disadvantages of the CP STP are indicated. The CP STP is an experience of independent strategic forecasting and planning of S&T development of a sovereign country. Such planning is based on a scientific understanding of the progressive development of national science and taking into account global trends and the real needs of the country. The CP STP is an experience of profound and science-grounded work performed by thousands of researchers in hundreds of organizations. The CP STP is a carefully calibrated and well-resourced project of technological modernization of the country, its transition from one technological condition to another. The CP STP is a mechanism of a real demand for science and of involving national S&T resources in the technological modernization of the country. At the same time, the CP STP is a rigid embedding of scientific and technological forecasting in directive administrative management, estrangement from society by means of the "For Official Use Only" (FOUO) designation at all stages – from preparation to application.

Keywords: *Comprehensive Program of Scientific and Technical Progress; scientific development; strategic planning; science; technology*

JEL codes: *A14, O38*

Введение

С обрушением советской системы в 1991–1992 гг. в российском обществе радикально изменились понимание роли национальной научно-технологической сферы в развитии страны и ее реальная роль в жизнедеятельности общества. С начала 1990-х гг. в России на десятилетия вперед произошел фактический отказ от самостоятельной постановки стратегических целей научно-технологического развития страны, утвердилось признание принимаемых в других мировых центрах стратегических решений и согласие следовать за странами-лидерами. Ответственность за научно-технологическое развитие страны была фактически делегирована внешним центрам могущества. Такое понимание «открытости» России миру привело к деградации многих функций государственного управления, в том числе функции научно-технологического прогнозирования и стратегического планирования.

В СССР в последние два десятилетия его истории уже существовала продуманная и отлаженная система прогнозирования научно-технологического развития, встроенная в систему государственного управления. В Советском Союзе за 1970–1980 гг. в рамках четырех редакций (версий) Комплексной программы научно-технического прогресса (КП НТП) был накоплен ценный опыт прогнозирования «научно-технического прогресса» и опыт включения прогнозов в практику «перспективного планирования» и государственного управления. В постсоветские десятилетия российской истории традиция подготовки подобных прогнозов была прервана. Опыт организации работы, применяемые технологии прогнозирования, способы взаимодействия научного, инженерного и управленческого сообществ не задокументированы, не описаны и не изучены должным образом. И это относится не только к опыту научно-технологического прогнозирования, но во многом и к опыту успешного осуществления таких крупных и уникальных проектов, как «Атомный» и «Космический», как формирование разветвленной сети наукоградов, как создание первых отечественных исследовательских университетов (МФТИ и НГУ – соответственно в 1951 и 1958 г.) и т.д.

В 1990-е и 2000-е гг. в России многократно предпринимались хаотичные попытки разработки документов – доктрин, концепций, программ и т.п. – по стратегическому планированию развития науки и технологий. Некоторые из этих документов представляли практический интерес, но целостной системы стратегического планирования не существовало, как не существовало и отлаженных механизмов включения концептуальных документов в систему принятия решений на государственном уровне. Ситуация отчасти начала меняться после принятия в 2014 г. ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹. Позднее – в 2021 г. – требования к документам в обла-

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 26.04.2025)

сти стратегического планирования были дополнительно конкретизированы Указом Президента РФ². Период 2012–2014 гг. является критически важным в повороте страны к восстановлению стратегического суверенитета. Но анализ документов в области стратегического планирования научно-технологического развития страны, принятых в последнее десятилетие³, показывает все еще невысокое их качество. Эти документы по глубине проработки поставленных в них вопросов значительно уступают КП НТП. Прежний высокий уровень организации работы по ее подготовке также все еще не восстановлен.

Практическая ценность накопленного в СССР опыта научно-технологического прогнозирования и стратегического планирования объективно резко возросла начиная с 2022 г. в связи с жестким внешним принуждением России коалицией западных стран к технологической изоляции. То, что раньше было полезным и нужным, в новых условиях становится для России жизненно необходимым. При изменении понимания смысла и способа интеграции страны в глобальную систему, восстановлении самостоятельности в постановке целей стратегического развития совершенно необходимым становится и прогнозирование научно-технологического развития. Критически осмысленный прошлый отечественный опыт представляет практическую ценность. Разумеется, опыт советского времени при всей его ценности трудно совместим с экономической и управленческой моделями современной России, а следовательно, не может быть просто перенесен из одной эпохи в другую. Необходим учет глубоких перемен основ общества.

При анализе КП НТП важно учитывать также произошедшие в научном и управленческом языке изменения. В современной практике утвердилась терминология «стратегическое планирование» и «стратегическое прогнозирование». Термины «стратегия» и «стратегическое» в советский период тоже использовались, но в КП НТП обычно говорилось о «перспективном» или «долгосрочном» прогнозировании и планировании. В настоящее время общепотребимыми стали словосочетания «наука и технологии», а также «научно-технологическое». В советское время место этой терминологии занимали словосочетания «наука и техника», «научно-техническое». При этом в советское время обычно говорилось о «научно-техническом прогрессе», тогда как сейчас говорится о «научно-технологическом развитии». Прежнее название «сфера научных исследований и опытно-конструкторских разработок» (НИОКР) заменено на «сфера научных исследований, опытно-конструкторских и технологических разработок» (НИОКТР). При этом сместились и смыслы используемых близких понятий. Все это и многое другое необходимо учитывать при сравнении КП НТП с ее современными аналогами, такими как «Стратегия научно-технологического развития России» или более ранний «Долгосрочный прогноз научно-технологического развития»⁴, подготовленный в Министерстве образования и науки РФ в 2007–2008 гг.

Данная статья посвящена анализу специфики, достоинств и недостатков КП НТП, организации работы по ее подготовке для нужд государственного управления, а также возможности использования отечественного опыта научно-технологического прогнозирования и стратегического планирования в современной практике.

Обзор литературы

Учитывая ценность опыта научно-технологического прогнозирования, и прежде всего значимость роли КП НТП, которую данная программа играла в стратегическом планировании в СССР в 1970–1980-х гг., можно было бы надеяться обнаружить значительный массив научных публикаций и аналитических материалов по этой тематике. Но исследования, посвященные КП НТП, до-

² Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (дата обращения: 26.04.2025)

³ Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Президент России. <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>; Проект Указа Президента РФ «О внесении изменений в Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642». Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. <https://m.minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/dfe/g2rttgiukt9hr8xlu7x37k001a015ku.pdf>; Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения: 26.04.2025)

⁴ Долгосрочный прогноз научно-технологического развития Российской Федерации до 2030 года. Высшая школа экономики. prognoz2030.hse.ru/1cycle (дата обращения: 26.04.2025)

вольно редки. В советское время это могло объясняться грифом «Для служебного пользования» (ДСП), ограничивавшим доступность материалов КП НТП специалистам. Наиболее содержательные публикации о КП НТП в конце 1970-х – начале 1980-х гг. принадлежат либо руководителям Программы В.А. Котельникову (1979), А.И. Анчишкину (1980), либо участникам работ – в основном А.Е. Варшавскому (1982а; 1982b).

В последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI в. КП НТП была фактически забыта. Лишь после двадцатилетнего перерыва стал возрождаться некоторый интерес к опыту научно-технологического прогнозирования советского времени. Особо следует отметить роль в этом процессе ранее уже писавших о КП НТП А.Е. Варшавского и А.П. Яркина, в работах которых содержится наиболее конкретная характеристика этого опыта (Варшавский, Яркин, 2009; 2012; 2018; Варшавский, 2014). Очень редки публикации, посвященные информационному обеспечению разработки КП НТП (см., например: Куприянов, Рапиницер, 1988). Анализ структуры и содержания КП НТП, ее места в системе управления научно-технологическим развитием страны, практики ее разработки содержится также в публикациях ряда других авторов, делающих акцент на полезности опыта КП НТП, необходимости его изучения и использования в наше время (Семёнов, 2008; Комков, 2014; Фальцман, 2003; Кротова, 2022а; 2022b).

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. опыт научно-технологического прогнозирования, полученный в ходе разработки КП НТП, стал освещаться и в учебной литературе. Примером может служить учебник для студентов экономических специальностей «Управление научно-техническим прогрессом», подготовленный под редакцией Г.Х. Попова авторским коллективом в составе 39 специалистов из многих организаций, в том числе из институтов АН СССР, Академии народного хозяйства СССР, МГУ и других вузов, а также практических работников (Попов, 1982). В параграфе «Комплексная программа НТП в системе планирования» (Там же: 78–82) КП НТП характеризовалась как органическая часть «системы перспективного планирования» (Там же: 78) и пояснялось: «Комплексная программа – это не государственный план экономического и социального развития, а лишь ступень его обоснования» (Там же: 82). При этом КП НТП «охватывает все стадии обоснования единой научно-технической политики – от прогнозов по отдельным направлениям развития науки и техники до первоочередных мероприятий, включаемых в пятилетний план» (Там же: 78), и обосновывает мероприятия, обеспечивающие «эффективное использование достижений науки и техники в народном хозяйстве» (Там же: 81). Авторы учебника отмечают, что при разработке КП НТП сначала разрабатываются «частные научно-технические прогнозы», на «базе» которых разрабатывается «комплексный научно-технический прогноз», а затем следуют «целевые научно-технические программы», направленные на решение отдельных ключевых научно-технических проблем (Там же: 80–82). Характеристика КП НТП в учебнике, конечно, не могла служить целям обучения методам научно-технологического прогнозирования, но она давала студентам возможность составить общее представление о подобной работе, ее назначении и месте в системе управления.

Необходимо заметить, что научные публикации о КП НТП освещают лишь первый этап работы над Программой – этап ее подготовки до передачи в Госплан СССР. Дальше начиналась работа госаппарата по включению КП НТП в систему планирования и последующее практическое ее использование в управлении развитием народного хозяйства страны. Этот – второй – этап совершенно не описан в публикациях, из-за чего остается неясным реальный механизм включения КП НТП в практику государственного управления. И хотя работа государственного аппарата в постсоветский период претерпела значительные изменения, прежний опыт был бы, вероятно, в чем-то полезен сейчас и в этой своей части.

Но и по этапу разработки КП НТП многое остается неосвещенным – не описана практика организации работы Научного совета КП НТП, его комиссий по разделам Программы, проблемных и региональных комиссий, а также головных организаций и организаций-соисполнителей. Не указывается, осуществлялась ли работа стационарными подразделениями научных организаций или для ее выполнения создавались смешанные проектные группы по проблемам. Не указывается, как осуществлялось информационное обеспечение работы и обеспечивался режим ДСП и т.д. Многие еще только предстоит сделать исследователям в плане анализа достоинств и недостатков КП НТП, практической ценности опыта, полученного при разработке Программы.

В американской и европейской научной литературе КП НТП не стала предметом специального исследования, но часто упоминалась при анализе научно-технологической политики и управления наукой в СССР. Хотя в работах западных исследователей отмечались отдельные сильные стороны советской научно-технологической системы, прежде всего высокий уровень фундаментальной науки и качество образования, общим выводом было признание неэффективности советской инновационной системы. В западной аналитике неэффективность советской инновационной системы объяснялась плановой системой, идеологизацией и милитаризацией экономики, ее низкой способностью к диффузии инноваций. Отмечались слабость системы стимулирования научных работников и инженеров, низкая востребованность результатов их деятельности со стороны промышленности, а также паразитирование на западных технологиях и ставка на технологический шпионаж. Важно отметить, что эти выводы делались западными исследователями советской системы еще до появления в 1972 г. КП НТП. Подтверждением этого может служить опубликованное в 1969 г. исследование специалиста в области экономической истории, работавшего с *OECD*, Е. Залески (Zaleski, 1969).

Выводы Залески о методах планирования научно-технологического развития в Советском Союзе в основном подтверждались в исследованиях 1970-х и 1980-х гг., а также в более поздние десятилетия. По мнению американских и европейских аналитиков, КП НТП не привела к модернизации экономики и инновационной системы в СССР. В период действия КП НТП в исследованиях Э.П. Хоффмана и Дж. Берлинера дополнительно появился критический анализ попыток советского руководства модернизировать систему научно-технического развития с помощью программно-целевого планирования. Так, уже в 1976 г., когда осуществлялась первая КП НТП, Дж. Берлинер подтвердил ранее сформулированные выводы о неэффективности советской инновационной модели на основе тщательного анализа планирования, финансирования, принятия решений, управления трудовыми ресурсами на промышленных предприятиях в СССР (Berliner, 1976). Особый акцент исследователь делал на неэффективности системы стимулирования исследователей и инженеров в инновационных целях. В 1980 г. И. Бирман, в прошлом советский экономист, эмигрировавший из страны, писал о системных проблемах советской инновационной системы и еще более жестко, чем его предшественники, оценивал механизмы научно-технического развития СССР⁵. В исследованиях последнего времени также сохраняется вывод и о неэффективности советской инновационной системы, и о невозможности ее изменения с помощью КП НТП (Lind, Mastanduno, 2025).

Хотя все эти и десятки других публикаций американских и европейских исследователей не посвящены непосредственно КП НТП, а лишь касаются этой программы в контексте анализа советской модели инновационной системы, они дополняют критической оценкой существующую отечественную традицию.

Особенности научно-технологического прогнозирования в советский период: опыт КП НТП

Функция научно-технологического прогнозирования осуществлялась в советской системе в исторических условиях, кардинально отличающихся от современных, и на другом технологическом базисе. Она была встроена в иначе, чем сейчас, организованное государственное управление, представлявшее собой идеологически нагруженную административную систему с характерными для нее директивными методами управления. Но, несмотря на идеологию, на уровне стратегического целеполагания прогнозирование было технологически хорошо продуманной функцией государственного управления, и оно выполнялось основательно. В последние 25 лет советского периода российской истории, начиная с середины 1960-х гг., в результате реформ А.Н. Косыгина технократия несколько подвинула идеологию, а экономические методы потеснили голое администрирование. После Пражской весны 1968 г. перспективная реформа А.Н. Косыгина стала сворачиваться, но технократический подход уже закрепился в идеологии.

Этот факт был замечен западными аналитиками. Так, Э.П. Хоффман и Р.Ф. Лэрд в книге о «технократическом социализме» (Hoffman, Laird, 1985) анализировали опыт адаптации совет-

⁵ Birman, I. (1980). The way to slow the arms race. Washington Post, October 27, op-ed, p. A15.

ской социалистической системы с помощью научно-технической революции (НТР) к научно-технологическим реалиям последней трети XX в. Авторы отмечали, что в советской идеологии 1970–1980-х гг. развитие науки и технологии стало рассматриваться как главный двигатель прогресса. На два десятилетия утвердилась формула «соединения преимуществ социализма с достижениями НТР».

Самой важной особенностью прогнозирования в советский период являлась его привязка к системе планирования. В соответствии с этим «научно-технический» прогноз в 1970-х – 1980-х гг., воплощенный в КП НТП, характеризовался как «предплановая стадия» подготовки управленческих решений в рамках «долговременных» и пятилетних планов развития народного хозяйства страны.

Порядок подготовки КП НТП. Решение о разработке КП НТП принималось в СССР на высшем партийно-государственном уровне⁶. В советский период были разработаны четыре редакции КП НТП: на 1976–1990, 1981–2000, 1986–2005 и на 1991–2010 гг. В связи с распадом СССР реализация последней из этих редакций Программы фактически не была даже начата. Справочная характеристика каждой из четырех редакций Программы содержится в статье А.Е. Варшавского и А.П. Яркина (2018).

В постсоветской России подготовка документов в области стратегического планирования передается государством на аутсорсинг организациям, являющимся скорее спичрайтерскими фабриками текстов, чем научными центрами, обладающими достаточным научным потенциалом. Принципиально иной была организация процесса разработки КП НТП. Разработка Программы была научной работой, включенной в научные планы десятков профильных научных организаций. Над Программой работали многие сотни высококвалифицированных специалистов. Организацией процесса занималась сеть научных советов. Была предусмотрена фактически госприемка Программы Госпланом СССР. На этом фоне современные разработки в области стратегического планирования выглядят существенно менее профессионально. Специфику, достоинства и недостатки КП НТП, процесса ее подготовки и механизмов использования можно подробнее рассмотреть на примере одной из этих Программ.

Цели, задачи и структура КП НТП на 1991–2010 гг. Последней полностью разработанной является КП НТП на 1991–2010 гг., подготовленная уже в годы перестройки. Разработка велась в соответствии с порядком, утвержденным в Постановлении ЦК КПСС и Совет Министров СССР № 695 от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работ»⁷. Этим Постановлением предусматривалось, «что разработка Комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 20 лет (по пятилеткам) является первым этапом составления перспективных планов экономического и социального развития СССР». КП НТП создавалась для «научного обоснования» долгосрочной научно-технической и социально-экономической политики государства, для решения экономических и социальных проблем, а также проблем укрепления обороноспособности и позиций страны в мире на основе «всесторонней интенсификации» общественного производства и «рационального использования» природных, материальных и трудовых ресурсов. Порядок разработки Программы, ее цели, задачи, направления, мероприятия, структура описаны во вводном томе «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. Введение»⁸ и конкретизированы более чем в 50 других томах данной КП НТП.

В настоящее время аналогичное КП НТП назначение имеет «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (далее: «Стратегия»). Но в КП НТП и в «Стратегии» кардинально различается сама постановка целей научно-технологического развития. Как уже отмечалось, целью научно-технического развития в КП НТП является «решение экономических и социальных проблем страны, а также проблем укрепления обороноспособности и позиций страны в мире». В глобалистской по духу «Стратегии» 2016 г. (п. 14) цель развития «науки и технологий» состоит «не только в обеспечении устойчивого развития цивилизации, но и в оценке

⁶ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 августа 1972 г. «О разработке долгосрочного перспективного и пятилетнего (на 1976–1980 гг.) планов развития народного хозяйства СССР». <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355836> (дата обращения: 26.04.2025)

⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 695 от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работ». docs.historyrussia.org/ru/nodes/419933 (дата обращения: 26.04.2025)

⁸ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. Введение. М., 1988.

рисков и возможных опасностей для человечества». Нацеленность отечественных науки и технологии на проблемы и интересы страны в этой формуле даже не упоминается. В обновленной «Стратегии» 2024 г. (п. 14) эта формулировка, сохранившая свою конструкцию «не только... но и», уже содержит упоминание национальных интересов. Говорится, что «российские наука и технологии» играют важную роль «не только в обеспечении национальных интересов, но и в решении глобальных проблем человечества».

Главной задачей последней редакции КП НТП (на 1991–2010 гг.), разработанной во второй половине 1980-х гг., было «создание нового воспроизводственного механизма, способного интегрировать научно-технические, социальные, хозяйственные факторы развития». Решение данной задачи разделялось на два этапа⁹. Первый этап Программы рассчитан на 5–10 лет, т.е. с 1991 до 1996 или 2000 г. – «в зависимости от энергичности проведения реформ в экономической и социальной сферах»; второй этап рассчитан на 10–15 лет, т.е. с 1996 или с 2000 до 2010 г.

На первом этапе предусмотрено решение двух вопросов. «Центральным вопросом» этого этапа являлось «обеспечение режима интенсивного ресурсосбережения» всех «традиционных видов ресурсов». Новый воспроизводственный механизм предстояло ориентировать «на радикальные сдвиги в использовании» трудовых ресурсов, широко применяемых видов сырья, материалов и энергоносителей. Новый воспроизводственный механизм предполагал перестройку управления экономикой, преобразования в социальной политике, «технично-технологическую реконструкцию хозяйства и структурную перестройку экономики». Второй задачей первого этапа было создание «предпосылок для разработки и внедрения принципиально новых технологий, создания нового структурообразующего ядра народного хозяйства». Для второго этапа «центральным вопросом» было определено «реальное осуществление научно-технической революции на основе нового режима воспроизводства». Предполагалось, что «новое структурообразующее ядро» народного хозяйства будет состоять из «передовых наукоемких отраслей», включая электронную промышленность, производство ЭВМ и информационных систем, приборостроение, электротехническую промышленность, производство новых конструкционных материалов, биотехнологии и т.д.¹⁰ Все это звучит совершенно актуально и в наше время, т.е. через четыре десятилетия.

Трудно сказать, насколько успешной могла оказаться задуманная грандиозная технологическая модернизация, поскольку разрушение страны оборвало ее развитие в данном направлении и низвело Россию в 1990-х гг. на уровень сырьевого придатка «развитых стран», что объяснялось в те годы спецификой «страновой специализации».

КП НТП и сейчас выглядит во многом как современный документ. В КП НТП (на 1991–2010 гг.) использовался, говоря современным языком, сценарный подход. Программа допускала «различные варианты развития», наиболее значимыми из которых считались «инвестиционно активный» и «социально ориентированный» варианты, различавшиеся прежде всего «качеством темпов роста, воспроизводственной и отраслевой структурой капитальных вложений, интенсивностью повышения народного благосостояния». «Основным» вариантом КП НТП в социалистическом обществе предсказуемо считался социально ориентированный¹¹.

В Программе описан порядок ее разработки и утверждения¹². Разработка документа, в соответствии с уже устоявшейся практикой, «поручена Академии наук СССР и ГКНТ СССР с участием республиканских и отраслевых академий наук, министерств и ведомств СССР и союзных республик, научно-исследовательских и проектных институтов». Подготовленная программа должна представляться в Совет Министров СССР и Госплан СССР не позднее чем за два года до начала очередной пятилетки. Каждые пять лет предполагалось вносить в программу необходимые уточнения и продлевать ее горизонт, соответственно, на новое пятилетие. Руководство разработкой КП НТП осуществляли специально созданные для этого научные советы, состоящие из высококвалифицированных исследователей, инженеров, организаторов науки, выполнявших работу в составе головных организаций и организаций-соисполнителей. Работы велись в рамках «плана научных исследований» по разработке КП НТП и важнейших научно-технических и социально-экономических прогнозов.

⁹ Там же, с. 2–3.

¹⁰ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. Введение. М., 1988, с. 3–4.

¹¹ Там же, с. 5–6.

¹² Там же, с. 7.

Для разработки Программы привлекались значительные научные силы. Так, в разработке КП НТП на 1991–2010 гг. принимали участие около трех тысяч «ведущих ученых и специалистов» из сотен научных организаций Советского Союза. Весь этот механизм выглядит следующим образом. «Общее руководство составлением» КП НТП осуществляется Научным советом по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования при Президиуме Академии наук СССР и ГКНТ СССР. Каждый из пяти разделов Программы разрабатывался специально созданной для этого Комиссией Научного совета и определенной для этого головной научно-исследовательской организацией с привлечением организаций-соисполнителей. Многочисленные приложения к КП НТП готовились пятью десятками проблемных и региональных комиссий, состоящих из лучших специалистов отраслей и союзных республик.

Итогом работы по каждому разделу был сводный том. Кроме этого был еще реферативный том, в котором в сжатом виде излагались «основные положения» КП НТП, а также 52 приложения (тома) к Программе, содержащие «более полное изложение основных направлений научно-технического прогресса и социально-экономического развития страны»¹³. Таким образом, Программа представляла собой обширный комплект материалов, оформленных в виде десятков небольших (по 70–150 страниц) книжечек (томов). В четвертой КП НТП таких томов, включая приложения, было около 60 с общим объемом порядка 6000 страниц. Программа содержала огромный массив ценной научно-технологической информации, часть которой и в настоящее время имеет не только историческое, но и практическое значение.

Понимание развития науки в КП НТП

Понимание развития науки и научно-технологического развития страны, лежащее в основе КП НТП, существенно отличается от понимания этого процесса в российских документах по стратегическому планированию, разработанных в последние годы, в том числе в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» в ее редакциях 2016, 2021 и 2024 г., особенно в первой из них. В КП НТП национальная наука развивается поступательно, опираясь на каждом этапе на уже достигнутое состояние и имеющиеся ресурсы, соотносясь с мировыми тенденциями и ориентируясь на потребности страны. Поэтому в КП НТП большое значение придается характеристике состояния отечественной науки и ее реального потенциала, определению мировых трендов «научно-технического прогресса» и четкой формулировке научно-технологических потребностей страны. КП НТП, что важно, не изоляционистский и автаркичный, а национально ориентированный, обеспеченный ресурсами проект поступательного научно-технологического развития страны.

«Стратегия...» зиждется на совсем другой идейной основе. Этот документ выражает глобалистский подход к научно-технологическому развитию страны. В «Стратегии...» научно-технологическое развитие России понимается не как имманентный поступательный процесс, а как ответ на «большие вызовы», т.е. глобальные проблемы человечества. По существу, это бихевиористская модель «стимул – реакция». Поскольку развитие национальной науки рассматривается не как самостоятельное поступательное ее развитие, не как закономерный ее переход из одного состояния в другое, а как ситуативная реакция на раздражители, то нет необходимости в анализе ее реального состояния. При таком понимании научно-технологического развития страны оно не имеет собственных стратегических целей и подчинено глобалистским целям. Поэтому в «Стратегии...» нет анализа состояния национальной науки и нет ресурсного обоснования проекта. Вместо этого в «Стратегии...» есть «большие вызовы», реакцией на которые является научно-технологическое развитие (см. подробнее: Семёнов, 2024; 2025).

В КП НТП применяется подход, который, в соответствии с методологией форсайта, предполагает одновременное воздействие двух факторов. Эти факторы – давление со стороны науки и технологии (*science push*), с одной стороны, и общественный запрос в части необходимых критических технологий (*demand pull*) – с другой. Этот подход основан на научном понимании, выработанном за долгие десятилетия изучения взаимодействия науки и общества. Более века тому назад выдающийся немецкий химик В. Оствальд в «Истории электрохимии» писал, что «процесс

¹³ Там же, с. 7.

изобретения может происходить “двойко”. Вы можете сначала поставить себе определенную цель и затем задаться вопросом: какими известными мне явлениями, процессами и вещами я могу воспользоваться, чтобы достичь эту цель? Или же вы видите новое или непривычное явление... и задаетесь вопросом: для чего я могу его применить?» (Оствальд, 1911: 155–156). Методология КП НТП, как и форсайта, основана на сочетании обоих подходов.

Примером «давления науки» может служить тезис КП НТП о роли фундаментальной науки: «Фундаментальные исследования – передовой эшелон в системе НТП, и совокупность полученных к настоящему времени на переднем крае науки результатов составляет основу для прогнозирования прикладных НИОКР и производства на 15–20 лет»¹⁴. Примером «давления общества», «социального запроса» может служить тезис о социальном и производственном заказе на НИОКР. В КП НТП говорится, что уровень, направленность, масштабность, новизна прикладных исследований и разработок «зависят не только от качества научно-технической деятельности и эффективности работы научных организаций, но и от того, есть ли социальный или производственный заказ на такие исследования и разработки»¹⁵.

Общая логика Программы отражена в ее структуре, из которой видно то, как ее разработчиками понималось развитие «науки и техники», а также «научно-техническое» развитие страны. КП НТП на 1991–2010 гг. состояла из пяти разделов, первые два из которых – «Основные направления развития науки» и «Основные направления научно-технического прогресса в народном хозяйстве» – освещали «давление науки». Третий раздел – «Научно-технический прогресс и основные проблемы социально-экономического развития СССР» – освещал «давление общества». Два последних раздела – «Региональные проблемы научно-технического прогресса» и «Мировая экономика и научно-технический прогресс. Внешнеэкономические и научно-технические связи СССР» – конкретизировали прогноз научно-технологического развития страны с учетом ее сложной внутренней пространственной структуры и внешних связей. Ключевыми моментами Программы являлся анализ, с одной стороны, состояния научно-технологического потенциала страны, а, с другой стороны – потребностей общества, проблем страны, требовавших своего решения с помощью научно-технологического развития.

Выводы

Комплексная программа научно-технического прогресса СССР (КП НТП), а также процесс ее подготовки обладают рядом достоинств, которых лишены документы и практика стратегического планирования в современной России. Но для советского опыта научно-технологического прогнозирования и стратегического планирования характерны и значительные недостатки. И то и другое поучительно и заслуживает добросовестного изучения.

Главные достоинства КП НТП связаны с тем, что она не была чем-то предназначенным для престижа и показухи. На основательность постановки работы по научно-технологическому прогнозированию в 1970-е и 1980-е гг. существенно влияла реальная востребованность прогноза системой партийно-государственного управления страны. Качество прогноза зависело от того, что он выполнялся как научная работа силами высококвалифицированных ученых, инженеров, конструкторов, организаторов науки, управленцев. Были налажены правильная организация регулярных работ по подготовке прогноза и механизм его включения в управленческую практику. Был создан механизм регулярного сбора, систематизации и анализа обширной информации, проводились расчеты вариантов развития и их ресурсного обеспечения, анализировались состояние отечественного и мирового научного потенциала и лучшие практики.

Для КП НТП характерна национальная ориентация, направленность на интересы страны. «Научно-техническая» политика, обоснованная в КП НТП, ориентирует «национальную науку», «усилия ученых» на «ключевые народнохозяйственные проблемы»¹⁶. Само развитие «науки и

¹⁴ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. Развитие фундаментальных исследований. М., 1988, с. 3.

¹⁵ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. Развитие прикладных исследований и разработок. М., 1988, с. 3.

¹⁶ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. Введение. М., 1988. с. 10.

техники» в стране понималось как последовательное, поступательное, закономерное развитие национальной научно-технологической системы. КП НТП была не прожектерским документом, а реальной программой грандиозной технологической модернизации народного хозяйства страны. Все направления деятельности и задачи обеспечивались необходимыми ресурсами. Реалистичность прогноза и ресурсная обеспеченность научно-технологического развития являются его важными достоинствами.

В последней редакции КП НТП (на 1991–2010 гг.) присутствует конструирование будущего, в ней не только манифестируются цели, но также предлагаются методы и средства их достижения, необходимые для этого условия и ресурсы. В томе, посвященном совершенствованию планирования и управления народным хозяйством, говорится: «Сейчас недостаточно говорить о том, что надо делать... Теперь на первый план выходит вопрос – **как** делать»¹⁷.

Главные недостатки последней редакции КП НТП связаны как с все еще сохранявшейся административной системой с ее директивными методами управления, так и с демагогией перестроечного периода. Последняя редакция КП НТП, разработанная в годы перестройки, не была лишена безответственной похвалы, столь характерной для этого времени. В Программе, в частности, утверждалось: «Реалистическая альтернатива социально ориентированному варианту (в тех или иных его модификациях) практически отсутствует»¹⁸. Как-то вдруг случившийся вскоре распад СССР и крах «развитого социализма», видимо, не следует считать достаточно «реалистической альтернативой».

Недостаток КП НТП – ее закрытость для общества. Гриф ДСП лишал миллион исследователей, миллион инженеров и много миллионов думающих высокообразованных людей доступа к профессионально важному для них источнику ценной информации. Закрытость снижала возможности научно-технологического развития страны. Недоступность материалов научному сообществу, инженерам, промышленникам и большинству управленцев во многом обесценивала весь проект, поскольку результаты колоссальной научной работы были фактически изъяты из общества.

Для идеологии КП НТП чужда идея общественного договора, участия гражданского общества в обсуждении проблем будущего. Программа не предполагала взаимодействие с гражданским обществом, общественностью, средствами массовой информации. Неучастие организаций гражданского общества в обсуждении прогноза на всех стадиях его подготовки и включения в пятилетние планы было исходно заложено в КП НТП. Участниками Программы были государство и наука. Среди них нет представителей заинтересованных институтов гражданского общества, средств массовой информации. Деловая среда в условиях огосударствленной экономики была представлена только бюрократией. Это технократический вариант бюрократической системы управления.

Период российской истории, наступивший после распада СССР, характеризуется расстройством систематической работы в области прогнозирования научно-технологического развития. При этом в обществе шла спонтанная работа по переосмыслению советских традиций, по освоению мирового опыта, по адаптации к новым историческим условиям. Общество отвыкло от директивного плана и привыкло к конкурентной среде. К настоящему времени в России сформировалась социокультурная среда, открывающая новые возможности в зондировании и осмысленном проектировании будущего. Теоретически в настоящее время существуют возможности прогнозирования научно-технологического развития страны, обладающего достоинствами КП НТП и свободным от ее недостатков.

Литература / References

- Анчишкин А.И. (1980). Методология прогнозирования развития народного хозяйства. *Вопросы экономики* (1), 15–26. [Anchishkin, A. (1980). Methodology of forecasting the development of the national economy. *Voprosy Ekonomiki* (1), 15–26 (in Russian)].
- Варшавский А.Е. (1982а). Методические проблемы разработки отраслевых научно-технических прогнозов. *Известия АН СССР. Серия экономическая* (2), 41–50. [Varshavsky, A. (1982a). Methodological problems of developing industry scientific and technical forecasts. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Economic Series* (2), 41–50 (in Russian)].

¹⁷ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. Совершенствование планирования и управления народным хозяйством. М., 1988, с. 3.

¹⁸ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. Введение. М., 1988, с. 6.

- Варшавский А.Е. (1982b). Комплексная программа научно-технического прогресса. В кн.: Архангельский В.Н., Глистин Ф.Ф., Лешкин И.П. и др. *Управление научно-техническим развитием в условиях социализма* (с. 100–127). М.: Прогресс. [Varshavsky, A. (1982b). Comprehensive program of scientific and technological progress. In: Arkhangelsky, V., Glistin, F., Leshkin, I. et al. *Management of Scientific and Technological Development under Socialism* (ch. 6, pp. 100–127. Moscow: Progress Publ. (in Russian)].
- Варшавский А.Е. (2014). Комплексные программы научно-технического прогресса страны – успешный пример реализации индикативного планирования. *Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование* **21**(2), 185–197. [Varshavsky, A. (2014). Complex program of scientific and technological progress – The successful example of indicative planning implementation. *Analysis and Modeling of Economic and Social Processes – MCE* **21**(2), 185–197 (in Russian)]. EDN: UNRCRZ.
- Варшавский А.Е. (1978). Методологические проблемы комплексного прогнозирования научно-технического прогресса. В кн.: Варшавский А.Е. (ред.) *Комплексное прогнозирование научно-технического прогресса в области орудий труда* (с. 12–62). М.: ЦЭМИ АН СССР. [Varshavsky, A. (1978). Methodological problems of comprehensive forecasting of scientific and technological progress. In: Varshavsky, A. (ed.) *Comprehensive Forecasting of Scientific and Technological Progress in the Field of Labor Tools* (pp. 12–62). Moscow: CEMI of the USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian)].
- Варшавский А.Е., Яркин А.П. (2009). Комплексные программы научно-технического прогресса страны на долгосрочный период. *Концепции* (1), 22–41. [Varshavsky, A., Yarkin, A. (2009). Long-term comprehensive programs for scientific and technical progress of the country. *Kontseptsii* (1), 22–41 in Russian)]. EDN: TPBNPB
- Варшавский А.Е., Яркин А.П. (2012). О долгосрочных программах научно-технического и социально-экономического развития. Опыт разработки комплексных программ научно-технического прогресса. В кн.: Макаров В.Л., Варшавский А.Е. (ред.) *Экономические проблемы развития революционных технологий: нанотехнологии* (гл. 15, с. 379–395). М.: Наука. [Varshavsky, A., Yarkin, A. (2012). On long-term programs of scientific, technological and socio-economic development. Experience in developing comprehensive programs of scientific and technological progress. In: Makarov, V., Varshavsky, A. (eds.) *Economic Problems of Revolutionary Technologies Development: Nanotechnology* (ch. 15, pp. 379–395). Moscow: Nauka Publ. (in Russian)].
- Варшавский А.Е., Яркин А.П. (2018). Ведущая роль ЦЭМИ АН СССР в организации, управлении и разработке комплексных программ научно-технического прогресса. *Экономика и математические методы* **54**(3), 68–89. [Varshavsky, A. Yarkin, A. (2018). Leading role of the Central Economics and Mathematics Institute of the Soviet Academy of Sciences in organization, management and development of the complex programs of scientific and technological progress, 1972–1988. *Economics and Mathematical Methods = Ekonomika i matematicheskie metody* **54**(3), 68–89 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S042473880000660-5
- Комков Н.И. (2014). Комплексное прогнозирование научно-технологического развития: опыт и уроки. *Проблемы прогнозирования* (2), 3–17. EDN: RSKPPI [Komkov, N. (2014). Complex forecast of scientific and technological development: Experience and lessons learned. *Studies on Russian Economic Development* **25**(2), 111–121]. DOI: 10.1134/S1075700714020051
- Котельников В.А. (1979). Проблемы перспективного планирования научно-технического прогресса. *Плановое хозяйство* (7), 44–49. [Kotelnikov, V. (1979). Problems of long-term planning of scientific and technological progress. *Planned Economy = Planovoye khozyaystvo* (7), 44–49 (in Russian)].
- Кротова М.В. (2022a). Анализ опыта КП НТП СССР с позиций формирования современных научных подходов к модернизации промышленности России. В сб.: Герасимов В.И. (ред.) *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием*. Вып. 17, ч. 1, 443–448. [Krotova, M. (2022a). Analyzing the USSR's experience of the Scientific and Progress Programme through the

- prism of modern scientific approaches to the modernization of Russian industry. In: Gerasimov, V. (ed.) *Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook. Proceedings of the XXI National Conference*. Issue 17, part 1, 443–448 (in Russian)]. EDN: OBFXSJ
- Кротова М.В. (2022b). Возможности использования опыта КП НТП СССР для модернизации отечественной экономики. В сб.: *Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы IX Международной научно-практической конференции*, Тула, 27–29 октября 2021 г. (с. 289–294). Тула: Тульский государственный музей оружия. [Krotova, M. (2022b). Possibilities of using the experience of the USSR's Comprehensive Program of Scientific and Technical Progress for the modernization of the Russian economy. In: *The World of Weapons: History, Heroes, Collections. Proceedings of the IX International Conference*, Tula, October 27–29, 2021 (pp. 289–294). Tula: Tula State Museum of Weapons (in Russian)]. EDN: RJLIWM
- Куприянов В.П., Рапиницер В.Ш. (1988). Основные направления развития систем управления базами данных и знаний в рамках КП НТП. *Программные продукты и системы* (1). [Kupriyanov, V., Rapinitser, V. (1988). Main directions of development of database and knowledge management systems within the framework of Comprehensive Program of Scientific and Technical Progress. *Software and Systems = Programmnye produkty i sistemy* (1) (in Russian)]. <https://swsys.ru/index.php?page=article&id=1469> (дата обращения: 26.04.2025)
- Оствальд В.Ф. (1911). *История электрохимии*. СПб.: Образование. [Ostwald, W. (1911). *Electrochemistry: History*. St. Petersburg: Obrazovanie Publ. (in Russian)].
- Попов Г.Х. (ред.) (1982). *Управление научно-техническим прогрессом: Учеб. пособие для студентов экон. спец. вузов*. М.: Экономика. [Popov, G. (ed.) (1982). *Managing Scientific and Technological Progress*. Moscow: Ekonomika Publ. (in Russian)].
- Семёнов Е.В. (2008). Форсайт как явление культуры. *Наука. Инновации. Образование* (5), 129–141. [Semenov, E. (2008). Foresight as a cultural phenomenon. *Science. Innovations. Education* (5), 129–141 (in Russian)]. EDN: RMYFMJ
- Семёнов Е.В. (2024). Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа. *Управление наукой: теория и практика* 6(3), 53–62. [Semenov, E. (2024). Scientific and technological development strategy of the Russian Federation: The quality of the document. *Science Management: Theory and Practice* 6(3), 53–62 (in Russian)]. DOI: 10.19181/sntp.2024.6.3.5
- Семёнов Е.В. (2025). Глобалистскую идеологию в научно-технологической политике России еще только предстоит преодолеть. *Управление наукой: теория и практика* 7(1), 9–12. [Semenov, E. (2025). The globalist ideology in Russian science and technology policy has yet to be overcome. *Science Management: Theory and Practice* 7(1), 9–12 (in Russian)]. EDN: XZIOAD
- Фальцман В.К. (2003). Комплексная программа научно-технического прогресса: достижения, уроки и перспективы. В кн.: *Анчишкин А.И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста* / сост. А.В. Суворов (с. 286–300). М.: МАКС Пресс. [Faltsman, V. (2003). Comprehensive program of scientific and technological progress: Achievements, lessons and prospects. In: Anchishkin, A. *Forecasting the Rates and Factors of Economic Growth* / compiled by A. Suvorov (pp. 286–300). Moscow: MAKS Press (in Russian)].
- Berliner, J. (1976). *The Innovation Decision in Soviet Industry*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Hoffman, E., Laird, R. (1985). *Technocratic Socialism: The Soviet Union in the Advanced Industrial Era*. Durham: Duke University Press.
- Lind, J., Mastanduno, M. (2025). Hard then, harder now: CoCom's lessons and the challenge of crafting effective export controls against China. *Texas National Security Review* 8(4), 8–33. DOI: <https://doi.org/10.1353/tns.00010>
- Zaleski, E. (1969). *Science Police in the USSR*. Paris: OECD.

Советская история секретности в контексте войн (информационно-статистический аспект деятельности Советского государства)

Фомин Дмитрий Александрович

ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Цитирование: Фомин Д.А. (2026). Советская история секретности в контексте войн (информационно-статистический аспект деятельности Советского государства). *Terra Economicus* 24(1), 83–98. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-83-98

Слабая изученность информационного аспекта деятельности Советского государства и отсутствие его сравнительных сопоставлений с практикой деятельности других государств являются источником многочисленных мифов. Эти мифы ложно отождествляют советскую практику секретности с тоталитаризмом и авторитаризмом, игнорируя при этом внешние враждебные условия, в которых существовал СССР длительный период своей истории. Принимая во внимание тотальный характер современных войн и необходимость мобилизации всех ресурсов государства, общества и экономики, Советский Союз, с одной стороны, прикладывал колоссальные усилия для изучения военно-промышленного потенциала страны и возможностей его эффективного использования. С другой стороны, создавал систему секретности, препятствующей внешней оценке советского военно-промышленного потенциала и создающей во враждебных государствах ситуацию неопределенности. Наиболее открытым и информационно насыщенным периодом всей советской истории был период с момента окончания Гражданской войны до середины 1930-х гг. Самым закрытым информационным периодом стал предвоенный период со второй половины 1930-х гг. и до конца 1950-х гг. Создание ядерной бомбы и средств доставки позволило СССР выйти из затянувшегося военно-мобилизационного состояния, однако реальность холодной войны так и не позволила СССР вплоть до своего распада вернуться к раннесоветскому уровню государственной публичности. Секретность и информационная закрытость в предвоенный и военный период являются в мировой истории стандартной практикой, направленной на защиту государства, независимо от его идеологии, государственного строя, системы управления. Отрицание этого факта и, как следствие, ценности советского наследия, предопределило ошибки государственной информационно-статистической политики в ходе подготовки и проведения специальной военной операции на Украине.

Ключевые слова: СССР; государственная статистика; информационная политика; секретность; Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит); мировые войны; холодная война

Финансирование: Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 126020516495-3 «Методология и методика разработки и обоснования приоритетов инвестиционной, кредитно-денежной и фискальной политики структурной трансформации российской экономики в новых геополитических условиях».

The history of secrecy in the context of wars: The case of the Soviet Union

Dmitry A. Fomin

Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia
e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Citation: Fomin D.A. (2026). The history of secrecy in the context of wars: The case of the Soviet Union. *Terra Economicus* 24(1), 83–98 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-83-98

The lack of studies on Soviet Union's information policies, along with the absence of relevant comparative analyses across other countries, have given rise to numerous myths. Secrecy practices in the USSR were frequently misrepresented as a feature of totalitarianism and authoritarianism while disregarding the hostile external conditions in which the USSR existed for a significant portion of its history. Considering the all-encompassing nature of modern wars and the need to mobilize all the resources of the state, society, and economy, the Soviet Union, on the one hand, made colossal efforts to study the country's military-industrial potential and the possibilities for its effective use. On the other hand, USSR designed a system of secrecy to prevent external evaluation of Soviet military-industrial capabilities and create a sense of uncertainty among hostile nations. The most open and information-intensive period in Soviet history was from the end of the Civil War to the mid-1930s. In contrast, the most secretive period was the prewar era, spanning from the late 1930s to the end of the 1950s. Due to the development of nuclear weapons and delivery systems, the USSR escaped from prolonged military mobilization. However, the realities of the Cold War prevented the USSR from returning to its early level of state publicity until its collapse. Secrecy and informational opacity are standard practice in world history during prewar and wartime periods, aimed at protecting the state regardless of its ideology, political system, or governance structure. Denial of this fact, and, consequently, the neglect of Soviet legacy, has led to errors in state information and statistical policies during the preparation and execution of the special military operation in Ukraine.

Keywords: USSR; government statistics; information policies; secrecy; Main Directorate for Literature and Publishing (Glavlit); world wars; Cold War

Funding: The study is performed within the research and development plan stated by the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch RAS. Project 126020516495-3, "Methodology and techniques for developing and substantiating priorities for investment, monetary and fiscal policies for the structural transformation of the Russian economy in new geopolitical conditions".

JEL codes: F52, H56, P20

Введение

В советское время информационная политика не являлась предметом научного обсуждения. Секретными были не только многие сведения, секретом был сам факт существования системы закрытой информации, что исключало общественную дискуссию по поводу разграничения тайного и публичного. В постсоветский период информационная политика и порождаемая ею секретность рассматривалась подавляющим большинством авторов не как самостоятельная и самодостаточная характеристика Советского Союза, а исключительно в качестве инструмента сокрытия многочисленных преступлений государства и обеспечения безнаказанности его руководителей.

Интерес к теме государственной секретности, теме, казалось бы, безнадежной и бесперспективной, неожиданно проявился после февраля 2022 г. Выяснилось, что декларируемые в последние десятилетия принципы публичности данных и прозрачности государственных и предпринимательских структур несовместимы с масштабными боевыми действиями и внешнеторговыми санкциями. Спешно адаптируемая государством к новым условиям информационная система утратила многие свои прежние черты, однако основные принципы построения системы в современных условиях до сих пор не сформулированы. Конечно, было бы хорошо, если бы такая коррекция состоялась раньше, а богатый советский опыт был бы наконец-то проанализирован и востребован современным российским руководством.

Помимо российского руководства, интерес, и интерес также несправедливый, к теме секретов проявился у западных исследователей. Летом 2023 г. один из лучших и авторитетных в мире историков по военной экономике Марк Харрисон выпустил книгу «Тайный Левиафан. Секретность и государственная дееспособность при советском коммунизме», посвященную влиянию политики секретности на эффективность государственных решений (Harrison, 2023). Книга при всей ее содержательности и богатом информационном материале содержит целый ряд недостатков. Главный из них заключается в игнорировании внешнего фактора военной опасности, который оказывал колоссальное влияние на внутривнутриполитические процессы в советском обществе. Этот фактор лежал в основе предвоенной консолидации управленческой элиты и был основной причиной подавления враждебных и оппозиционных групп (Фомин, 2024). Книга М. Харрисона также содержит в себе призыв к современной России к проведению политики информационной открытости и предостерегает от повторения ужасных практик советского прошлого.

Вряд ли, конечно, к рекомендациям авторитетных и заслуженных советологов стоит относиться серьезно. Современную информационную политику России следует строить с опорой на исторический национальный (главным образом, советский) опыт, в основе которого лежали интересы страны, направленные на устранение и нейтрализацию военных угроз.

Война и информация

На протяжении всей военной истории человечества информация рассматривалась в качестве оружия и важнейшей составляющей боевых действий. В древнейшем «Трактате о военном искусстве» китайского полководца Сунь-цзы говорится о том, что война – это путь обмана, и потому противнику следует демонстрировать свою силу, если нужно избежать войны, и слабость, если нужно спровоцировать врага на войну (Конрад, 1950: 34). Однако долгое время ценность военной информации была ограничена узкими рамками профессиональных армий и территорий ведения боевых действий. Информационная ситуация стала меняться только после 1914 г.

Первая мировая война впервые в истории человечества стала, по выражению главы немецкого Генерального штаба Эриха Людендорфа, войной тотальной, т.е. войной, мобилизующей ради победы все имеющиеся у страны силы и ресурсы (Людендорф, 2015). Для ведения традиционной войны государству требовались деньги и относительно небольшие контингенты профессиональных военных; тотальная война велась силами всего дееспособного населения и экономическими ресурсами не только государства, но и общества. Если традиционная война требовала знаний состава и численности армии противника, то тотальная война предполагала изучение военно-экономического и военно-мобилизационного потенциала воюющих стран.

В России в июле 1914 г. был издан специальный «Перечень сведений, касающихся военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается». По сути, это был стандартный перечень служебной информации, который устанавливал границы военной цензуры. Всего в перечне было 25 пунктов, которые наделяли статусом секретности сведения о мобилизации и перевозке войск, о стратегических и тактических свойствах театра военных действий, потерях в личном составе, о содержании корреспонденции лиц, находящихся в армии, волнениях в областях, занятых войсками, о катастрофах, взрывах, пожарах, эпидемиях на театре военных действий. В связи с осознанием тотального характера войны в июле 1915 г. перечень был расширен на пять пунктов, в которых устанавливался запрет на публикацию информации военно-эконо-

мического и военно-социального характера. К такой информации были отнесены вопросы союзнического снабжения, заготовок для военной промышленности, случаи перебоев в ее работе, всякого рода нарушения «обычного течения жизни», а также результаты неприятельской бомбардировки, крушение кораблей и т.д. (Батулин, 2012).

В последующем в результате революций и гражданской войны действующий перечень был значительно расширен, субъектами изменений были многочисленные органы советской власти. С целью преодоления правовых и организационных противоречий при реализации политики ограничения информации в июне 1922 г. был создан специальный орган – Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). Столь нелепое название объясняется тем, что организационно управление являлось структурным подразделением Комиссариата просвещения, в ведении которого находились все полиграфические мощности страны, а вполне уместное для названия ведомства слово «цензура» было дискредитировано в дореволюционное время в связи с ограничениями политической активности и запретами. Несмотря на череду последовавших переименований и организационных преобразований, первоначальный вариант названия ведомства – Главлит – просуществовал в официальном названии ведомства до самого конца СССР. Главлит изначально создавался как межведомственный орган, который собирал информацию от различных советских комиссариатов и ведомств и на этой основе вел единый реестр информации, которая имела секретный характер. Усилия работников Главлита привели к тому, что уже к концу 1920-х гг. крайне непоследовательные и противоречивые требования военной цензуры были трансформированы в полноценную информационную систему ограниченного доступа, которая охватывала важнейшие военные, экономические, промышленные, финансовые, демографические и социальные характеристики страны.

Деятельность Главлита, как и любого советского учреждения, была строго регламентирована. Основным документом, которым руководствовались цензоры при проверке выходящей в СССР литературы, был специальный перечень сведений, запрещенных к опубликованию. Первый перечень сведений, являющихся государственной тайной, вводился в 1926 г. специальным Постановлением ЦИК Совнаркома, а в 1929 г. появился перечень секретных сведений, который был разработан уже Главлитом (Волковский, 2003: 343–344).

Перечень постоянно трансформировался в зависимости от складывающейся военной и политической ситуации. До сих пор содержание перечней и их эволюция не изучены. Препятствует анализу отсутствие перечней в научных библиотеках. На мое обращение в государственную научно-техническую библиотеку (ГПНТБ СО РАН) поступил ответ, что в фондах библиотеки такие перечни не значатся. Из этого следует, что к секретам относилась не только информация, обозначенная в перечнях, но и сам факт наличия таких перечней.

Единственный перечень, который мне удалось обнаружить, это «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» за 1976 г. Данный перечень в свое время поступил в редакцию журнала «Новый мир», сейчас он находится в свободном доступе на официальном сайте журнала. Выкладка перечня сопровождалась статьей сотрудника редакции В. Губайловского, в которой он рассматривает советскую цензуру как инструмент конструирования виртуальной советской действительности, призванный прикрывать реальные провалы государства¹.

Довольно хорошее представление об информационной политике СССР и ее изменениях дает анализ общегосударственных статистических публикаций. Наиболее насыщенным в информационном плане был период начала 20-х – середины 30-х гг. В этот период начали публиковаться ежегодные статистические сборники, издаваться «Труды ЦСУ СССР», а также выходить периодические специализированные статистические журналы. В первой половине 30-х гг. публичная статистическая деятельность стала сворачиваться, сборники стали более лаконичными, а их номенклатура сузилась. В 1939 г. был издан только один общесоюзный сборник «Социалистическое строительство СССР», в котором насчитывалось всего 207 страниц, при этом изданный в 1935 г. аналогичный сборник насчитывал 690 страниц статистического материала (Симчера и др., 2001: 140–154).

¹ Губайловский В. (2013). Картинка низкого разрешения. Советская цензура как метод конструирования реальности. <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/381-cenzura> (дата доступа: 16.08.2025)

Начальной временной точкой отсчета сворачивания системы информационной открытости в СССР следует считать 1932 г. Информационная закрытость явилась ответом на военную угрозу и была составной частью милитаризации общества. Оккупация Японией Маньчжурии заставила руководство СССР резко поднять уровень военных расходов: с 2,3% ВВП в 1930 г. до 8,2% в 1932 г., а к 1938 г., вследствие роста военной напряженности в мире, довести их до 10,7% ВВП (Туз, 2021: 634).

Особо пристальное внимание к деятельности Главлита партийные и государственные органы проявили накануне Великой Отечественной войны. Предпринятая череда разбирательств выявила существенные недостатки в деятельности ведомства. Начальник Главлита Н.Г. Садчиков, пришедший на эту должность на волне кадровых чисток в 1938 г., в своей докладной записке на имя В.М. Молотова указывал, что за два предыдущих года в общую печать СССР попало 2428 секретных сведений, были раскрыты места дислокации 195 военных гарнизонов, газеты сообщили о большей части строящихся гидротехнических сооружений и электростанций, были обнародованы производственные мощности по производству синтетического каучука, азота и метилового спирта, раскрыта сеть радиостанций СССР, рассекречены схемы связи в пограничных районах. В этой же записке указывалось, что небрежность работы цензоров привела к значительным материальным потерям государственных средств, которые были вызваны переброской воинских частей в новые места расположения, а также изменением систем связи и вещания (Горяева, 2009: 216).

Мобилизационная подготовка к войне в информационной сфере означала создание тотального государственного контроля над всеми средствами массовой информации и цензуру информационных потоков. В 1939 г. в СССР аппарат цензуры насчитывал 6027 человек, которые контролировали 7194 газеты с количеством номеров 898, 4 тысячи и разовым тиражом 35,5 млн экземпляров, 1762 журнала с общим тиражом 268,9 тыс. экземпляров, все материалы вещательных радиостанций и радиоузлов, 4681 типографию. Кроме того, сотрудники Главлита досмотрели 2,4 млн присланных из-за рубежа бандеролей. В 1938–1939 гг., исходя из военно-экономических и идеологических соображений, Главлит выпустил 199 приказов об изъятии из библиотек 16 453 названий книг общим тиражом 24,1 млн экземпляров (Волковский, 2003: 351–360).

Вне всякого сомнения, жесткая информационная цензура 1930-х гг. была ориентирована на нейтрализацию не только внешних угроз, но и внутренних, которые в условиях внешней военной опасности могли дестабилизировать и парализовать работу государства. Руководители СССР (так же как и руководители всех других воюющих стран) хорошо помнили опыт Первой мировой войны, в которой погибли четыре империи, и твердо знали, что причинами их гибели были не военные поражения и захваты территорий, а внутренние экономические и социальные факторы. Консолидация общества перед внешней опасностью и преодоление раскола элит были составной частью мобилизации предвоенного советского общества. Очевидно, что данный аспект должен учитываться при оценке происходивших в стране кадровых чисток, поисков внутренних врагов, замалчивания и сокрытия демотивирующей и раскалывающей советское общество информации.

Тем не менее даже такая жесткая предвоенная информационная политика показалась недостаточной в преддверии войны. В июле 1939 г. в СССР был разработан специальный «Перечень сведений, являющихся государственной и военной тайной на военное время», а в сентябре того же года, после начала военной кампании по присоединению территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, он был введен в действие (Волковский, 2003: 361). О содержании этого перечня мало что известно. Н. Волковский указывает на то, что данный перечень был более расширенным по сравнению с перечнем, действовавшим в мирное время. В частности, он запрещал выпуск советских журналов и газет иностранным подписчикам, ограничивал подписку и хождение областных, городских и районных газет внутри страны, устанавливал запреты на издание статистических справочников и картографических материалов. Также ничего не известно о периоде действия этого перечня. Хотя какие-то предположения на этот счет высказать можно.

Неоднородность информационной и статистической политики Советского государства в довоенный период свидетельствует о том, что в основе этой политики были не те или иные особенности социалистического общества или характера государственного управления, а внешнеполитические изменения и связанные с ними военные опасности. Советская информационно-статистическая политика по своей сути являлась инструментом обеспечения секретности в условиях предвоенного и военного времени.

С одной стороны, все большая милитаризация экономики и ее централизация предполагают увеличение статистических работ и увеличения объемов информации (Фомин, 2023). С другой стороны, они увеличивают требования к обеспечению секретности и скрытности. Сама по себе система закрытости в условиях военного противостояния не была стабильной, она постоянно расширялась и дополнялась разного рода запретами, которые, на первый взгляд, были далекими от требований военной цензуры. Уход из публичного пространства сведений был ответом на появление разного рода вызовов, которые нарастали в связи с разработкой нового вида оружия и увеличением его поражающих свойств.

Фактор стратегической авиации

Одним из таких видов оружия, появившихся в межвоенный период и сыгравших значительную роль в годы Второй мировой войны и в первые полтора десятилетия после ее окончания, стала бомбардировочная стратегическая авиация. Первыми к созданию нового вида оружия приступили США. Уже в начале 30-х гг. прошлого века страна располагала бомбардировщиками, которые вследствие своей дальности, огневой мощи и высокой бомбовой нагрузки могли прорвать любую противовоздушную оборону противника и уничтожить любой объект на его территории. Вместе с тем открывшиеся технические возможности долгое время не имели теоретического обоснования и не принимались в расчет военными стратегами. Изменил ситуацию, как это часто бывает, случай.

В 1936 г. наводнение разрушило небольшой завод в Питтсбурге, который среди прочего производил пружины для авиационных винтов с изменяемым шагом. Это в общем-то незначительное событие полностью остановило авиационное производство. Завод в Питтсбурге не являлся высокотехнологичным производством, а производимые им пружины для винтов не были инновационным изделием. Но завод был единственный, кто делал эти пружины. Случай позволил понять, что в любой сложной технологической системе есть слабые и уязвимые места, разрушая которые можно добиться если не полной остановки военного производства, то его существенного сокращения (Гладуэлл, 2022: 55). Наверняка такие случаи были и в других странах, а их военные аналитики пришли к тем же выводам по поводу как открывшихся возможностей нападения на производство противника, так и защиты от нападений.

Впервые во Второй мировой войне стратегическая авиация была использована Германией осенью 1940 г. Массовые, но довольно беспорядочные бомбардировки столицы и портов Британии не имели значительного эффекта с точки зрения сокращения объемов военного производства и деморализации населения. В этих условиях было принято решение о точечной бомбардировке центров военной промышленности. Первой такой целью стал небольшой город Ковентри, в котором, по сведениям немецкой разведки, фирма Роллс-Ройс разместила заводы по производству двигателей для истребителей. Хотя результаты стратегических бомбардировок не привели к краху авиационной промышленности, они потребовали от руководства страны принятия дорогостоящих и часто неэффективных мер по децентрализации военной экономики, развитию дублирующих производств, созданию сложной системы технологической координации разбросанных по всей стране мелких предприятий и мастерских и, конечно же, системы информационной закрытости производства (Ларсон, 2021: 446–458).

Со стороны союзников самой успешной стратегической воздушной операцией против Германии стала бомбардировка шарикоподшипниковых заводов в Швайнфурте в августе 1943 г. По воспоминаниям А. Шпеера, в результате бомбардировок объем производства самых массовых подшипников диаметром от 6,4 до 24 см уменьшился на 38%. Хотя восстановление производственных мощностей заводов растянулось на 6–8 месяцев, критический урон военному производству нанесен не был вследствие наличия большого запаса подшипников на сборочных военных заводах (Шпеер, 1997: 390–391). Что касается воздушных налетов, то они больше не повторялись, командование союзных военно-воздушных сил сочло уровень потерь бомбардировщиков (примерно четверть от участвующих в налете) неприемлемым для продолжения стратегических воздушных операций.

Стратегические воздушные операции не сводились к нанесению точечных ударов по критически важным промышленным объектам. Второе, наиболее массовое и хорошо известное направление использования стратегической авиации в годы Второй мировой войны – это бомбардировки по

площадям, применявшиеся для разрушения городов Германии и Японии и приводившие к уничтожению промышленных предприятий, жилых зданий, транспортной и коммунальной инфраструктуры. Эти бомбардировки основывались на передовых достижениях аэродинамики и требовали информации, которая, на первый взгляд, не имела никакой разведывательной ценности.

Анализ боевых возможностей стратегических бомбардировщиков выявил, что потенциальный ущерб, который могут причинить разрывы авиационных бомб, не является критическим. Гораздо больший ущерб могут причинить пожары, вызванные бомбардировками. Целью англо-американских бомбардировок было создание очагов массовых пожаров, которые в совокупности вызывали огненный смерч – мощный восходящий поток нагретого воздуха. В эпицентр этого потока, имеющего температуру 800 °С, со всех сторон со скоростью более 240 км/ч устремлялись ураганные потоки воздуха.

Впервые воздушный удар, приведший к образованию огненного смерча, был нанесен по Гамбургу 27 июля 1943 г. Огненный смерч плавил стекло, сталь, кирпичи, а штормовой ветер бросал в его эпицентр целые здания, товарные вагоны, вырванные с корнем деревья, машины. Площадь пожара составила около 21 кв. км, в нем погибло около 50 тыс. человек (Ирвинг, 2006: 53–57).

Такие стратегические операции требовали большой подготовки, прежде всего информационной. При подготовке к бомбардировке немецких и японских городов принимались в расчет самые разнообразные сведения: удельный вес площади парков и скверов в городской застройке, материал стен и перекрытий, расстояние между домами, протяженность акведуков и емкость городских бассейнов, расположение объектов энерго- и водоснабжения снабжения. В песках штата Юты к лету 1943 г. под руководством архитекторов и дизайнеров, много лет проживших в Германии и Японии, были построены типичные кварталы городов, которые предстояло разбомбить. При строительстве пытались достичь максимальной точности. Здания в японском стиле, например, снабдили скользящими ширмами, традиционными оконными ставнями и татами – циновками из рисовой соломы толщиной пять сантиметров. После окончания строительства специально присланный флот бомбардировщиков сбрасывал на макеты кварталов различные боеприпасы, а наземные команды быстро восстанавливали разрушенное. В результате этих испытаний удалось установить огневую мощь бомбардировщиков, которую следовало использовать для разрушения городов, а также определить лучшее средство огневого поражения. Им стал напалм, который вызывал пожары первой категории (т.е. пожары, которые становились неконтролируемыми после шести минут от сброса бомб) в 68% попаданий (Гладуэлл, 2022: 158–163).

Не менее напряженной была ситуация и на советско-германском фронте, по одну сторону которого прикладывались колоссальные усилия по сокрытию информации, а по другую – не менее колоссальные усилия по ее добыче. Так же как и в других стратегических операциях Второй мировой войны, информационные провалы перерастали в экономические проблемы и незамедлительно сказывались на результативности боевых действий. К сожалению, об этой стороне Великой Отечественной войны до сих пор мало что известно. Самое последнее многотомное издание об истории Великой Отечественной содержит специальный том, посвященный экономике 1941–1945 гг. (Великая Отечественная война..., 2013). Однако в нем ничего не говорится о стратегических наступательных операциях люфтваффе и об экономических последствиях бомбардировок тыловых районов СССР.

Одним из авторов идеи воздушных налетов на СССР был рейхсминистр вооружения и военного производства Третьего рейха А. Шпеер. Осенью 1942 г., осознав уже очевидную перспективу затяжной войны, А. Шпеер предложил переосмыслить значение бомбардировочной авиации. По его мнению, бомбардировочная авиация должна решать не тактические задачи по поддержке действий сухопутных сил, а стратегические, связанные с разрушением критически важных производств Советского Союза. В качестве таких критических производств А. Шпеер называл электростанции Центрального и Уральского экономических районов, которые, по расчетам его ведомства, вырабатывали 60% электроэнергии и обеспечивали ею практически все советское сталелитейное производство. В период электрификации и индустриализации СССР заказы на проектирование электростанций и оснащение их оборудованием получали немецкие фирмы. Сотрудникам министерства достаточно быстро удалось найти всю необходимую техническую

документацию и чертежи станций. С согласия фюрера на проведение операции в декабре 1942 г. были сооружены деревянные макеты советских электростанций под Белостоком, туда же был переброшен 6-й авиационный корпус дальней бомбардировочной авиации для отработки ударов. Однако эта стратегическая бомбардировочная операция была сорвана по причине стремительного наступления Красной Армии под Сталинградом и необходимости переброски всех резервов для его отражения (Шпеер, 1997: 385–388).

Помимо А. Шпеера и его рейхсминистерства, авиационные удары по советским промышленным объектам готовила и немецкая разведка. Действия абвера стали в итоге более продуктивными. Осенью 1942 г. было создано специальное подразделение экономической разведки – абверкоманда-101, в задачу которого входил поиск бывших инженеров и техников из числа советских военнопленных. Этой группе удалось отыскать и склонить к сотрудничеству многих технических специалистов. С их помощью немецкая разведка составила аналитические обзоры советской промышленности, начертила планы промышленных предприятий и составила схемы их снабжения. После войны советской разведке благодаря захваченным немецким архивам удалось установить личности завербованных, и в 1947 г. были проведены закрытые судебные заседания по делам о сотрудничестве с врагом и промышленном шпионаже. Вся собранная подразделением информация направлялась в специализированное отделение экономической разведки абвера *Walli – 1Wi*. По итогам этой аналитической деятельности было принято решение о проведении серии воздушных налетов в июле 1943 г. на территорию Поволжья. Ударам подверглись автомобильный завод в Горьком, авиационный завод и нефтеперерабатывающий завод «Крекинг» в Саратове, шинный завод в Ярославле (Дегтев, Зубов, 2014: 59–61).

Тактика проведения воздушных ударов была достаточно сложной, она требовала большой работы. Накануне бомбардировок немецкие самолеты-разведчики делали снимки городов. Но эти снимки сами по себе мало что говорили. В Советском Союзе существовал запрет на публикацию панорамных снимков городов. Это делалось для затруднения идентификации городских объектов при нанесении воздушных ударов. Чтобы найти объекты бомбардировки и городские ориентиры, немцы использовали знания завербованных советских специалистов. После дешифровки снимков выполнялись трехмерные макеты или рисунки заводов и цехов, которые следовало разрушить. Сам налет проводился в несколько этапов. На первом специальная авиагруппа (цельфиндеры), в состав которой входили самые опытные пилоты и штурманы, сбрасывала над городом осветительные бомбы и обозначала цели. Вторая группа разрушала водозаборные станции, перебивала водоводы и бомбила городские электроузлы. И только после этого шла третья, самая массовая авиагруппа, которая сбрасывала на освещенные, обесточенные и обезвоженные промышленные объекты зажигательные и фугасные бомбы (Дегтев, Зубов, 2014: 59–61).

Также следует отметить, что на территории СССР работали многочисленные агенты, которые передавали абверу нужную военную-экономическую информацию, а при воздушных атаках корректировали действия немецких пилотов. Во время бомбардировок в городах в воздух взлетали белые ракеты, указывающие местонахождение объекта бомбардировки, или синие и красные, показывающие направление на объект. Сотрудникам НКВД в большинстве случаев не удалось задержать выпускающих ракеты агентов. Как стало известно уже в постсоветское время, в советском тылу в годы войны было 389 агентурных радиостанций, остановить работу которых и установить личности причастных к ним не удалось (Зефилов и др., 2007: 427).

Воздушные удары нанесли значительный урон промышленной базе СССР. Однако с точки зрения перспектив военного производства и наступательного потенциала Красной Армии самыми значимыми потерями оказались разрушение двух цехов Горьковского автозавода и уничтожение базы хранения нефтепродуктов при нефтеперерабатывающем заводе в Саратове.

Д. Дегтев и Д. Зубов (2014: 244) указывают, что из 44 цехов Горьковского автозавода получили повреждения 34. Но эти повреждения носили крайне неравномерный характер, практически полностью разрушенными оказались колесный цех, потерявший 305 единиц оборудования из 323, и цех шасси, лишившийся 1788 единиц оборудования из 1799. Можно с уверенностью сказать, что именно эти цеха стали основной целью воздушных налетов. Выбор цели, разумеется, не был случайностью, он стал результатом напряженной аналитической работы. Немецкие специалисты выяснили, что колесный цех и цех шасси были единственными в СССР производствами,

которые на уникальном оборудовании, полученном в начале 1930-х гг. из США, методом штамповки производили в год более миллиона колес и шасси для многих видов военной техники. Производимые колеса и шасси использовались в автомобилях, самолетах, танках и артиллерийских орудиях (Зефилов и др., 2007: 427). Таким образом, разрушение двух цехов Горьковского автозавода привело к параличу производства практически всей военной техники в СССР. Проблему производства колес удалось решить только к ноябрю 1943 г. за счет поставок нового оборудования из США по ленд-лизу. Несмотря на колоссальные усилия Советского государства по защите своих экономических тайн, Германии все-таки удалось найти уязвимое место советской промышленности и нанести по нему крайне болезненный удар.

Вторая стратегическая проблема, которую пытался решить Третий рейх с помощью воздушных наступательных операций летом 1943 г., – это лишить советскую промышленность оборудования для переработки нефти, а Красную Армию – запасов топлива. Руководство Германии вполне справедливо считало, что поставить на прикол танковые и механизированные соединения СССР из-за нехватки топлива является более предпочтительной задачей, чем жечь танки на поле боя и бомбить прикрытые истребителями маршевые колонны.

Этой логики немецкое руководство придерживалось в течение 1942 г., когда развернуло наступательную группировку «Центр» на юг с целью захвата месторождений нефти на Кавказе и рассекания волжской транспортной артерии. Итогом этого маневра, как известно, стала Сталинградская битва. В 1943 г., в преддверии другой крупнейшей битвы, снова была сделана ставка на нефть. В навигационный период 1942 и 1943 г. немецкая авиация активно минировала фарватер Волги с целью разрушения транспортного коридора между Каспийским регионом добычи нефти и городами Поволжья, где эта нефть перерабатывалась. Логистические пути снабжения перерезать не удалось, нужно было искать иные способы блокировки поставок нефтепродуктов на фронт.

Во второй половине июня 1943 г. на завод «Крекинг» в Саратове и прилегающую к нему базу хранения нефтепродуктов было совершено 11 авианалетов. Завод был полностью разрушен, а запасы топлива уничтожены. Очевидно, что хранение в одном месте больших запасов топлива, в пределах досягаемости дальней авиации, да еще неподалеку от производившего его завода, было крупной ошибкой. Эта ошибка едва не стала фатальной для военной кампании лета 1943 г. Тем не менее до начала авианалетов пять важнейших фронтов, готовящиеся к наступательным операциям в районе Курска, – Западный, Центральный, Брянский, Степной и Воронежский – уже успели получить необходимый объем горюче-смазочных материалов (Зефилов и др., 2007: 582). Также в дальнейшем часть потерь топлива удалось компенсировать за счет американских поставок. По всей видимости, немецким военным, готовящим стратегическую воздушную наступательную операцию с осени 1942 г., не хватило времени. Если бы воздушные удары по нефтеперерабатывающим мощностям и базам хранения топлива были нанесены раньше, то результаты боевых действий Красной Армии в 1943 г. наверняка были бы менее успешными. Срок опоздания нанесения авиационных ударов, скорее всего, насчитывает лишь несколько недель.

Результаты проведения стратегических операций Третьего рейха в тыловых районах СССР также отчетливо показали, что требования секретности вряд ли могут быть избыточными. Планировщики воздушных стратегических операций для достижения поставленных целей опирались на множество разных сведений, таких, например, как схема прокладки водоводов и размещение электрических подстанций в советских городах, материал стен и кровли промышленных цехов, погодные и климатические условия, кооперация и специализация военных производств. Никто не мог сказать, какие знания понадобятся противнику и как он ими распорядится. В условиях информационной неопределенности самая разумная стратегия состоит в том, чтобы засекретить максимально возможное количество данных, вынудить противника принимать неверные управленческие решения в условиях отсутствия, недостатка или сознательного искажения информации.

Тайные будни холодной войны

Послевоенная администрация США приступила к формированию нового мирового порядка, для создания которого нужно было подавить левые силы и социалистическое движение, дискредитировать коммунистическую идеологию, а также демонтировать довоенную колониальную

систему и при этом сохранить западное мировое доминирование путем построения системы не-околонизализма. Эти амбиции США, на пути которых стоял СССР, были подкреплены колоссальной экономической и промышленной мощью, а также монопольным обладанием новым ядерным оружием высокой разрушительной мощности. Развязанная западными странами холодная война по-прежнему требовала от СССР высоких военных расходов и обеспечения секретности, теперь уже, главным образом, в области ядерного вооружения. В 1945 г. СССР так и не удалось выйти из предвоенного военно-мобилизационного состояния.

Первый план нападения на своего недавнего союзника по антигитлеровской коалиции был разработан в США в ноябре 1945 г. План предусматривал ядерную бомбардировку 20 городов Советского Союза, в которых было сконцентрировано производство 90% самолетов, 73% орудий, 86% танков, 88% грузовиков, 42% стали, 65% нефтепродуктов и около 50% мощностей по производству подшипников (Уткин, 2010: 58). Как видно, авторы этих планов не ушли от логики стратегических воздушных наступательных операций Второй мировой войны и в качестве их целей по-прежнему обозначали разрушение производственных мощностей. Впрочем, открывшиеся возможности ядерных бомбардировок были осознаны довольно быстро.

Дальнейшая политика американских властей была направлена на увеличение ядерных боеприпасов, средств их доставки и, как следствие, увеличение числа потенциальных объектов уничтожения. На пике этой политики в 1977 г., согласно единому интегрированному плану распределения целей НАТО, число объектов для нанесения ядерных ударов на территории СССР и его союзников по Варшавскому договору определялось в 40 тысяч (Уткин, 2010: 231). После этого западные военные аналитики пришли к выводу, что дальнейший рост ядерных наступательных вооружений ведет не к большей безопасности (как это имеет место с обычными вооружениями), а повышает опасность ядерной войны вследствие роста возможностей утраты контроля над гигантским ядерным потенциалом и его несанкционированного применения.

Ядерное оружие, вследствие своих высоких поражающих свойств, делало вопросы об объектах бомбардировок бессмысленными. Достаточно указать, что уже в 1955 г. у США было 1350 стратегических бомбардировщиков, при этом боевая мощь ядерных бомб стандартного бомбардировщика по своей разрушительной силе была эквивалентна совокупному объему всех бомб, сброшенных союзной авиацией на территорию Германии (Уткин, 2008: 237). На смену вопросам выбора объектов бомбардировок пришли другие, более тревожные для американских стратегов новой холодной войны вопросы.

До появления советской атомной бомбы у США не было достаточного запаса ядерных боеприпасов, гарантирующего нанесение стратегического поражения СССР. После проведения испытания атомной бомбы в августе 1949 г. на Семипалатинском ядерном полигоне единственным сдерживающим фактором применения ядерного оружия против СССР был страх ответного удара.

В производстве ядерной бомбы Советский Союз отстал от США на четыре года. Еще большим – 12 лет – было отставание в производстве стратегических бомбардировщиков, которые до конца 1950-х гг. были единственными носителями ядерных боеприпасов. Серийное производство первого советского стратегического бомбардировщика Ту-95 началось в 1955 г., в 1956 г. первые 22 бомбардировщика встали на боевое дежурство (Минаев, 1999: 557–567). Основным американский стратегический бомбардировщик начала холодной войны Б-29 поступил на службу в 1944 г.

Это отставание и вызванная им уязвимость СССР вынуждали руководство страны принимать асимметричные меры реагирования, в том числе информационного характера. Вряд ли, конечно, советские руководители читали и читали Сунь-цзы, но действовали по общим универсальным и заново переоткрытым правилам ведения войны: «Если ты можешь что-то, показывай противнику, что не можешь. Если ты пользуешься чем-то, показывай противнику, что не пользуешься. Хотя ты и далеко, показывай противнику, что ты близко» (Конрад, 1950: 34). Закрытость советской информационной системы заставляла США делать ошибочные прогнозы и принимать разорительные и крайне неэффективные управленческие решения.

Первой серьезной американской ошибкой в холодной войне стала оценка научно-промышленного потенциала СССР и определение срока, в течение которого будет создана советская ядерная бомба. Наиболее авторитетным в США было мнение военного руководителя Манхэт-

тенского проекта бригадного генерала Л. Гровса, утверждавшего, что атомная бомба появится в СССР не ранее 1965 г. Только к этому времени, по мнению генерала, СССР сумеет получить необходимые теоретические знания, разработать инженерные ноу-хау, создать промышленные мощности и сделать запасы уранового сырья. Оценка Л. Гровсом сроков создания советской атомной бомбы не была единственной. Но даже самые пессимистические сценарии не предполагали появления бомбы у СССР ранее 1952 г. (Уткин, 2010: 92).

Пелена секретности, окружавшая советские разработки ядерного вооружения, дала свои результаты и в другом советском проекте – ракетном. Подавляющая часть американских экспертов скептически, хотя и крайне настороженно, относилась к возможностям создания межконтинентальных баллистических ракет в СССР. Успешный запуск с помощью ракеты Р-7 первого искусственного спутника Земли поверг руководство США в еще больший шок, чем создание СССР ядерной бомбы. Появление у СССР ракетных сил сдерживания нанесло американскому истеблишменту психологическую травму, от которой он так и не смог оправиться. В основе имперской послевоенной политики США лежал принцип неприкосновенности и неуязвимости их территории. Этот принцип отменили советские межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками. Они же породили новый принцип военного противостояния – принцип гарантированного взаимного уничтожения.

Также стоит заметить, что появление советских ракет привело к тому, что стратегическая авиация потеряла монополию на доставку ядерных боеприпасов, а непрерывно совершенствующаяся система противовоздушной обороны и вовсе свела ее значимость в ядерном конфликте к минимуму. Это значит, что громадные инвестиции США в развитие стратегической авиации с начала 1930-х гг. и до конца 1950-х гг. были омертвлены с помощью советской ракетной программы.

Октябрь 1957 г. не только обозначил перелом в холодной войне, но и определил возможность выхода СССР из затянувшегося военно-мобилизационного состояния. Перед СССР наконец-то открылись возможности нормализации экономической, социальной и политической жизни. По данным А.Р. Белоусова, в 1950 г. удельный вес расходов на оборону составлял 17% советского ВВП, к 1960 г. этот уровень удалось понизить до 13%, при этом сам ВВП между рассматриваемыми годами вырос на 85,6% (Белоусов, 2000). Хотя абсолютный уровень военных советских расходов и их удельный вес в структуре ВВП до сих пор является предметом научной дискуссии и не имеет общепризнанных оценок, факт сокращения относительных расходов в конце 1950-х гг. является признанным.

Стремительный рост советской экономики и сокращение военного бремени позволили перейти в конце 1950-х гг. к развитию потребительских отраслей экономики – сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности. Совсем не случайно именно в 1957 г. СССР приступил к реализации двух важнейших социальных программ – массовому жилищному строительству и пенсионному обеспечению рабочих и служащих. Феномен демократизации и либерализации общественной послевоенной жизни, известный под названием «хрущевская оттепель», имеет под собой множество оснований. И далеко не последнюю роль в его появлении сыграло долгожданное обретение чувства защищенности и неуязвимости перед внешней опасностью.

Что касается информационной политики государства, то маркером ее изменения стало возобновление публикаций статистических сборников. Первый послевоенный статистический ежегодник под новым названием «Народное хозяйство СССР» был выпущен в 1956 г., а образовавшиеся в предвоенные, военные и послевоенные годы статистические лакуны были частично компенсированы в специально изданном в 1957 г. сборнике «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах» (Симчера и др., 2001: 295–296).

Можно с уверенностью сказать, что период с начала 1930-х до конца 1950-х гг. был военно-мобилизационным периодом СССР, накладывающим свое влияние на все без исключения сферы жизни государства, общества и экономики. Жертвенность, сверхнапряжение и жестокость этих лет сыграли свою роль (возможно, фатальную) в дальнейшей судьбе СССР. Анатолий Уткин считал, что психологической компенсацией военной мобилизации стала неизбежная деморализация позднего СССР, в итоге приведшая к его краху (Уткин, 2010: 116).

Ядерный паритет и возможность обмена ударами, разумеется, не остановили холодную войну. США продолжали прикладывать колоссальные усилия по добыче военных секретов, а СССР

продолжал их тщательно оберегать. Борьба за секреты велась с использованием самых совершенных достижений научно-технического прогресса. США делали ставку на неуязвимые, а часто даже невидимые высотные самолеты-разведчики, СССР – на систему противовоздушной ракетной и авиационной обороны.

Американские самолеты, стартовавшие в Гренландии, могли добраться до Свердловска и вернуться обратно, а самолеты, вылетевшие из Турции, долетали до Байкала. Самолеты оснащались средствами ведения фото- и радиоразведки, они перехватывали телеметрическую информацию с борта советских баллистических ракет, снабжались оборудованием для отбора образцов воздуха, имели на своем борту осветительные бомбы для высотного фотографирования объектов с помощью подсветки. В 1950 г. самолеты США совершили около 1 тыс. полетов над территорией СССР, в 1959 г. – более 3 тыс., а всего за период 1950–1970 гг. американская авиация более 20 тыс. раз нарушала воздушные границы СССР и осуществила фотосъемку на территории более 3 млн кв. км (Ракитин, 2013: 304–330). Долгое время многочисленные случаи американского воздушного пиратства оставались безнаказанными, качественные изменения в советском небе произошли только в 1960 г. В мае с помощью зенитной ракеты С-75 под Свердловском на высоте 20 км был сбит высотный самолет-разведчик, а через два месяца советский перехватчик МиГ-19 на Кольском полуострове повторил успех с помощью только что разработанной ракеты класса «воздух – воздух».

Разведывательные полеты не были единственными, а впоследствии и значимыми средствами сбора информации. Для анализа экономики и оценки военно-мобилизационного и технического потенциала СССР силами тех же военно-воздушных сил США была создана специальная исследовательская структура, ныне признанная в России нежелательной организацией. В рамках данной структуры было создано новое научное направление – советология и научная школа под руководством Абрама Бергсона. В 1970-е гг., когда стало понятно, что стратегическая авиация потеряла свой приоритет в ядерном противостоянии, а рамки исследований вышли далеко за уровень компетенции армейского авиационного руководства, практически все исследования по советской экономике, уровню военных расходов и техническому анализу вооруженных сил были переведены в ЦРУ (Ханин, 1993).

Своим появлением летом 1947 г. Центральное разведывательное управление обязано холодной войне. Высокий уровень секретности в СССР объективно требовал создания специализированного центра по добыче секретов, большого штата сотрудников и значительного финансирования. Период развертывания деятельности ЦРУ пришелся на 1949–1952 гг., когда годовые расходы управления выросли с 4,7 млн долл. до 82, а численность служащих увеличилась с 302 человек до 2812 в США и 3142 агентов за границей (Уткин, 2010: 118–119).

Определение направленности военных приготовлений СССР и масштабов милитаризации его экономики было чрезвычайно сложной задачей, над решением которой трудились лучшие выпускники американских университетов, привлеченные в щедро финансируемые советологические центры. Для решения одной относительно небольшой камерной задачи – определение размеров советского ВВП и доли в нем военных расходов – США с середины 1950-х гг. до 1991 г. потратили от 5 до 10 млрд долл. (в ценах 1990 г.), годовой уровень финансирования работ колебался от 200 до 500 млн долл. Еще более дорогостоящими были работы по сбору информации. За четверть века (с 1960 по 1984 г.) только одно подразделение аэрокосмической разведки Национального разведывательного бюро потратило 250 млрд долл. В июле 1990 г. в ходе слушаний в Сенате США было заявлено, что попытка правительства США оценить советскую экономику являлась самым крупным проектом, реализованным в области социальных наук (Шлыков, 2001: 4–5).

Полученные в ходе этих работ оценки размера и динамики советского ВВП, а также уровень военных расходов долгое время были предметом острых дискуссий среди советских и американских экономистов. Сейчас эти дискуссии практически прекратились, прекратились не по причине появления согласия среди участников, а из-за потери своей актуальности. Как бы к полученным оценкам ни относиться, но однозначно можно утверждать, что масштабные советологические исследования привели к появлению знаний, которые можно было использовать и которые были использованы в борьбе с СССР.

Советологи выяснили, что, вопреки расхожим представлениям, экономика СССР была значительно интегрирована в мировую торговлю. Внешнеторговая квота советского ВВП (т.е. удель-

ный вес внешней торговли в его структуре) выросла с 12% в 1960 г. до 27% в 1980 г. По уровню вовлеченности в мировой рынок СССР существенно опережал такие страны, как США, Бразилия, Индия, и находился на одном уровне с Японией – островным государством, не имеющим ресурсов, сырья и рынков сбыта продукции на собственной территории (Санчес-Сибони, 2022: 18–23).

Аналитические выкладки советологов легли в основу внешнеэкономической политики западных стран в отношении СССР. В области экспортных операций целью политики стало сокращение объемов валютной выручки Советского Союза за счет падения цен. Руководство США добилось увеличения добычи нефти на Ближнем Востоке, что в условиях стабильного спроса обрушило цены на энергоносители.

Что касается советского импорта, то его основу составляли машины и оборудование, технологический трансферт компенсировал слабость советского научно-инновационного комплекса и его стремительно нарастающее отставание от мирового уровня. В 1949 г. в Париже был создан координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) с целью ограничения продаж военных и промышленных технологий социалистическим странам. Однако долгое время деятельность комитета была неэффективной. Резкое повышение роли КОКОМ во внешнеэкономических операциях произошло в начале 80-х гг. при президенте США Р. Рейгане, начавшем новый виток противостояния с СССР. В 1979 г. был изменен устав КОКОМ, новая версия устава расширила возможности борьбы с нарушителями рекомендаций. Позднее, в 1983 г. в Ленгли был создан насчитывавший 22 отдела секретный комитет разведки по делам передачи технологий, единственной задачей которого был контроль над покупками технологий странами социалистического блока. Создание комитета быстро принесло свои плоды. Если в 1975 г. США продавали СССР промышленной продукции на сумму 219 млн долл., то уже в 1983 г. этот показатель упал до 39 млн долл. В том же 1983 г. таможенные службы США и их европейских союзников задержали около 1400 нелегальных отправок Советскому Союзу на сумму в 200 млн долл. Эти энергичные и решительные действия США по подрыву советской экономики, по мнению П. Швейцера, послужили причиной гибели СССР (Швейцер, 2021: 63–154).

Конечно, считать причиной краха СССР деятельность администрации Рейгана и спецслужб США нет никаких оснований. Советский Союз на протяжении всей своей истории существовал и довольно успешно развивался во враждебном капиталистическом окружении. Гибель Советского Союза определялась множеством факторов, и самыми значимыми из них были внутренние. Но то, что американская разведка и советология нашли слабые и уязвимые места советской экономики, а американское руководство целенаправленно и успешно воздействовало на них, – это бесспорный факт.

Последний советский перечень, фиксирующий изменение границ дозволенного в период перестройки и гласности, вышел в 1987 г. (Блюм, 2009: 101). О содержании этих изменений также ничего не известно. С большой долей уверенности можно лишь предположить, что перечень был сокращен, а многие ранее секретные сведения стали предметом публичного обсуждения и внесли немалый вклад в дискредитацию и разрушение Советского Союза.

Заключение: секретность в современной России

История советской государственной секретности формально была окончена 21 июля 1993 г. с принятием в новой России Федерального закона № 5485-1 «О государственной тайне». В законе был установлен общий перечень сведений, составляющих государственную тайну, описана процедура отнесения сведений к секретным, а также был определен порядок работы с такими сведениями. Появившийся спустя два с лишним года Указ Президента № 1203 от 30 ноября 1995 г. «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» конкретизировал закон и в 119 пунктах установил перечень информации, составляющей предмет государственной тайны.

Начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция (СВО) внесла коррективы в государственную информационную политику и выявила несоответствие законодательной базы требованиям информационной безопасности государства. Это несоответствие является частным случаем противоречия между фронтом на западе страны и российским обществом, так и не ставшим за четыре с лишним года тылом.

По мере нарастания масштаба и длительности специальной военной операции все больше и больше сведений переставали быть публичными. В апреле 2022 г. был введен запрет на публикацию таможенной статистики в разрезе товарных групп и стран. Спустя месяц, в мае, стал недоступен платежный баланс РФ. Спустя еще месяц, в июне, непубличными стали детализированные сведения о доходной и расходной частях федерального бюджета. Тогда же был закрыт доступ к аналитическим материалам Федеральной налоговой службы и Федерального казначейства. В октябре 2022 г. системный оператор единой энергетической системы перестал предоставлять данные об объемах генерации и потребления электроэнергии по экономическим зонам и субъектам РФ. В декабре того же года пенсионный фонд закрыл статистику о численности пенсионеров и количестве назначенных пенсий. Закрыта социальная статистика была с большим опозданием: резкий рост назначенных пенсий по инвалидности и несовершеннолетним детям при потере кормильца позволил специалистам определить примерный уровень безвозвратных и санитарных потерь Вооруженных сил в зоне проведения СВО. Ответной мерой на введение западными странами санкций в отношении российских энергоресурсов и потолка цен стало закрытие информации о добыче нефти, газа и конденсата в апреле 2023 г. В июле 2024 г. в санкционный список была включена Московская биржа, в этой связи Центральный банк приостановил публикацию сведений об объемах торговли иностранной валютой на территории страны. После начала массированных ударов Украины беспилотными летательными аппаратами по нефтеперерабатывающим заводам в августе 2024 г. из ежемесячных сводок Росстата об объемах промышленного производства исчезла информация о производстве бензина, дизельного топлива и масел. Наконец, в октябре 2024 г. стало известно об отмене микропереписи населения, которая должна была проводиться в 2025 г., в середине десятилетнего интервала между всероссийскими переписями.

Достаточно хорошо заметно, что информационно-статистическая политика современного российского государства носит ситуативный характер, является реакцией на возникающие вызовы, в целом является пассивной и потому запоздалой. В этом ее коренное отличие от советской превентивной информационной политики, которая рассматривалась в качестве важнейшего элемента мобилизации общества и экономики.

Неопределенность и противоречивость информационного характера СВО проявляется и на уровне отдельных российских компаний. Ежегодно, начиная с 1996 г., в конце октября деловой российский еженедельник «Эксперт» публиковал рейтинг 400 крупнейших российских компаний. Эти компании, до данным авторов рейтинга, формировали около половины российского ВВП. В 2022 г. при составлении рейтинга выяснилось, что 87 крупнейших российских компаний закрыли свою отчетность. Это главным образом компании оборонно-промышленного комплекса («Алмаз-Антей», «Объединенная двигателестроительная компания», «НПК «Уралвагонзавод», «Роскосмос», «Вертолеты России», «Швабе»), а также крупнейшие российские банки (Сбербанк, Группа ВТБ, Альфа-банк, Промсвязьбанк)². В дальнейшем от публикации этого рейтинга решено было отказаться. Среди компаний, которые перестали публиковать свою отчетность, немало публичных акционерных обществ, которые в интересах инвесторов, согласно действующему законодательству, обязаны раскрывать отчетность.

По всей видимости, пришло время формирования новых подходов к информационно-статистической государственной политике. Разумеется, она не может повторить советскую практику секретности по целому ряду причин, начиная от кардинальных изменений технических информационных средств и заканчивая невозможностью ведения тотальной войны современным российским обществом. Тем не менее многие элементы советской системы секретности вполне могут быть переосмыслены и актуализированы для современных условий.

Литература / References

Батулин П.В. (2012). Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. *Ленинградский юридический журнал* (4), 152–165. [Batulin, P. (2012). Lists of military censorship in 1912–1923. *Leningrad Law Journal* (4), 152–165 (in Russian)].

² Клепча К., Огородников М., Ремизов М. (2022). На полных парусах в новый кризис. *Эксперт*, № 41, с. 64–89.

- Белоусов А.Р. (2000). Становление советской индустриальной системы. *Россия – XXI* (3), 22–67. [Belousov, A. (2000). Formation of the Soviet industrial system. *Russia–XXI* (3), 22–67 (in Russian)].
- Блюм А. (2009). *От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней. Собраны по архивным и литературным источникам.* СПб.: Искусство России. [Blum, A. (2009). *From Neolithic to Glavlit. Memorable and Entertaining Episodes from the History of Russian Censorship from Peter the Great to the Present Day. Collected from archival and literary sources.* Saint Petersburg: Iskusstvo Rossii Publ. (in Russian)].
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов* (2013). В 12 т., Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучуково поле. [*The Great Patriotic War of 1941–1945* (2013). In 12 vols., Vol. 7. Economy and Weapons of War. Moscow: Kuchukovo pole Publ. (in Russian)].
- Волковский Н.Л. (2003). *История информационных войн: В 2 ч., ч. 2.* СПб. [Volkovskiy, N. (2003). *History of Information Wars: In 2 parts, part 2.* Saint Petersburg. (in Russian)].
- Гладуэлл М. (2022). *Бомбардировочная мафия: мечты о гуманной войне и кровавые будни Второй мировой.* М.: Альпина Паблишер. [Gladwell, M. (2022). *The Bomber Mafia: A Dream, a Temptation, and the Longest Night of the Second World War.* Moscow: Alpina Publ. (in Russian)].
- Горяева Т.М. (2009). *Политическая цензура в СССР. 1917–1991.* М.: РОССПЭН. [Goryaeva, T. (2009). *Political Censorship in the USSR. 1917–1991.* Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russian)].
- Дегтев Д.М., Зубов Д.В. (2014). *Тень люфтваффе над Поволжьем. Налеты немецкой авиации на советские промышленные центры. 1942–1943.* М.: Центрполиграф. [Degtev, D., Zubov, D. (2014). *Shadow of the Luftwaffe over the Volga region. German Air Raids on Soviet Industrial Centres. 1942–1943.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ. (in Russian)].
- Зефирова М.В., Дегтев Д.М., Баженов Н.Н. (2007). *Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО.* М.: АСТ. [Zefirova, M., Degtev, D., Bazhenov, N. (2007). *Swastika over the Volga. Luftwaffe against Stalin's Air Defence.* Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Ирвинг Д. (2006). *Разрушение Дрездена.* М.: Яуза. [Irving, D. (2006). *The Destruction of Dresden.* Moscow: Yauza Publ. (in Russian)].
- Конрад Н.И. (1950). *Сунь-цзы: трактат о военном искусстве: перевод и исследование.* М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Konrad, N. (1950). *Sun Tzu: Treatise on Military Art: Translation and Research.* Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian)].
- Ларсон Э. (2021). *Страх и надежда. Как Черчилль спас Британию от катастрофы.* М.: Альпина Паблишер. [Larson, E. (2021). *The Splendid and the Vile: A Saga of Churchill, Family and Defiance during the Blitz.* Moscow: Alpina Publisher (in Russian)].
- Людендорф Э. (2015). *Тотальная война.* М.: ЭКСМО. [Ludendorff, E. (2015). *Total War.* Moscow: EKSMO (in Russian)].
- Ракитин А. (2013). *Перевал Дятлова: загадка гибели свердловских туристов в феврале 1959 года и атомный шпионаж на советском Урале.* М., Екатеринбург: Кабинетный ученый. [Rakitin, A. (2013). *The Dyatlov Pass Incident: The Mystery of the Death of Sverdlovsk Tourists in February 1959 and Atomic Espionage in the Soviet Urals.* Moscow, Ekaterinburg: Kabinetny ucheny Publ. (in Russian)].
- Санчес-Сибони О. (2022). *Красная глобализация. Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущева.* СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика. [Sanchez-Sibony, O. (2022). *Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev.* Saint Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossica Publ. (in Russian)].
- Симчера В.М., Соколин В.Л., Машихин Е.А., Шевяков А.Ю. (2001). *Энциклопедия статистических публикаций.* М.: Финансы и статистика. [Simchera, V., Sokolin, V., Mashihin, E., Shevyakov, A. (2001). *Encyclopedia for Statistical Publications.* Moscow: Finance and Statistics Publ. (in Russian)].

- Минаев А.В. (ред.) (1999). *Советская военная мощь от Сталина до Горбачева*. М.: Военный Парад. [Minaev, A. (ed.) (1999). *The Soviet Military Power from Stalin to Gorbachev*. Moscow: Voenny Parad Publ. (in Russian)].
- Туз А. (2021). *Всемирный потоп. Всемирная война и переустройство мирового порядка, 1916–1931*. М.: Изд-во Института Гайдара. [Tuz, A. (2021). *Global Flood. World War and the Reorganization of the World Order, 1916–1931*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute (in Russian)].
- Уткин А.И. (2008). *Подъем и падение Запада*. М.: АСТ. [Utkin, A. (2008). *The Rise and Fall of the West*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Уткин А.И. (2010). *СССР в осаде*. М.: ЭКСМО, Алгоритм. [Utkin, A. (2010). *USSR under Siege*. Moscow: Eksmo Publ., Algoritm Publ. (in Russian)].
- Фомин Д.А. (2023). Война и статистика. *Journal of Institutional Studies* **15**(2), 61–76. [Fomin, D. (2023). War and statistics. *Journal of Institutional Studies* **15**(2), 61–76 (in Russian)].
- Фомин Д.А. (2024). Миф о Левиафане: новое прочтение британского историка. Размышления о книге М. Харрисона «Тайный Левиафан. Секретность и государственная дееспособность при советском коммунизме». *Terra Economicus* **22**(1), 6–31. [Fomin, D. (2024). The myth of Leviathan: A new interpretation by a British historian. Reflections on Mark Harrison's Secret Leviathan: Secrecy and state capacity under Soviet Communism. *Terra Economicus* **22**(1), 6–31 (in Russian)].
- Ханин Г.И. (1993). *Советский экономической рост: анализ западных оценок*. Новосибирск: ЭКОР. [Khanin, G. (1993). *Soviet Economic Growth: Analyzing Western Assessments*. Novosibirsk: EKOR Publ. (in Russian)].
- Швейцер П. (2021). *Тайная стратегия развала СССР: роль администрации США*. М.: Родина. [Schweizer, P. (2021). *The Secret Strategy for the Collapse of the USSR: The Role of the US Administration*. Moscow: Rodina Publ. (in Russian)].
- Шлыков В.В. (2001). Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах. *Военный вестник* (8), 18 с. [Shlykov, V. (2001). What Ruined the Soviet Union? American intelligence on Soviet military expenditures. *Voenny vestnik* (8), 18 p. (in Russian)].
- Шпеер А. (1997). *Воспоминания*. Смоленск: Русич. [Speer, A. (1997). *Memories*. Smolensk: Rusich Publ. (in Russian)].
- Harrison, M. (2023). *Secret Leviathan: Secrecy and State Capacity under Soviet Communism*. Stanford: Stanford University Press.

Terra Economicus, 2026, 24(1): 99–114
DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-99-114

Taking down a mammoth: Cooperation strategies of great and middle powers in challenging the hegemon

Anne Crowley-Vigneau

MGIMO University, Russia, e-mail: vigneau.a@my.mgimo.ru

Andrey Baykov

MGIMO University, Russia, e-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Zhang Tinghao

Peking University, Beijing, China, e-mail: zhangtinghao@pku.edu.cn

Citation: Crowley-Vigneau A., Baykov A., Zhang T. (2026). Taking down a mammoth: Cooperation strategies of great and middle powers in challenging the hegemon. *Terra Economicus* 24(1), 99–114. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-99-114

The paper investigates, through the analysis of original expert interviews, the conditions under which a group of great powers has emerged in the international system to challenge the hegemonic leader. The findings reveal that the current transition to a multipolar world order is fashioned by challengers which use the values, once promoted by the West, of equality, non-discrimination, self-determination, as well as the institutions originally designed to uphold them, to call out US conduct on the global stage and advance a new multipolar international decision-making model. The US appears as a mammoth, a representative of a past world order governed by coercion, that has lost its credibility as an international peace broker. Beyond cooperating between themselves to dislodge the hegemon, great powers are benefiting from the support of a group of rising middle powers who wish to see China and Russia take on the role of social stabilizer, global spokesperson, and economic leader.

Keywords: *hegemony; unipolar world; multipolar world; BRICS; middle powers*

Как одолеть мамонта: стратегии сотрудничества великих и средних держав в противостоянии гегемону

Виньо Анн

МГИМО МИД России, e-mail: vigneau.a@my.mgimo.ru

Байков Андрей Анатольевич

МГИМО МИД России, e-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Чжан Тинхао

Пекинский университет, КНР, e-mail: zhangtinhao@pku.edu.cn

Цитирование: Crowley-Vigneau A., Baykov A., Zhang T. (2026). Taking down a mammoth: Cooperation strategies of great and middle powers in challenging the hegemon. *Terra Economicus* 24(1), 99–114. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-99-114

В статье на основе проведенных экспертных интервью рассматриваются условия формирования в международной системе группы великих держав, бросающих вызов гегемону. Полученные результаты показывают, что переход к полицентричному миропорядку осуществляется за счет действий государств-оппонентов, которые апеллируют к ценностям, некогда продвигаемым Западом: равенству, недискриминации, праву на самоопределение, а также к институтам, изначально созданным для их поддержки. Эти действия направлены на ослабление позиций США и продвижение новой модели принятия решений в полицентричном мире. Соединенные Штаты предстают в образе мамонта – реликта прежнего миропорядка, основанного на принуждении. Как следствие и в духе нормативно-конструктивистской логики, Вашингтон более не способен эффективно выполнять функции мирного посредника и архитектора постконфликтных договоренностей на своих условиях – ключевые для гаранта международного порядка. Помимо координации собственных усилий по вытеснению гегемона, великие державы заручаются поддержкой со стороны восходящих держав среднего уровня, заинтересованных в становлении Китая и России в качестве противовеса американскому гегемонизму, выразителей глобального большинства и региональных экономических лидеров.

Ключевые слова: гегемония; однополярный мир; многополярный мир; БРИКС; державы среднего уровня

JEL codes: O10, N90

Introduction

The theorization of Great Powers, which is one of the foundations of political realism, is state-centric and presumes that challengers, in order to represent a credible threat to a declining hegemon, should acquire all the characteristics of power including its economic, social, military, demographic, and geographical dimensions. This paper explores how a group of rising powers, none of which yet possesses all of the components of power to a sufficient degree to alone take down the hegemon, are through a concerted effort together with middle powers, effectively challenging US power. A hegemon has been defined in the literature as an actor with overwhelming capability to shape the international system through both coercive and non-coercive means (Gilpin, 1981). Middle powers

are generally described as states that are not great powers but have enough power to stand on their own and exert a degree of influence on international relations (Robertson, 2017). For the purpose of this paper, we consider as great challenger powers the four founding members of BRICS, all the while accepting that defining a great power is a contentious issue. Brazil, Russia, India and China are members of various (overlapping) intergovernmental organizations but retain their full strategic autonomy, and their cooperation is based on a circumstantial “joining of forces” rather than a common identity or shared long-term interests. They do, however, display discursive similarities in how an ideal world order is depicted in their respective strategic narratives (Crowley-Vigneau et al., 2024).

A qualitative methodology based on fifteen interviews with scholars and diplomats has enabled the authors to investigate the intentions and worldviews of the contenders, evaluate their willingness and capacity to inflict damage on US power and predict their structural contribution (in Susan Strange’s usage of the term) to a new world order.

This paper looks into the nature of the cooperation of these four countries and their capacity to alter the balance of power in the international system and challenge US dominance. To do so, the authors present an extensive literature review on Great Powers, bringing together traditional concepts with their latest interpretations and carry out an original inquiry based on interviews conducted with specifically-selected IR experts and diplomats from the four focus countries.

The authors demonstrate that a group of rising powers has emerged in the international system equally committed to challenging the hegemonic leader. The findings identify a number of factors contributing to the ongoing transition to a multipolar world order. First, the values of equality, non-discrimination, self-determination, and the institutions created to uphold them, notably by Western powers themselves, have inspired other powers to call out US behavior on the global stage and demand that the rule of law be applied beyond the hegemon’s own interests. Second, US behavior on the world stage has damaged its reputation at home, leading to internal questioning of whether it should adopt a policy of retrenchment, and abroad, leading to contestation of its role as an international peace broker. Besides cooperating to challenge the hegemon, rising great powers are also adopting other roles such as those of social stabilizer, global spokesperson and cultural integrator.

The remainder of this paper proceeds in four parts: a review of the current literature on global power competition is followed by a methodological part showing how the empirical investigation was executed, a findings section highlighting key ideas from the expert interviews and a discussion part showing the paper’s contribution to the existing literature.

Great Power Competition: Overview of the literature

This section recalls the realist tradition, its main tenets and how the emerging multipolar world order is defining structurally and ideationally the competition and foreign policy of states. Special attention is paid to rising powers and their capacity to ascend to Great Power status.

The analysis of Great Power Competition is a classic part of realist studies of international relations, with scholars as far back as Thucydides studying the interplay of states aspiring to dominate the international system. While some note it dwindled away towards the end of the 20th century and returned to the fore anew in the 21st century with the rise of great power rivalry, other scholars believe it to be a constant feature of international relations with Nexon noting “competition among great powers cannot return, because it never really went away”¹. The strategic use, explanatory power and capacity to create positive outcomes of Great Power Competition has been questioned by scholars who believe that focusing on rivalry may actually stir it up (Porter, 2019; Colby, Mitchell, 2020). Nonetheless, it remains a concept of choice for policymakers, with many US administrations using it to analyze the world order (see White House statements and strategy documents on the importance of gaining a comparative advantage²).

The core principles of national interest and the struggle for power in an anarchical system were described and reviewed at length by H. Morgenthau (1948) who also defined the survival of the state and the preservation

¹ Nexon, D. (2021). Against great-power competition: The U.S. should not confuse means for ends. *Foreign Affairs*. <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-15/against-great-power-competition> (accessed on November 17, 2023)

² National security strategy of the US (2017). <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed on November, 20 2023)

of territorial integrity as priorities above all others. Power competition and collaboration are two interaction mechanisms that states deploy when their interests clash in the first case and coincide in the second. States can accommodate other states' desires by deciding which of their own interests are a priority and which are secondary, in order to avoid conflicts (Morgenthau, 1948). The international system is rarely at an even balance and skilled leadership is required to preserve peace. Great Power competition focuses on the struggle between states that are key players in the international system due to military might, economic strength, diplomatic ability but also the belief that they deserve this status (Wohlforth, 2007) and acceptance thereof of other members of the great power club. K. Waltz (1993: 50) defined the main attributes of Great Powers as "population and territory, resource endowment, military strength, economic capability, political stability and competence". Great Powers are more likely than ordinary states to be involved in armed conflicts at any given time because of the sheer size of their resources and ambitions. Great Powers are often recognized as such specifically as a result of their winning a war, making the ability to successfully wage an armed conflict an indelible part of their identity (Levy, 2014). Nuclear weapons are considered to be an essential feature of military preeminence and the majority of Great Powers have them. The prestige linked to nuclear weapons is dual, both demonstrating a country's scientific capacity (as an advanced degree of technical skill is necessary to make them) and its undeniable ability to ensure its own security (O'Neill, 2006).

Great Powers have de facto shown throughout history little concern about ordinary states who are expected to align their policies with one or several large states (Lemke, Reed, 2001). Great Powers do not measure their influence against middle powers or weak states and failure to contain the ambitions of lesser states leads to a significant loss of credibility and most likely to the end of Great Power status (Mearsheimer, 2001). It is assumed that the abundance of resources that Great Powers have at their disposal make it impossible for smaller states to "catch up" (DiCicco, Onea, 2023). Great Powers need to consult with others of their rank before making decisions that affect the international arena in order not to risk unwittingly encroaching on their interests and humiliating them in any way (Schroeder, 1994). Disrespect for another Great Power that threatens their status can lead to rash behavior on the part of the threatened state to uphold their status and show their capacity to deal a blow on other players (Murray, 2018). While middle powers compete mostly with their neighbors, Great Powers have rivalries which are not restricted by geographic considerations, as is illustrated by the competition between the USSR and the US during the Cold War. The rest of the world represents a "playing ground" or battle ground in some cases for their competition (She, 2021). In an anarchical system, Great Powers risk losing ground as their peers gain power according to the rules of a zero-sum game. According to this perspective, states benefit more from increasing their relative power than they do from increasing their absolute power (Schmidt, 2004). Great Powers have a natural propensity to restrict access to the club to other players as the prestige of their privileged status is naturally dependent on its exclusivity (Powell, 1991).

Great Power status is not declarative and this status can only be conferred upon you with the recognition by your peers (Lebow, 2009). Great Powers are defined as such because they have the ability and willingness to compete with others. Being in the club of Great Powers implies recognition and respect from your peers but also responsibilities (Murray, 2018). The scope of ambitions of Great Powers go beyond ensuring their own security as they seek to align entire regions with their economic, ideological or other priorities. Great Powers are considered not just to influence but also to have a responsibility to the rest of the world and frequently on the basis of different institutions form a concert to solve the challenges of the day (Brown, 2004).

Great Powers acquire the ability to compete mainly due to their military and economic might, but their rivalry usually spans a large number of other spheres that are interdependent one of the other: technological innovation, scientific research, financial regulation, discourse control, diplomatic ability (Thompson, 1999, Crowley-Vigneau, le Saux, 2021). Great Powers typically boast ample material resources including expansive territories, large population and high levels of wealth, as well as non-material resources. The possession of material resources in itself defines power according to Mearsheimer (2001), who argues that states who have them will naturally aspire to be recognized as a Great Power. Oppenheim (1912: 170) also insisted that countries owed their greatness to "nothing else than actual size and strength". Material power is called "compulsory power" by Barnett and Duvall (2005: 49) suggesting that possessing resources leads automatically to a change of other

players' behavior (DiCicco, Onea, 2023). Other scholars disagree and focus on states' capacity to convert resources into power and in some cases their inability to do so (Kline, 1994). Great Powers may also need immaterial resources, such as a great diplomatic corps, an effective education system, active civil societies, in order to be able to project power abroad (Ibid., 1994). Nevertheless, countries that have the ability to become Great Powers are thought to naturally gain from doing so, as only decisive players on the international stage can shape it to their advantage. Conversely, failing to transform economic potential into military power pushes states to the sidelines of the global decision-making process and the likelihood they will be overtaken by other more ambitious states is high, leading in some cases even to an existential threat (as explored by Israel and Evans (1995) in the case of the Netherlands at the end of the 18th and start of the 19th centuries).

The place of different states in the international system is nevertheless liable to change as it cannot be stabilized forever. Scholars have concentrated on the analysis of transitions from one dominating power to another. According to the literature, states that have the potential to become Great Powers eventually seize the opportunity to rise and compete at an international level (Mearsheimer, 2006). The risk of war and conflict is high in a system characterized by a zero-sum game and dominated by Great Powers: the constant determining of spheres of influence and the aspiration for global domination of one state bring about frequent altercations (Kapstein, Mastanduno, 1999). Great powers may on occasion seek a revision of the status quo and attempt to oust one or several players from the privileged club: this is typically a time of open conflict on the international stage (Luard, 1992). Another perilous time is when the leading power in a unipolar world is downgraded to becoming a Great Power among others and has to accept multipolarity (Layne, 2006). As it shrinks, the power gap between the dominant power and its competitors, encourages the former to seek out ways to maintain its "privileged standing" (Istomin, 2023). Proponents of the idea of a balance of power believe that the international stage is at its most peaceful if might and influence are relatively evenly shared between Great Powers and none dominates the others thus generating an equilibrium (Levy, 1981). Great Powers attempt to prevent each other from becoming dominant by forming coalitions and most bids to become an uncontested leader have historically failed (Schroeder, Schroeder, 2004). Other scholars hypothesize that only unipolarity or the predominance of one state over all others can ensure lasting peace and stability on the international stage (Wohlforth, 2014). Power transition theorists, by holding a war ledger to historically determine what provokes violent conflicts, concluded that it is rivalry and an equal distribution of power between major players that leads to periods of increased warfare (Organski, Kugler, 1980). History offers many examples of violent transitions, habitually referred to as "hegemonic wars" including the two world wars of the 20th century (Gilpin, 2015). Peaceful transitions are also possible, as in the case of the UK allowing the US to become the dominant power without any military confrontation taking place. Some sceptic scholars underline the very specific context of that transition as the two countries shared not only economic and political values but also had a common cultural background (Klein et al., 2008).

The international system is thought to currently be undergoing a power transition from a unipolar to a multipolar structure. Some realist scholars from the US emphasize the resilience of the United States and its capacity to remain the primary and uncontested power for years to come (Wohlforth, 2014). They argue that fear that the US is in decline is nothing new and that previously on three different occasions (during the 1950s with Sputnik, the 1970s with Vietnam and stagflation and in the 1980s with Japan viewed as a possible challenger) the threats that were identified did not lead to any permanent structural change in the international arena (Wohlforth, 2007). Each occurrence of a redistribution of power does not necessarily offer contender states the opportunity to take over. According to this perspective, the most serious contender is currently China and this country does not have all the features of a great power, with its economic potential being overestimated: having a large economy does not necessarily allow a country to wield power (Wohlforth, 2007). The United States has, according to Brooks and Wohlforth (2023), no true rivals and retains an unparalleled ability to project power through balancing, the number and degree of commitment of its allies, superior technological capacity and military capability.

Other scholars recognize the decline of the US, the rise of not one but several competitor states, seeking to revise the international order. America's doctrine of intransigence towards political opponents has led to

organized opposition against US unilateral global decision-making (Balatsky, 2024). New alliances between them, particularly between China and Russia, bringing together their vast economic and military capacity, are deemed to effectively counterbalance American supremacy. US reluctance to accept multipolarity runs the risk of actualizing the threat of a major hegemonic war (Layne, 2006). A US decision to accommodate China and other powers may result in a more peaceful transition (Ward, 2017). Much depends on China and Russia's intentions and their aspirations on the global stage. Contemporary realist scholars view with suspicion assumptions that China seeks to develop only its economic might and limit itself to a regional influence, with J. Mearsheimer noting that there is no such thing as a "peaceful rise" (2001). Most theorists, regardless of their school of thought, recognize the fact that China and Russia's rise has already led to aspirations to participate in global decision-making. The degree to which these great powers are satisfied (or dissatisfied) with the way they are being treated by the United States and other major actors may determine the course they take during the transition and whether it becomes violent.

The Russian school of international relations does not view the emergence of a multipolar world as a recent phenomenon and argues that its grassroots appeared in as early as the 1990s, a period during which American scholars focused on studying the uncontested nature of US power (Shakleina, 2023). The concept of "pluralistic unipolarity" was developed to explain the US's preeminence but also its dependence on political and military allies (Bogaturov, 2006). The US is described as the center of a mono-polycentric structure that can influence outcomes, but does not control all that happens. The end of the bipolar order led to both poles being disbanded according to Batalov, as one existed and defined itself vis-a-vis the other, leading to a situation of nonpolarity, a sort of vacuum that required all states to redefine their position in the international system (Batalov, 2001). A stable international order can only be the result of a joint effort of the international community and its acceptance will depend on the participation of a large number of states (Batalov, 2005). During the 2000s, the US required states to sacrifice their interests in the name of a common liberal good without making the same sacrifices itself and it failed to enlarge the core of states that supported it despite the rapid emergence of India, China, Brazil and other, whose loyalty it became unable to command (Shakleina, 2023). The theorization of the US as an "empire" in American scholarship that underlined its impunity led to a harsh rejection by Russian scholars and its political leadership (Bogaturov, 2006). In spite of their different worldviews, the US, Russia and China have been the main players on the world arena since the 2010s, going from cooperation to confrontation, and mobilizing the support of their respective allies (Shakleina, 2023). Opposition between the Great Powers broke out over the US's liberal interventionist policies and particularly over Libya, Yugoslavia, Iraq, Afghanistan and Kosovo. The US has sought to consolidate its power by using the EU as a platform for global agenda-setting and China as a custodian of the global economy while itself remaining the military enforcer of the world order (Voskressensky, 2019). However, the tables have started to turn and US retrenchment from the 2000s onwards led to aspirations from China and Russia to offer the world a different model of development (Brooks et al., 2012). The progressive US decline and the aspirations of its competitors to project power have led to an increase in "the use of armed force in political signaling", with clashes in Eastern Europe, the South and East China seas, the Middle East being cases in point (Istomin, 2023: 92). The US's policy of engagement with China facilitated according to some scholars the country's rise and failed to avoid the development of a rivalry (Mearsheimer, 2021).

While the EU is a pole of power that shares some of the US's ideological worldview and supports (or at least fails to oppose) for the most part its global agenda, it is Russia and China that have become true contesters of the current world order. Russia's intentions are voiced more clearly than China's, which maintains to this day its desire to cooperate with the US, while nevertheless resenting its "political manipulation"³. China's bid to overturn the current situation has been so far regional rather than global in nature, and limited in scope to the selective contestation of some material and normative pillars of the US led-order (Foot, 2020). China is slowly leveraging its economic power, through debt-trap policies and trade wars, but has kept its foreign policy statements conservative (Kim, 2019). Moderation in China's rhetoric and peaceful statements should not be considered as a guarantee that China's empowerment will necessarily be non-violent. Additionally, the country has started to declare its interests in a clearer form

³ China hails Xi-Biden meeting despite "dictator" remark (2023). <https://www.bbc.co.uk/news/world-asia-china-67447121> (accessed on November, 20 2023)

than previously, with Xi Jinping openly addressing a contentious issue and noting that “reunification with Taiwan must be fulfilled”⁴. China is effectively engaged in Great Power Competition with the US in East and Southeast Asia, where the former is using anti-access and area-denial strategies to limit US naval access to seas in the region and the US is responding in kind (Caverley, Dombrowski, 2020).

Russia has gone from expressing clear irritation at US meddling in its internal affairs and its encroachment on its zone of influence in Eastern Europe to entering in 2022 an indirect military conflict with the US and Western Europe in Ukraine. The worsening of the relationship unfolded over several decades and led to the use of different strategies to contain the other party. The US specifically targeted Russian interests through subversion by promoting liberal democratization at all costs and fomenting unrest resulting in color revolutions in Eastern Europe (2003–2004 Rose revolution in Georgia, 2005 Tulip revolution in Kyrgyzstan and the 2004 Orange revolution in Ukraine). “The desire to accelerate liberalization in some instances had little correlation with the local environment and was based not so much on an analysis of the specific conditions in each country, as they were on some idealized belief in democratization as a universal tool for addressing the economic and political challenges of modernization” (Baykov, Bolgova, 2023: 591).

Russia has also been accused of using subversion techniques to forward its interests and discredit the US. This is unsurprising to some scholars who note “Subversion–domestic interference to undermine or manipulate a rival–has always been a part of great-power politics” (Kastner, Wohlforth, 2021). Subversion can be viewed as an effective low-cost and low-risk, at least compared to military confrontation, way of weakening and discrediting your opponent (Kastner, Wohlforth, 2021), although some contend that it carries limited benefits and hidden costs, particularly when it is targeted at major powers (Istomin, 2022). While the existing literature presents how great powers emerge, evolve and fail, and considerations on the trajectories of the US are ubiquitous, there is a gap as to how BRICS countries, not individually but as part of a joint strategy, contribute to the downfall of the US-led world order. The role of Brazil and India is particularly understudied.

This section provided an overview of the existing debates in the literature concerning how great powers interact on the international stage. The following section highlights the research design that allowed the authors to carry out an investigation into the strategies developed by rising great powers to challenge the hegemon.

Methodology

The research is based on a realist worldview, characterized by the belief that the international system is anarchical, and that states are rational actors that strive to survive and improve their security by increasing their power. Sovereignty is a primary concern for all states and a hegemon that threatens state sovereignty needs immense resources to keep rising powers that feel threatened at bay. Morality and values have a limited role to play, however a balance of power on the international stage can help maintain peace. This conceptual background guides our analysis of the emergence of multipolarity.

The authors use a qualitative data collection process, including fifteen expert interviews conducted between January and March 2023. The goal of the study is to determine, based on the consultation of professors in International Relations and diplomats from four countries, how and to what extent rising powers can influence the decline of the US and contribute to the emergence of a multipolar world. More specifically, the research question is: What are the strategies adopted by competing great powers to accelerate the decline of the US and promote multipolarity? The semi-structured interviews were conducted using an interview guide consisting of twelve main questions and twenty-four probes. The questions aimed at determining in a neutral way the respondent’s perspective on the role of the US in the international system, its ability to maintain its global power, the ambitions and cooperation strategies of middle powers as well as the expected structure of the international system in ten to twenty years’ time. The respondents who predicted a decline of US power (which turned out to be all the respondents) were asked about the reasons for the country’s downfall. These causes (US behavior of the world stage, Western values that empower lower-ranking states) and their description of the future world order are presented in the findings section of this paper.

⁴ China-Taiwan tensions: Xi Jinping says “reunification” must be fulfilled (2021). <https://www.bbc.co.uk/news/world-asia-china-58854081> (accessed on November, 20 2023)

First contact with the experts and diplomats was made during embassy dinners and formal receptions in Moscow in the course of the years 2023–2024, such as:

- the celebration of the Chinese New Year (January 2023) at Chinese Embassy in Moscow;
- the reception at the Chinese Embassy dedicated to the 75th anniversary of the founding of the People's Republic of China and the establishment of diplomatic relations between China and Russia (September 2024);
- celebration of India's 78th Independence Day and Bharat Week celebration at the Embassy of India in Moscow (August 2024);
- Independence Day of Brazil celebrated in the "Zaryadye" Concert Hall (September 2023).

On such occasions, the authors identified specialists with a deep understanding of the global system and capable of conveying the viewpoint of their country on changes taking place in the world order. The experts were contacted after the event and asked whether they would be willing to be interviewed, with the goal of the research project being explained from the start as well as the possibility to retract from the study up until the results are processed. Prior to conducting the interviews, the authors checked that the respondents met at least one of the following criteria:

- at least 5 academic articles published in Q1 and Q2 journals (Scopus ranking) over the past five years (2020 to 2024) on the international power system;
- a permanent position in the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Brazil, India or China at the rank of Second Secretary or higher;
- a permanent position of Head of Department or higher in the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Brazil, India or China.

Respondents were also selected to represent the four countries' nationalities with four respondents being Russian nationals, four Indian nationals, four Chinese nationals and three Brazilian nationals. A detailed anonymized list of the experts interviewed is available in Appendix. This purposive sampling does not claim to be statistically representative of the entire population of these countries but aims to present different perceptions of the changes in the power balance as well as the dominant perspectives of the four focus countries in their respective decision-making, policy and expert (epistemic) quarters.

The study was carried out respecting ethical best practices, with the protection of the anonymity of all respondents. All the interviews were transcribed and coded based on overarching themes, and the factual information provided by respondents was triangulated and fact-checked through the use of secondary sources including reliable news outlets, legal websites and official documentation. One of the limitations of this study is that the respondents are all male, which is partially but not completely representative of the social composition of high-level positions in diplomacy and academia. Additionally, the fact that interviews were conducted in Moscow after 2022 may have had an impact on the selection and stance of the respondents, who are more likely to sympathize with Russia than randomly selected diplomats and experts from those countries. However, this is not a selection bias as readers are duly informed of the way the respondents were chosen. Another limitation of this research is the limited scope (four countries) which excludes South Africa and other more recent additions to the BRICS organization from the study. The goal was however to focus on the larger and more powerful members of the organization, specifically the great powers, and how they build their strategy by attempting to cooperate as a united front.

Findings

The research design described in the previous section allows us to answer the research question by revealing the three main strategies of rising powers in attempting to take down the hegemon. The interviews provide novel insights on the behavior of Brazil, Russia, India and China in the face of current challenges and new opportunities.

Strategy number 1: Rising great and middle powers capitalize on the fatigue with the Western world order and the mistakes made the US

The first finding transpiring from the study is that the US is in decline and that this regress results from internal challenges and the contested actions of the West on the world stage that a group

of competitors has decided to capitalize on. There appears to be a consensus among respondents who outline the US track record of intervention in foreign countries since 1945, its disrespect for international law, its promotion of a liberal agenda only when it suits its interests and its failure to protect the international community against cases of genocide and the infringement of human rights, including the use of torture, on its own territory. While most respondents agree with the realist idea that states look out for themselves and their populations first, the hypocrisy of diffusing messages of global cooperation while actively undermining other states' interests gives rise to resentment among those interviewed but also, they claim, among the populations of their countries of origin. The US failure to effectively address contemporary global problems such as climate change was underlined by respondents from Brazil and India. Respondents from China and Russia criticize the "collective West" rather than just the US, seeing Western European countries and particularly the UK as enablers of US dominance. They also perceive the West as jointly responsible for the historical colonial crimes committed by European countries. The behavior of contesting great powers ranges from a relatively passive strategy of waiting until the US has sufficiently declined before engaging in a direct confrontation (India and Brazil) to calling out US actions on the world stage and openly clashing with the frail hegemon (China and Russia). The belief that US power has been damaged by the country's actions and will lead to its demise is however shared by all respondents to some degree.

"It's not powerful competitors but US policy that has undermined the Western world order. Smaller Western partners have a bloody history (think of the UK's opium wars) but it is the US which has a recent track-record of extreme violence."

Ministry of Foreign Affairs of China, interview 2

"No one needs to put in any effort to discredit the idea that the US is a source of international peace. It has targeted 29 countries since 1945 and has dropped with its Western allies an average of 46 bombs a day for the last twenty years. It's not like the world community hasn't noticed."

Ministry of Foreign Affairs of Russia, interview 6

"The US is a conflict-ridden country, from political instability reflected by riots over presidential elections to gun violence, the use of torture and racial riots. Intervening abroad, it has spread itself too thin."

Ministry of Foreign Affairs of India, interview 8

"The Iraq war represented a turning point beyond which the US could no longer plead it was respecting international law in any tangible way. Now we feel no moral obligation to align with the US. We are free to take whatever stance we choose on recent conflicts, particularly the Ukrainian conflict."

Ministry of Foreign Affairs of India, interview 7

"It was great for the US when promoting liberal values coincided with its national interests. It does not any longer and its leadership treads a fine line. Now the US has to turn a blind eye to all the things Modi does that it disagrees with, particularly its cooperation with Russia. The US cannot afford the loss of a strategic partner which it uses to contain China."

Russian University, interview 14

"US policy in Gaza has made people angry across the world. The failure to apply the responsibility to protect in a genocidal situation shows once again the US's double standards."

Brazilian university, interview 3

"The US lags behind in important projects for humanity, such as combatting climate change. It should be leading the way but instead each administration one after the other champions new oil and gas production, particularly in some of the most environmentally damaging forms such as fracking."

Ministry of Foreign Affairs of Brazil, interview 5

“Our proverb ‘Use if it suits you, disregard in other cases’ applies perfectly to the US use of international institutions. When the UN helps to legitimize US aggression, they use it, when they fail to gather support, they do without it.”

Ministry of Foreign Affairs of China, interview 12

Strategy number 2: Rising great and middle powers use governance principles developed by the West to demand equality on the international stage

The second major finding is that, although rising great powers no longer believe in the US’s stance on liberal values, they are intent on using Western-lobbied principles of equality, the rule of law and representativeness to promote their own rights in the face of the hegemon. Like the middle class which emerged in the 19th century and converted economic success into political power, rising powers in the international system are seizing new opportunities to fight the established international political order. Some respondents underline the turning point that the Ukraine crisis represents in International Relations, with the US realizing it commands the loyalty of fewer states than it expected. The impact of economic sanctions was also overestimated and the US inability to undermine Russian development has weakened the perception of US power. Rising powers, represented by BRIC nations, are the new mouthpiece and stronghold for global values and rights. The West is confronted with a contradiction by which it cannot deny other states the privileges it allows itself and its partners because of the ideological stance it has taken.

“BRICS, a new group of powerful states has emerged claiming for themselves the rights that the West has proclaimed to be universal. We want an equal right to govern the international system, to establish the rules and enforce them, to decide which countries present a threat and which do not.”

Ministry of Foreign Affairs of Brazil, interview 5

“The Ukraine conflict and the failure of the US to command loyalty from the great powers including China and India reflects a significant change in the current world order. Countries chose their national interests above bandwagoning.”

Russian university, interview 14

“Russia is constantly trusting those around her and being betrayed. Our leadership always believes in the good faith of other governments, in their security guarantees, in their empty promises and this often leads to disappointment. [...] The West has tricked too many countries though, and the coalition to end US domination is growing.”

Ministry of Foreign Affairs of Russia, interview 6

“Globalization should be global, it should not turn into Americanization. Yes, I’m happy to watch programs, listen to music and use technology from around the world. No, I don’t want everything all around me to show only US culture. Americanization is the instrument of US power.”

Russian university, interview 15

“The US has had to soften its ‘either you’re with me or you’re against me’ discourse. First, the US threatened India for cooperating with Russia. Now the US is using balancing techniques, particularly by intensifying its collaboration with Pakistan.”

Ministry of Foreign Affairs of India, interview 10

“Russia is a testing ground of what happens when a powerful country angers the West. Although the US has tried to make an example of it, it has failed and shown the limits of its power to contain its rivals.”

Ministry of Foreign Affairs of Brazil, interview 4

“We have global multilateral institutions. The system is there for multilateral governance. We just need to use it. We need to express the aspirations of the international community.”

Indian university, interview 9

“It is time to express our beliefs that all countries should be entitled to economic growth, should not fear random punishment or infringements of their sovereignty. We are economically empowered to fulfil this role of speaker of global interests.”

Ministry of Foreign Affairs of India, interview 10

Strategy number 3: Cooperation with lesser powers provides rising powers the legitimacy and power to challenge the US

The third finding reveals the ambitions of BRICS countries to end the unipolar world and promote multilateral governance by actively enrolling the support of less powerful states in the global arena. The strategy is characterized by displays of solidarity of small states with the ambitions of BRICS countries to reform the international system. BRICS countries also put together initiatives to support a widening of the number of participants in international decision-making. Respondents express wide support for BRICS intentions to challenge the US and embrace a new leadership role in the world. Many emphasize the role of the Ukraine conflict in forcing countries to define their loyalties and resist US pressure. Not only is the US economically and socially in decline, its strong stance against Russia has fostered globally a new awareness that the largest countries and economies on the planet wish to see the end of Western dominance. Respondents also noted that BRICS countries have different geopolitical interests and countries within the organization can balance each other and avoid the emergence in the future of a new absolute hegemon. BRICS countries recognize that the new multipolar geopolitical system would still rest upon traditional components of power but believe that an understanding of different interests and mutual respect that allow for a peaceful multipolar world order.

“We will finish US dominance. Not on our own but with the other countries – India, the Emirates, Iran- the mood is brave. We talk for the underdog.”

Russian university, interview 15

“When we complain to the Chinese, ‘why don’t you support us publicly?’ [about the Ukraine conflict], they answer: ‘would you prefer actions or words’. And it’s true, the Chinese don’t need to make big speeches, they help through actions, they help oppose the NATO actions.”

Ministry of Foreign Affairs of Russia, interview 6

“States pursuing their national interests rather than non-descript universal ideals. This is the basis for productive intergovernmental cooperation. Interests may not always coincide but at least the game is predictable and shared goals can be identified.”

Ministry of Foreign Affairs of Brazil, interview 4

“India has turned from an important tool in the arsenal of the USA allowing it to counter Russia and China into a challenger in its own right.”

Ministry of Foreign Affairs of India, interview 10

“The friendship, if you can call it a friendship, between India, Russia, China and Brazil is circumstantial. We don’t all have the same geopolitical goals, culture or values. But we all want to be equal in the international system. And you know who made us want that? Three guesses! The West.”

Indian university, interview 9

“We can agree to agree on some issues and to disagree on others. We don’t act like children, we don’t get offended. We bargain. We make sure everyone comes away happy from the negotiating table. We don’t demonize countries who do things differently like the US does.”

Ministry of Foreign Affairs of Russia, interview 11

“Interests are more important than values. They make a better basis for cooperation. BRICS countries understand each other’s vital interests and that’s how they manage to cooperate. They avoid topics that hurt.”

Ministry of Foreign Affairs of China, interview 1

“BRICS promotes values that smaller states can relate to. It’s a union ‘against’ rather than a union ‘for’. Against tyranny, against unilateralism, against external intervention in state sovereignty. But as the BRICS countries have different interests, they won’t form a coherent whole.”
Ministry of Foreign Affairs of Brazil, interview 5

“BRICS is strong because countries believe that each of them is making a bet on multipolarity not bipolarity or unipolarity. They trust each other not to become the next hegemon. They also balance each other’s ambitions. In any country steps out of line, the other states will react to keep multipolarity.”
Brazilian university, interview 3

“Trust but verify. A dear Russian proverb. BRICS are happy to trust and check each other. And so the rest of the world stay happy too.”
Russian university, interview 15

This section highlights the strategies adopted by rising powers in the face of changes in the power balance on the international stage, which range from taking advantage of US weaknesses and allowing it time to “shoot itself in the foot”, to consciously using Western values to promote a more equal participation in international affairs and gathering sympathy from smaller states.

Discussion

The findings, which are based on the perceptions of our group of respondents, suggest that we are undergoing a power transition to a multipolar world in which the US will remain for a time one of several great powers, a phenomenon long-predicted in the Russian academic literature but only recently supported by irrefutable evidence. US theorization of an enduring unipolar world no longer has the ear of the international community and an argument that was easy enough to support when it was first formulated (Wohlforth, 1999) is becoming increasingly difficult to defend (Brooks, Wohlforth, 2023).

The lessons from power transition theory and the study of historical cases shed a light on US behavior: as the power gap between the hegemon and its competitors was narrowing down over several decades, the US sought to undermine its main rivals, China and Russia. While confrontation with the former has yet been limited to war-mongering and economic warfare, the US and Russia are involved in more severe hostilities that aim to isolate and incapacitate Russia as an international actor. Times of power transition are considered as some of the most unstable and the myth that China or Russia could have a “peaceful rise” have long been dispelled. Our findings add to the literature the idea that it is not so much an equal distribution of power between major players that leads to periods of increased warfare (as noted by Organski, Kugler, 1980), but the natural decline of the hegemon and, to a lesser extent, global dissatisfaction with the world order. Despite significant military and economic capacity, Russia and China caused almost no significant disruptions and engaged only in covert contestation, until the actions of the US became unacceptable to the majority of the global community. The ideological hypocrisy of the US’s liberal stance engendered additional discontent as misunderstandings and confusion over its intentions grew. The US did not start belligerent activities to contain the rise of rivals, its entire period of hegemony is marked by meddling in global affairs and contesting other countries’ spheres of influence. Hence, the great powers rivals to the US enjoy a large support base among middle powers that wish to see a greater balance of interests in the world.

This paper demonstrates that these principles voiced by the US and the West (but that they failed to apply), are now in high demand in the international community. States are looking for new leaders, as guides in a new multipolar world, to implement these values. The push for the transition away from US leadership comes from powerful rivals but also from middle powers, which have acquired new means to influence world politics, through new information technologies and economic innovation. This group of “background” states has come to the fore since the start of the Ukraine conflict, expressing in deeds and words its support to a new multilateral world order, and de facto pushing great powers to accelerate the power transition away from a unipolar world.

The emergence of a new multipolar world order however implies a number of risks for rising and middle powers. First of all, power asymmetries between middle powers with nuclear weapons and those without them could increase with the end of the unipolar world, as the absence of a leader to keep the former in check could lead to greater vulnerability of the latter. As the former hegemon walks back on its security guarantees globally, non-nuclear states may find their sovereignty threatened by middle powers with nuclear arsenals. This could lead to further proliferation of nuclear weapons as middle powers all seek to ensure their independence through any means available.

Second, even though rising power have not declared their intention to become a unilateral world power, as indicated by the interviews conducted, it remains a distinct possibility that having acquired the power to dominate, a new Great Power will seek to consolidate its power by weakening potential competitors.

This study also yields a number of policy recommendations for great powers seeking to accelerate the downfall of a unipolar world.

First, a heightened integration of trade with BRICS countries and a reduction of trade with the West would allow Russia, China, India and Brazil to cope better with potential upcoming US sanctions. This would imply developing joint projects and pooling resources in strategic areas such as AI and biotechnology, and further controlling the sales of rare minerals.

Second, the great powers should define a clearer model for their mutual military protection for when the US enters its last phase of decline and possibly engages in risky behavior lashing out at competitors. Creating alternative organizations to NATO but also to the World Bank, World Trade Organization and other Western-led organizations could help challenge the existing world order.

Third, a more coordinated diplomatic approach would allow BRICS countries and their allies to adopt similar positions on key international issues and present a united front rather than cave in to temptations of small national gains. Global public outreach initiatives should be further developed to promote BRICS vision of a multipolar world and denounce the hypocrisy of US policy.

Conclusion

A rising group of great powers has emerged in the international system and institutionally organized themselves to effectively challenge the hegemonic dominance of the United States. The findings highlight several key factors driving the shift toward a multipolar world order. First, the principles of equality, non-discrimination, and self-determination — values enshrined in institutions largely created by Western powers — have inspired challenger powers to criticize US actions on the global stage and demand that the rule of law be applied impartially, beyond the interests of the hegemon. Second, US behavior has tarnished its international reputation, prompting domestic debates about whether the country should pursue a policy of retrenchment and leading to challenges abroad regarding its role as a global peace broker. The future world order appears as multipolar as BRICS countries can balance each other's power and ensure no new hegemon emerges in the near future.

Литература / References

- Балацкий, Е.В. (2024). Американская модель глобального доминирования. *Terra Economicus* 22(2), 96–113. [Balatsky, E. (2024). The American model of global dominance. *Terra Economicus* 22(2), 96–113 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-2-96-113
- Баталов, Э.Я. (2001). Новая эпоха – новый мир. *Свободная мысль-XXI* (1), 4–13. [Batalov, E. (2001). A new era – A new world. *Svobodnaya Mysl' (Free Thought)* (1), 4–13 (in Russian)].
- Баталов, Э.Я. (2005). *Мировое развитие и мировой порядок*. М.: РОССПЭН. [Batalov, E. (2005). *World Development and World Order*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russian)].
- Богатуров А. (2006). Лидерство и децентрализация в международной системе. *Международные процессы* 4(3), 5–15. [Bogaturov, A. (2006). Leadership and decentralization in the international system. *Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)* 4(3), 5–15 (in Russian)].

- Воскресенский А. (2019). Реализация “китайской мечты” в период “эпохи Си Цзиньпина”: что ожидать России? *Мировая экономика и международные отношения* **63**(10), 5–16. [Voskressensky, A. (2019). Implementing the “Chinese dream” in the “Xi Jinping era”. What Russia should expect. *World Economy and International Relations* **63**(10), 5–16 (in Russian)]. DOI: 10.20542/O131-2227-2019-63-10-5-16
- Barnett, M., Duvall, R. (2005). Power in international politics. *International Organization* **59**(1), 39–75. DOI: 10.1017/S0020818305050010
- Baykov, A., Bolgova, I. (2023). International Relations in the Post-Soviet Space. In: *Polycentric World Order in the Making* (pp. 573–600). Singapore: Springer Nature Singapore.
- Brooks, S., Wohlforth, W. (2023). The myth of multipolarity: American power’s staying power. *Foreign Affairs* **102**, 76–91.
- Brooks, S., Ikenberry, G., Wohlforth, W. (2012). Don’t come home, America: The case against retrenchment. *International Security* **37**(3), 7–51. DOI: 10.1162/ISEC_a_00107
- Brown, C. (2004). Do great powers have great responsibilities? Great powers and moral agency. *Global Society* **18**(1), 5–19.
- Caverley, J., Dombrowski, P. (2020). Too important to be left to the admirals: The need to study maritime great-power competition. *Security Studies* **29**(4), 579–600. DOI: 10.1080/09636412.2020.1811448
- Colby, E., Mitchell, A. (2020). The age of great-power competition: How the Trump administration refashioned American strategy. *Foreign Affairs* **99**.
- Crowley-Vigneau, A., le Saux, F. (2021). Language and statecraft: An old tool for new goals? *International Trends* **19**(1), 120–138. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.9
- Crowley-Vigneau, A., Baykov, A., Gao, A. (2024). Diplomats on BRICS: Drawbacks and benefits of cooperation without integration. *Terra Economicus* **22**(2), 124–137. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-2-124-137
- DiCicco, J., Onea, T. (2023). Great-power competition. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-756> (accessed on November 17, 2023)
- Foot, R. (2020). China’s rise and US hegemony: Renegotiating hegemonic order in East Asia? *International Politics* **57**(2), 150–165. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00189-5>
- Gilpin, R. (1981). The nature of international political change. In: *War and Change in World Politics* (pp. 9–49). Cambridge: Cambridge University Press.
- Gilpin, R. (2015). Hegemonic war and international change. In: Betis, R. (ed.) *Conflict After the Cold War* (pp. 117–129). London, N.Y.: Routledge.
- Israel, J., Evans, R. (1995). *The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall, 1477–1806*. Oxford: Clarendon Press.
- Istomin, I. (2022). How not to interfere in another country’s domestic politics. *International Affairs* **98**(5), 1677–1694. DOI: 10.1093/ia/iia191
- Istomin, I. (2023). Evolution of the international security landscape in the midst of great power rivalry. In: Shakleina, T., Baykov, A. (eds.) *Polycentric World Order in the Making* (pp. 77–102). Singapore: Springer Nature Singapore.
- Kapstein, E., Mastanduno, M. (eds.) (1999). *Unipolar Politics: Realism and State Strategy after the Cold War* (pp. 26–68). N.Y.: Columbia University Press.
- Kastner, J., Wohlforth, W. (2021). A measure short of war. *Foreign Affairs* **100**(4), 118–131.
- Kim, M. (2019). A real driver of US–China trade conflict: The Sino–US competition for global hegemony and its implications for the future. *International Trade, Politics and Development* **3**(1), 30–40. DOI: 10.1108/ITPD-02-2019-003
- Klein, J., Goertz, G., Diehl, P. (2008). The peace scale: Conceptualizing and operationalizing non-rivalry and peace. *Conflict Management and Peace Science* **25**(1), 67–80. DOI: 10.1080/07388940701860466
- Kline, G. (1994). Reflections on the immaterial conditions of development. *Journal of Third World Studies* **11**(2), 151–163.

- Layne, C. (2006). The unipolar illusion revisited: The coming end of the United States' unipolar moment. *International Security* **31**(2), 7–41. DOI: 10.1162/isec.2006.31.2.7
- Lebow, R. (2009). *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lemke, D., Reed, W. (2001). War and rivalry among great powers. *American Journal of Political Science* **45**(2), 457–469. DOI: 10.2307/2669352
- Levy, J. (1981). Alliance formation and war behavior: An analysis of the great powers, 1495–1975. *Journal of Conflict Resolution* **25**(4), 581–613. DOI: 10.1177/002200278102500402
- Levy, J. (2014). *War in the modern great power system: 1495–1975*. Lexington: University Press of Kentucky.
- Luard, E. (1992). A system of great power consultation. In: Luard, E. (ed.) *Basic Texts in International Relations: The Evolution of Ideas about International Society* (pp. 424–438). London: Palgrave Macmillan UK.
- Mearsheimer, J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.: W.W. Norton.
- Mearsheimer, J. (2006). China's unpeaceful rise. *Current History* **105**(690), 160–162.
- Mearsheimer, J. (2021). The inevitable rivalry: America, China, and the tragedy of great-power politics. *Foreign Affairs* **100**(6), 48–58.
- Morgenthau, H. (1948). *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. N.Y.: Knopf.
- Murray, M. (2018). *The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers*. Oxford: Oxford University Press.
- O'Neill, B. (2006). *Nuclear weapons and national prestige*. Cowles Foundation discussion paper no. 1560. <https://ssrn.com/abstract=887333> (accessed on November 17, 2023)
- Oppenheim, L. (1912). *International Law*. New York: Longmans, Green and Co.
- Organski, A., Kugler, J. (1980). *The War Ledger*. Chicago: University of Chicago Press.
- Porter, P. (2019). Advice for a dark age: Managing great power competition. *The Washington Quarterly* **42**(1), 7–25. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1590079
- Powell, R. (1991). Absolute and relative gains in international relations theory. *American Political Science Review* **85**(4), 1303–1320. DOI: 10.2307/1963947
- Robertson, J. (2017). Middle-power definitions: confusion reigns supreme. *Australian Journal of International Affairs* **71**(4), 355–370. DOI: 10.1080/10357718.2017.1293608
- Schmidt, B. (2004). Realism as tragedy. *Review of International Studies* **30**(3), 427–441. DOI: 10.1017/S0260210504006151
- Schroeder, P. (1994). *The Transformation of European Politics, 1763–1848*. Oxford: Oxford University Press.
- Schroeder, P., (2004). The nineteenth century system: Balance of power or political equilibrium? In: Schroeder, P., Wetzel, D., Jervis, R., Levy, J. (eds.) *Systems, Stability, and Statecraft: Essays on the International History of Modern Europe* (pp. 223–241). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Shakleina, T. (2023). The global order in the twenty-first century: Consolidating polycentricity. In: Shakleina, T., Baykov, A. (eds.) *Polycentric World Order in the Making* (pp. 13–40). Singapore: Springer Nature Singapore.
- She, G. (2021). Asymmetric competition on a new battleground? Middle Eastern perspectives on Sino-US rivalry. *The Chinese Journal of International Politics* **14**(2), 289–320. DOI: 10.1093/cjip/poab003
- Thompson, W. (ed.) (1999). *Great Power Rivalries*. Columbia: University of South Carolina Press.
- Waltz, K. (1993). The emerging structure of international politics. *International Security* **18**(2), 44–79.
- Ward, S. (2017). *Status and the Challenge of Rising Powers*. Ithaca: Cornell University Press.
- Wohlforth, W. (1999). The stability of a unipolar world. *International Security* **24**(1), 5–41.
- Wohlforth, W. (2007). Unipolar stability. *Harvard International Review* **29**(1), 44–48.
- Wohlforth, W. (2014). The stability of a unipolar world. In: Elman, C., Jensen, M. (eds.) *The Realism Reader* (pp. 383–395). London, N.Y.: Routledge.

Appendix

Interview number	Interview date	Gender	Place of work	Nationality	Interview language
1	02.02.2023	M	Ministry of Foreign Affairs of China	China	English
2	06.02.2023	M	Ministry of Foreign Affairs of China	China	English
3	05.10.2023	M	Brazilian University	Brazil	English
4	05.10.2023	M	Ministry of Foreign Affairs of Brazil	Brazil	Spanish
5	09.10.2023	M	Ministry of Foreign Affairs of Brazil	Brazil	English
6	25.08.2024	M	Ministry of Foreign Affairs of Russia	Russia	Russian
7	28.08.2024	M	Ministry of Foreign Affairs of India	India	English
8	28.08.2024	M	Ministry of Foreign Affairs of India	India	English
9	08.09.2024	M	Indian University	India	English
10	10.09.2024	M	Ministry of Foreign Affairs of India	India	English
11	15.09.2024	M	Ministry of Foreign Affairs of Russia	Russia	English
12	10.10.2024	M	Chinese University	China	English
13	12.10.2024	M	Chinese University	China	English
14	23.10.2024	M	Russian University	Russia	Russian
15	23.20.2024	M	Russian University	Russia	Russian

Source: authors.

Анализ макроэкономических показателей на связных данных на примере Японии

Дзюба Сергей Ануфриевич

ДВФУ, Владивосток, Россия, e-mail: dziuba.sa@dvfu.ru

Цитирование: Дзюба С.А. (2026). Анализ макроэкономических показателей на связных данных на примере Японии. *Terra Economicus* 24(1), 115–132. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-115-132

В статье проведен анализ макроэкономических показателей Японии с применением концепции связных данных. Результат дает основания утверждать, что реальный ВВП Японии значительно ниже заявляемого в официальной статистике. Используются макроэкономические данные из открытых источников, межотраслевые и энергетические балансы. Применение к ним концепции связных данных позволяет организовать их как своего рода «блокчейн». Это дает возможность производить взаимную проверку данных, диагностировать ошибки, предлагать гипотезы их исправления и в конечном итоге быть более уверенным в полученных результатах. Представлены свидетельства исправления официальной статистики задним числом, предложены исправленные оценки текущего уровня ВВП. Показано также, что наблюдаемое в официальной статистике снижение электроемкости ВВП почти полностью объясняется факторами неправильного отражения инфляции, а не ростом энергоэффективности.

Ключевые слова: связные данные; межотраслевой баланс; энергетический баланс; энергоемкость ВВП

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZNS-2023-0016 «Устойчивое развитие региона: эффективные экономические механизмы организации рынков и предпринимательские компетенции населения в условиях неопределенности (баланс безопасности и риска)».

Analysis of macroeconomic indicators using cohesive data: Evidence from Japan

Sergey Dzuba

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dziuba.sa@dvfu.ru

Citation: Dzuba S. (2026). Analysis of macroeconomic indicators using cohesive data: Evidence from Japan. *Terra Economicus* 24(1), 115–132 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-115-132

I analyze Japan's macroeconomic indicators using the concept of cohesion. The results suggest that Japan's real GDP is significantly lower than official statistics reports. Empirical evidence is provided by open-source macroeconomic data, input-output tables and energy balances. Due to the application of the concept of cohesion, these data are organized as a kind of "blockchain". This enables cross-checking of data, the diagnosis of errors, the proposal of corrections, and, ultimately, enhances the confidence of the results. The findings confirmed that retroactive revisions of Japanese official statistics had taken place. I propose more accurate estimates of GDP, which are significantly lower compared to the official ones. I also show that the decline in GDP energy intensity observed in the official Japanese statistics is almost entirely explained by misrepresentation of inflation, rather than by increased energy efficiency.

Keywords: cohesive data; input-output tables; energy balance; energy intensity of GDP

JEL codes: C83, E01

Введение

Анализ макроэкономических показателей считается довольно простой задачей ввиду наличия обобщенных международных баз данных, например, Международного валютного фонда (МВФ). Здесь доступны показатели валового внутреннего продукта (ВВП), уровня цен (дефляторов), численности населения и т.п. Взятые из таких источников, они считаются достоверными и пригодными для анализа экономических процессов.

Наряду с этим известно, в том числе из учебников макроэкономики (Мэнкью. Тейлор, 2015), что процедура расчета ВВП включает условно начисляемые величины, т.е. стоимость благ, которые были произведены, но не были проданы. Это делается для унификации методик, учитывающих особенности экономической практики в разных странах. Возникновение новых практик, их влияние на формирование цен товаров и услуг периодически приводит к необходимости пересчета ВВП, в том числе задним числом. Несмотря на присутствие понимания в среде специалистов, что «цифра ВВП, которая получается в итоге, – это результат соединения великого множества статистических лоскутов и изощренной обработки сырых данных с целью придать им концептуальное единообразие» (Койл, 2016: 51), более удачного показателя не предложено. Поэтому службы статистики всячески придают ВВП образ надежного верифицированного экономического показателя.

Тем не менее существует относительно узко представленное направление альтернативного оценивания динамики и уровня экономического развития. Изначально оно было связано с попыткой западных экономистов подтвердить или опровергнуть успехи экономического роста СССР (Ханин, 1993). В советской и российской практике альтернативное оценивание ассоциируется с именем Г.И. Ханина. Оно в целом базируется на использовании доступных данных о динамике транспортных перевозок и потребления электроэнергии (Ханин, Фомин, 2014; Ханин, Добровольский, 2025), которая обусловлена общим уровнем деловой активности.

Оценки, производимые на конец XX в., показывали, что темпы роста ВВП и потребления электроэнергии большинства стран приблизительно совпадали. Это дало хороший аналитический инструмент для альтернативных оценок динамики показателей стран бывшего СССР и Восточной Европы (Lackó, 1999). Однако концепция энергоперехода сформировала другую устойчивую точку зрения, что при определенном уровне развития экономический рост потребует меньших затрат энергии благодаря росту энергоэффективности. Из этого следует, что энергоемкость ВВП должна снижаться, что как раз и проявляется на примере развитых стран (Lu, 2016; Szustak et al., 2022)¹. Снижение энергоемкости также закладывается в прогнозы развития российской энергетики (Макаров, 2009; Кузовкин, 2010; Макаров и др., 2024). Пристальный научный интерес в России к энергоэффективности во многом был сформирован программой снижения к 2020 г. на 40% энергоемкости ВВП², которая в полном объеме не была реализована.

¹ Данная тематика имеет богатую историю исследований (см., например: Cicea et al., 2021).

² Указ Президента РФ от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики». Распоряжения Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. № 2446-р и от 3 апреля 2013 г. № 512-р, постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 321.

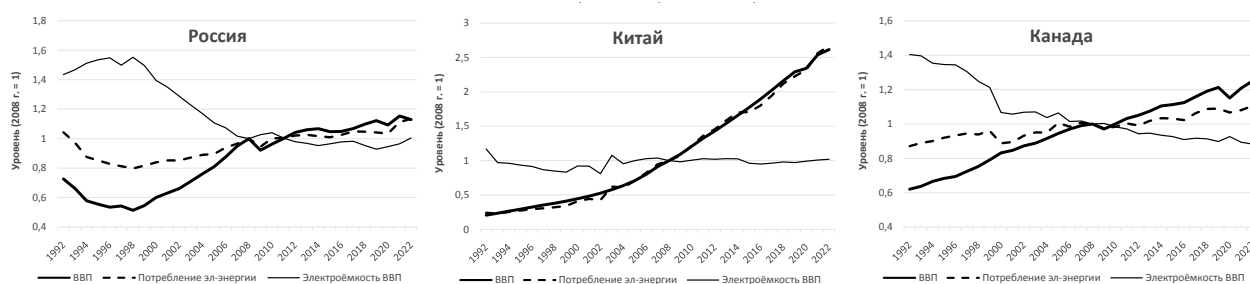

Рис. 1. Сравнительная динамика ВВП в постоянных ценах, потребления электроэнергии и электроёмкости ВВП (уровень 2008 г. = 1)

Источник: построено автором по данным WEOD, ESD³.

На рис. 1 представлена сравнительная динамика ВВП и потребления электроэнергии. В случае России мы видим, что имеет место как снижение электроёмкости в период восстановительного роста, так и фиксация его на постоянном уровне в последующее время. Для Китая постоянный уровень характерен на всем протяжении его современной экономической истории, которую можно охарактеризовать как переход к развитой экономике. В то время как у Канады электроёмкость действительно снижается. При этом Россия, как и Китай, числится в аутсайдерах мирового рейтинга энергоэффективности, тогда как Канада – один из лидеров и часто используется как бенчмарк для России из-за близости климатических условий (Долматов, Шутова, 2014). Поэтому снижение энергоёмкости позиционируется как безальтернативное направление эволюции технологического развития (Башмаков, 2018).

В настоящей статье, отталкиваясь от изложенных идей, мы будем опираться на концепцию связанных данных, которая строится вокруг структурной проверки источников и связывающей процедуры между ними. При этом гипотеза о постоянной энергоёмкости не будет отвергаться, если для этого имеются основания, исходя из применения указанной концепции.

Концепция связанных данных в экономике

Понятие связности данных почти не используется в экономической области знаний, но определено для сферы компьютерных наук как свойство цепочек данных (блокчейн). Оно характеризует возможность диагностирования несанкционированного или нежелательного изменения ранее созданных данных. Важную конструктивную роль играет понятие порождающей процедуры, генерирующей данные, которые невозможно изменить, не затронув саму процедуру (Терентьев, 2021). При этом технически связность обеспечивается генерируемыми контрольными суммами (так называемые хеш-функции).

Применительно к сфере экономического анализа под порождающей процедурой можно рассматривать саму экономическую деятельность. Тогда одним из давно известных способов обеспечения связности данных является система двойной записи. Статистика национального дохода формируется на основе этого принципа, обеспечиваемого системой национальных счетов (СНС). Благодаря этому межотраслевой баланс (МОБ, таблицы «затраты – выпуск») представляет собой пример связанных данных.

Казалось бы, это снимает вопросы к ВВП, поскольку его величина может быть явным образом получена из МОБ. Только проблема в том, что МОБ оперирует валовыми (стоимостными) величинами. Из-за этого мы не можем в общем случае различать, обусловлены ли структурные трансформации МОБ изменениями цен, объемов или модификацией методов расчета условно начисляемых величин. Здесь мы можем только сказать, что сама по себе связность, которую мы можем назвать структурной или балансовой, не обеспечивает того принципиального уровня контроля над данными, как об этом можно говорить для связности в предметной области компьютерных наук.

Мы сможем улучшить ситуацию, если обратимся к топливно-энергетическим балансам (ТЭБ) и электроэнергетическим балансам (ЭЭБ). Уже по названию можно предположить, что эти дан-

³ Названия источников данных расшифрованы ниже по тексту.

ные также должны обладать свойством структурной связности. Действительно, контрольные суммы балансов могут быть вычислены по крайней мере двумя различными способами, что и обеспечивает структурную связность. Одновременно с этим наложение отдельных отраслевых компонент ТЭБ и ЭЭБ в динамике на МОБ позволит наблюдать проявление технологических или инфляционных изменений через величину энергоемкости.

Здесь тоже можно говорить о проявлении связности данных, но другого рода. Ее можно назвать теоретико-информационной (ТИ) или байесовской. Такое название можно обосновать тем, что фактически мы говорим о колмогоровском количестве информации $I(X:Y)$ в системе X (например, МОБ) относительно системы Y (например, ТЭБ или ЭЭБ), где за связность «отвечает» условная (байесовская) вероятность: что мы знаем о X , если знаем Y . При этом ТИ-связность возникает при наличии связывающей процедуры между X и Y . В данном примере это понятие электро- и энергоемкости, выражающее величину расхода ресурса из ТЭБ и ЭЭБ на производство продукта из МОБ.

Обобщая, сформулируем более компактные определения связности данных.

Структурно связными будем называть массивы экономических данных, как правило, из одного источника, содержащие контрольные суммы (балансы).

ТИ-связными будем называть массивы экономических данных из разных источников, между которыми определена *связывающая процедура*.

Структурная и ТИ-связность данных возникают вследствие того, что связные массивы данных формируются одной и той же *порождающей процедурой* как результат экономической деятельности. Изменение данных невозможно без изменения процедуры. При этом в общем случае во всех деталях порождающая процедура является ненаблюдаемой. Наблюдаемыми являются ее отдельные элементы. В частности, таковыми выступают определенные выше связывающие процедуры.

Развернутый здесь аппарат представляется интуитивно понятным и поэтому в том или ином виде используется практиками в области моделирования и прогнозирования экономических процессов. В качестве примера, где это хорошо прослеживается, можно привести упоминавшуюся уже работу Г.И. Ханина и И.Г. Добровольского (2025). Однако формализация такого аппарата представляется не лишним элементом, поскольку способствует систематизации процесса подготовки и использования данных.

Чтобы перейти от абстрактных конструкций к конкретному применению, рассмотрим развернутый пример их использования для анализа экономики Японии.

Источники информации

Для анализа экономики Японии будем использовать следующие источники данных, которым для упрощения дальнейшего использования зададим названия-идентификаторы:

Maddison – авторитетный источник исторических данных *Maddison Project Database*⁴, который содержит ряды данных о ВВП и численности населения всех стран и регионов на большую историческую глубину. Для Японии периодичность становится ежегодной с 1886 г.;

WEOD – макроэкономические данные Международного валютного фонда (МВФ) *World Economic Outlook Database*⁵. Здесь представлены основные макроэкономические агрегаты с 1980 г. с упором на бюджетно-финансовую тематику;

AMAD – макроэкономические данные Департамента статистики ООН *The National Accounts Main Aggregates Database*⁶ о структуре использования ВВП и укрупненной (верхний уровень *ISIC-3*⁷, свернутый до семи отраслей) отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) с 1970 г.;

ICIO – международные таблицы «затраты – выпуск» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)⁸ по 45 отраслям (*ISIC-4*⁹) 76 стран с 1995 по 2020 г. Каждый год представлен отдель-

⁴ <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020?lang=en> (дата обращения: 30.06.2025)

⁵ <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/world-economic-outlook-databases> (дата обращения: 30.06.2025)

⁶ <https://unstats.AMAD.org/unsd/snaama/Downloads> (дата обращения: 30.06.2025)

⁷ The International Standard Industrial Classification of All Economic Activities (ISIC) – одна из систем классификации отраслей. <https://unstats.AMAD.org/unsd/classifications/Econ> (дата обращения: 30.06.2025). Версия (revision) 3 введена в 1989 г. и в настоящее время является устаревшей. Здесь она используется по причине того, что ряды данных начинаются с 1970 г.

⁸ <https://www.oecd.org/en/data/datasets/inter-country-input-output-tables.html> (дата обращения: 10.09.2025). В настоящий момент на сайте доступен релиз 2025 г., содержащий данные в диапазоне 1995–2022 гг., но на момент проведения исследования доступны были только релизы 2023 г. и 2021 г.

⁹ Версия 4 введена в 2006 г. См. также сноску 5.

ной таблицей «затраты – выпуск» в основных ценах в долларах США в симметричной форме. По каждой стране имеется не только МОБ, но и его интеграция через экспорт-импорт в глобальные цепочки добавленной стоимости. Таким образом, здесь мы получаем детальную отраслевую информацию о промежуточном и конечном использовании, экспорте и импорте, а также добавленной стоимости;

ESD – топливно-энергетические балансы (ТЭБ) и балансы электроэнергии (ЭЭБ)¹⁰, *Energy Statistics Database* Департамента статистики ООН с 1992 по 2022 г. Компоненты балансов представлены в виде разрозненных таблиц, из которых тем не менее можно получить структурно связанный массив данных в логике стандартных ТЭБ.

В рамках *ESD* структурную связность ТЭБ обеспечивает баланс производства, преобразования и потребления энергии из различных источников: угля, нефти, газа, а также электроэнергии, произведенной как из топлива, так и из других источников¹¹. С этой точки зрения ЭЭБ выступает составной частью ТЭБ. С другой стороны, ЭЭБ имеет самостоятельный элемент структурной связности в виде данных об используемой электрической мощности, что не имеет прямого отношения к ТЭБ. Это позволяет рассчитывать коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) как средний уровень загрузки (100% КИУМ означает, что в обозначенный отрезок времени источник работает на полную номинальную мощность «не выключаясь»).

Рассмотрим ТИ-связность используемых источников. Источники *AMAD* и *WEOD* содержат взаимно дополняющую макроэкономическую информацию о структуре национального дохода. Эту же информацию можно получить в коллекциях данных Всемирного банка¹² или ОЭСР¹³. Ввиду этого здесь связность высокая, поскольку это, по существу, один и тот же пул данных в разных представлениях. Что касается *ICIO*, то здесь ТИ-связность с *AMAD* и *WEOD* слабее: ни один из контрольных оборотов (ВВП, добавленная стоимость) не дает точные соотношения, но и значительных расхождений также нет. В целом это объективно обусловлено принципами подготовки и формирования данных в *ICIO* (Yamano et al., 2023).

ТИ-связность между *ESD* и остальными определяется уровнем детализации отраслевых данных. Так, в *WEOD* они отсутствуют, поэтому связность возможна только по «верхнему» уровню. В *AMAD* представлены очень укрупненные отрасли, а в *ICIO* достаточно детальные. При этом дополнительной сложностью выступает то, что классификация отраслей в *ESD* не соответствует *ISIC*, но тем не менее логически стыкуется с отраслевым представлением *ICIO*. Связывающей процедурой может выступать энергоёмкость или электроёмкость¹⁴ ВДС отраслей или ВВП/ВДС целиком. В настоящей работе использована электроёмкость как более простой для работы показатель, но при этом хорошо воспроизводящий динамическую картину энергоёмкости, приводимую, например, в работе И.А. Долматова и М.А. Шутовой (2014).

Анализ всех макроэкономических данных производился в постоянных ценах в национальной валюте, если иное специально не оговорено. В частности, формально это означает, что все систематические инфляционные явления в таких данных элиминированы.

Общая характеристика экономики Японии

Экономика Японии представляет собой удобный объект для отработки методов исследования на связных данных. На рис. 2 представлена динамика ВВП страны с периода, захватывающего первую модернизацию XIX в. Мы видим, что она довольно уверенно делится на отдельные эпохи с характерными средними темпами роста:

- первая волна модернизации, стартовавшая в XIX в., в ходе которой Япония оккупировала Корею и Тайвань, разгромила Китай, постав под свой протекторат Маньчжурию, и провела удачную войну против России;

¹⁰ <http://data.AMAD.org/Explorer.aspx> (дата обращения: 30.06.2025)

¹¹ Об утверждении Порядка составления топливно-энергетических балансов субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Приказ Министерства энергетики РФ от 29 октября 2021 г. № 1169. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111120011> (дата обращения: 30.06.2025)

¹² <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 30.06.2025)

¹³ <https://www.oecd.org/en/data/datasets.html> (дата обращения: 30.06.2025)

¹⁴ Электроёмкость = Потребление электроэнергии / ВДС; энергоёмкость дополнительно учитывает первичные энергоносители и тепловую энергию.

- вторая волна с попыткой, опираясь на приобретенные ресурсы, поставить под контроль весь Тихоокеанский регион;
- вхождение в экономическую зону США после разгрома во Второй мировой войне («японское экономическое чудо»);
- потеря режима максимального благоприятствования после Смитсоновских соглашений 1971 г. с переходом от комфортного фиксированного валютного курса к конкурентному плавающему;
- и, наконец, затяжная стагнация с начала 1990-х гг.

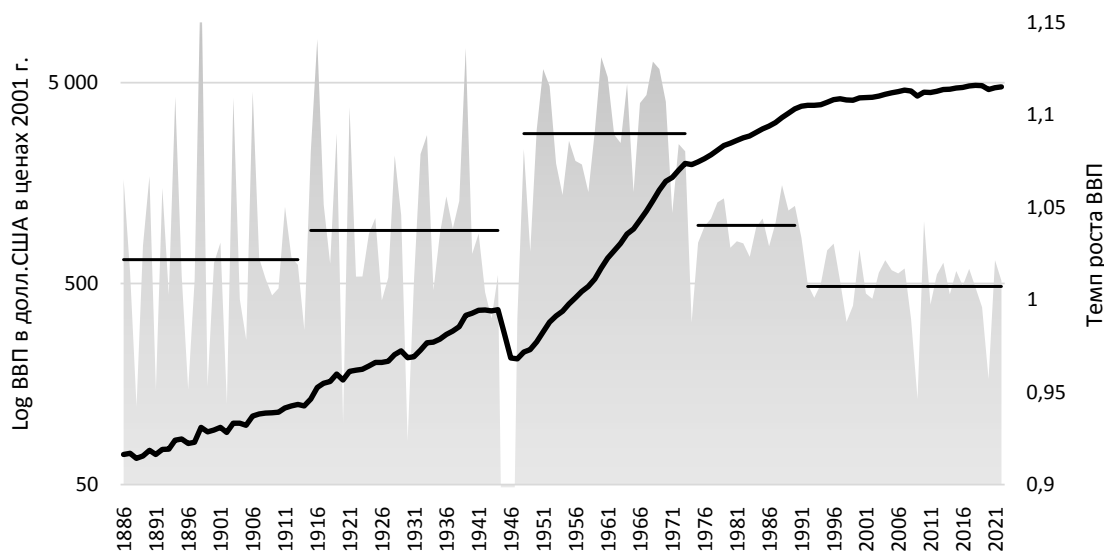

Рис. 2. ВВП Японии 1886–2021 гг. (левая шкала, логарифмическая) и годовые темпы роста (правая шкала)

Примечание: разные эпохи экономического роста имеют разные характерные средние темпы, обозначенные горизонтальными линиями.

Источник: построено автором по данным *Maddison*.

Нас в первую очередь будет интересовать период очень низких темпов роста, стартовавший в 1992 г. после краха пузыря на рынке недвижимости (Kobayashi, 2013). Первоначально этот период именовался потерянными десятилетием (Hayashi, Prescott, 2002), потом двадцатилетием (Fukaо, 2013), теперь уже смело можно говорить о тридцатилетней истории экономической стагнации, сопровождаемой выраженным демографическим кризисом¹⁵.

Относительно причин как перехода в стагнационный режим, так и устойчивого пребывания в нем существуют разные точки зрения. Один из самых ранних развернутых диагнозов говорил об исчерпании возможностей в прошлом успешной модели роста (Katz, 1998): специфические корпоративные институты (кэйрацу) и проактивная роль государства в промышленной политике и стимулировании экспорта привели к «экономической анорексии». Такая точка зрения в более поздних работах была оформлена другим образным термином «истощение догоняющего» (*catch-up exhaustion*) (Tuers, 2012). Стоит отметить, что буквально накануне коллапса вышла получившая в то время широкую известность книга Синтаро Исихары (Ishihara, 1989), утверждавшая первенство Японии в технологиях, деловой практике, качестве товаров, да и превосходство японского характера вообще. Это своего рода манифест головокружения от успехов.

Согласно исследованию Ф. Хаяши и Э. Прескотта (Hayashi, Prescott, 2002), причина стагнации кроется в снижении совокупной факторной производительности (*total factor productivity, TFP*). По существу, здесь на базе модели Солоу показано, что в эпоху роста наблюдалось положительное значение *TFP*, а в период стагнации значение стало близким к нулю. В определенном смысле

¹⁵ Siddiqui, K. (2024). Revisiting the Japan's Economic Stagnation. *World Financial Review*, February – March, pp. 2–14. <https://worldfinancialreview.com/revisiting-the-japans-economic-stagnation/> (accessed on June 30, 2025)

это хорошо бы согласовалось с выводами Р. Катца (Katz, 1998), если бы не деталь, что *TFP* в период 1973–1983 гг., по данным тех же Хаяши и Прескотта (Hayashi, Prescott, 2002), также была близка к нулю, хотя это приходилось на период роста. Кроме того, как показал К. Фукао (Fukao, 2013), в период после 2000 г. *TFP* восстановилась (кроме отрезка острой фазы мирового кризиса 2007–2009 гг.), но, как мы понимаем, к восстановлению роста это не привело.

Если Хаяши и Прескотт (Hayashi, Prescott, 2002) утверждают, что падение *TFP* произошло на фоне сохранения доступности кредита и капитала, то противоположная аргументация представлена Т. Хоши и А. Кашьяпом (Hoshi, Kashyap, 2004), где источником проблем представлен коллапс именно финансового сектора с предшествующим ему перегревом. При этом происходит трансмиссия проблем финансового сектора на реальный, что не дало тому возможности восстановить прежний уровень эффективности. Что касается сформировавшихся к 2003 г. в экспертной среде Японии ожиданий возобновления экономического роста, авторы настаивают на негативном прогнозе из-за неспособности финансового сектора прекратить нерациональное распределение средств. Авторы ошиблись в прогнозе, экономический рост возобновился, правда, только до кризиса 2008 г.

В качестве еще одной группы причин можно назвать изменение положения Японии как экспортера. Усилению негативных тенденций способствовал активный вынос производства за рубеж (Cowling, Tomlinson, 2002)¹⁶. Это привело к частичному замещению японского экспорта продукцией других стран, в первую очередь Китая (Tuers, 2012). Причем предпосылки к этому сформировались еще в начале 1970-х гг., когда началось постепенное укрепление йены (Siddiqui, 2015).

Приведенный обзор исследовательского поля по анализу причин депрессивных процессов в Японии задает необходимый контекст для основной задачи настоящего исследования: использовать «ламинарную» динамику показателей Японии для апробации методов анализа на связанных данных, в рамках которых используется электроёмкость ВВП. В первую очередь нам необходимо будет объяснить причины ее снижения (см. рис. 3). Это может быть как следствием структурных или технологических изменений в экономике, формирующих энергосберегающий тренд, так и «учетных воздействий» на ВВП, и тогда потребление электроэнергии может рассматриваться маркером реального положения дел в части экономического роста.

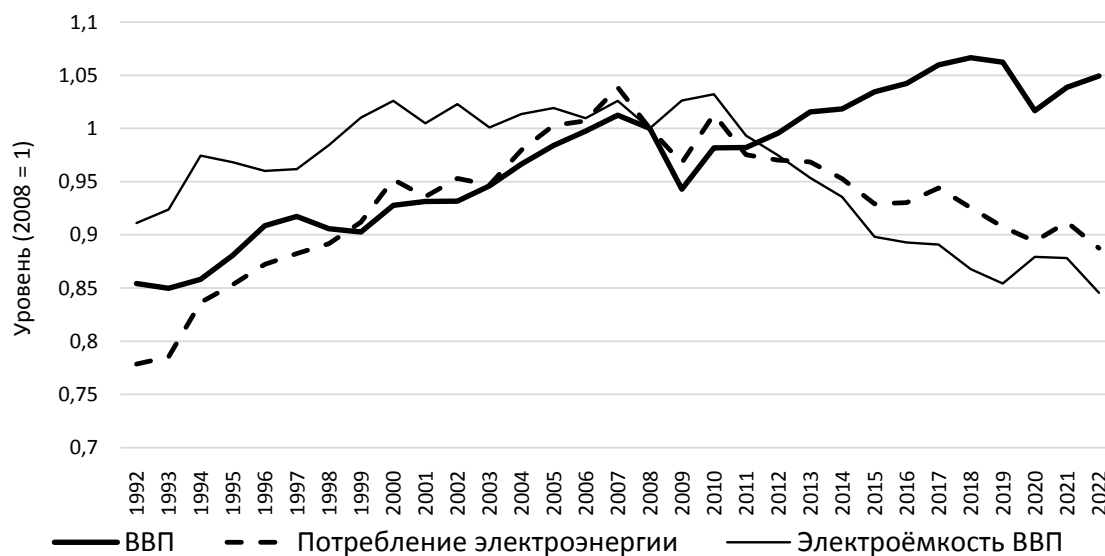

Рис. 3. Сравнительная динамика ВВП и потребления электроэнергии (2008 г. = 1)

Примечание: электроёмкость ВВП (электроэнергия/ВВП) Японии снижается после 2008 г.

Источник: построено автором по данным *ESD, AMAD*.

Прежде чем делать далекоидущие выводы, сначала убедимся, насколько состоятельной является картина потребления электроэнергии. На рис. 4 слева мы видим, что установленная мощность

¹⁶ С точки зрения сегодняшнего дня удивительно, что в качестве обратного и положительного примера авторами приводится экономика США и Германии.

росла быстрыми темпами под будущий рост экономики вплоть до начала 2000-х гг., причем в основном тепловая¹⁷. Затем ввод новых мощностей практически прекратился. В 2011 г. происходит катастрофа на АЭС Фукусима, практически все ядерные генерирующие мощности выводятся из эксплуатации, и генерацию «подхватывают» тепловые станции (см. КИУМ¹⁸ по ядерной и тепловой генерации на рис. 4 справа). Следует заметить, что предшествующий ввод избыточных тепловых генерирующих мощностей здесь заметно выручил японскую энергетику. С 2012 г. стартует программа массивного ввода солнечной генерации, что усиливает тренд на снижение¹⁹ среднего КИУМ, сформировавшийся в 2010 г.

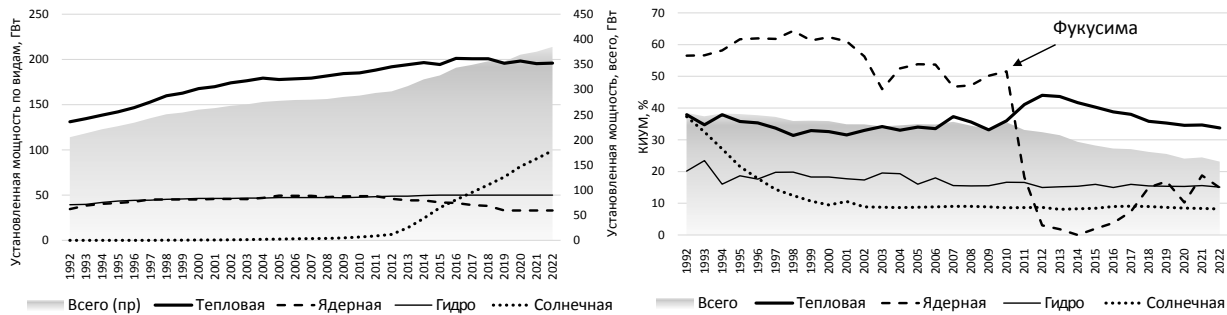

Рис. 4. Динамика установленной мощности, ГВт (слева) и КИУМ, % (справа; данные расчетные)
Примечание: снижение КИУМ после 2010 г. соответствует снижению потребления электроэнергии.
Источник: построено автором по данным *ESD*.

В результате сопоставление выработки электроэнергии и установленной мощности формирует объяснимую динамику КИУМ, что позволяет доверять данным о выработке и потреблении электроэнергии из *ESD*. Таким образом, мы будем отталкиваться от того, что устойчивый тренд на снижение потребления электроэнергии, сформировавшийся в 2008 г., представляет собой реальное явление.

Для выявления причин эффекта снижения энергоёмкости нам потребуется более детальная отраслевая информация. Необходимая детализация имеется в потреблении электроэнергии (*ESD*), а для продукции (точнее, валовой добавленной стоимости – ВДС) отраслей она в укрупненном виде имеется в *AMAD*, а в детальном – в *ICIO*. На графиках на рис. 5 мы видим, что данные из *AMAD* и *ICIO* имеют существенные разночтения выше допустимой погрешности из-за разного представления в источниках: ВДС в *AMAD* всюду больше, чем в *ICIO*, причем различие сформировано в секторе услуг. Если говорить о том, какому источнику мы доверяем больше, то это *ICIO*, поскольку в *AMAD* наблюдаются признаки нарушения структурной связности, о которых подробно мы поговорим позже. Причем это проблема данных именно Японии, поскольку выборочная проверка для других стран в том же *AMAD* таких дефектов не выявила.

Кроме этого, различаются данные о численности населения в *WEOD* и *AMAD* (рис. 5). Несмотря на разночтения порядка 1 млн человек на 2022 г., для анализа с использованием показателей на душу населения это не является критической проблемой, поскольку дает погрешность менее 1%.

Большой интерес представляет динамика потребления электроэнергии (см. рис. 6 слева). Мы видим, что для промышленности и сферы услуг тенденция к снижению сложилась с 2008 г., а для населения – с 2010 г. Точно так же в этот отрезок времени изменяются тенденции потре-

¹⁷ Уточним, что тепловой будем называть генерирующие электрические мощности на ископаемом топливе.

¹⁸ КИУМ – коэффициент использования установленной мощности. Этот показатель используется в энергетике для характеристики уровня загруженности мощностей как доли календарного времени, в течение которого источник генерации работает на полную установленную мощность.

¹⁹ Солнечная генерация на принципе фотоэффекта физически не может иметь КИУМ выше 10–12%, поэтому высокая доля солнечных мощностей в балансе всегда будет заметно снижать КИУМ системы. Значение КИУМ для солнечной генерации на уровне 40% в 1992 г. на рис. 4 справа сформировалось почти на нулевом уровне установленной мощности. Это могло быть либо дорогой экспериментальной установкой, либо просто ошибкой данных.

бления основных энергоносителей: нефти²⁰ и угля (см. рис. 6 справа); по газу сложно говорить однозначно, поскольку мы наблюдаем только короткий отрезок остановки роста потребления в 2007–2010 гг., а далее на динамику накладывается обсуждавшийся ранее фактор катастрофы Фукусимы.

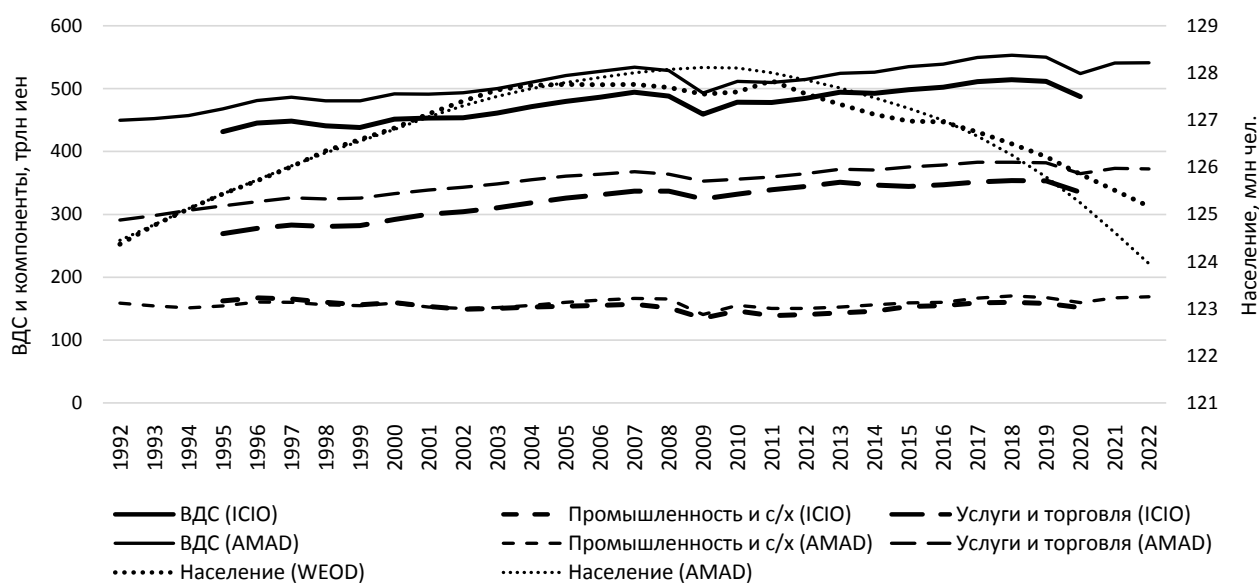

Рис. 5. Динамика валовой добавленной стоимости с разбиением на промышленность и сферу услуг, а также численности населения. Расхождение данных, взятых из разных источников
Источник: построено автором по данным *WEOD, AMAD, ICIO*.

Рис. 6. Динамика потребления электроэнергии по укрупненным категориям (слева) и основных энергоносителей (справа)

Примечание: видно изменение тенденций на отрезке 2008–2010 гг.

Источник: построено автором по данным *ESD*.

Если бы обозначенное изменение тенденции носило технологический характер, то оно было бы более постепенным и растянутым во времени вследствие несинхронного появления технологий и постепенной их диффузии. Здесь же изменение тенденции происходит резко, синхронно в нескольких различных «средах» и событийно вполне обоснованно привязывается к мировому кризису 2008 г. Поэтому можно полагать экономическую, а не технологическую природу изменения тенденции.

При переходе к показателям электроемкости (потребление электроэнергии / ВДС сектора; для населения – потребление на душу населения, см. рис. 7) мы видим, что на уровне ВДС в целом его динамика в большей степени определяется промышленным сектором вследствие его значительно более высокой электроемкости. Снижение потребления электроэнергии населением (рис. 6) сохра-

²⁰ Снижение потребления нефти до 2008 г., скорее всего, объясняется ростом мировых цен, поскольку вся нефть закупается Японией на внешних рынках. При этом здесь наверняка присутствует фактор энергоэффективности за счет распространения гибридных и электрических автомобильных двигателей. Роль этого фактора не стоит преувеличивать, поскольку бензин занимает только порядка 25% фракционной массы при переработке.

няется и на уровне потребления на душу населения (рис. 7). Это может говорить, особенно с учетом бурного роста до 2008 г., о признаках сжатия потребительского спроса и даже возможном устойчивом падении жизненного уровня. Напомним, что основанием для такой интерпретации выступает четкая привязка изменения тенденции к сильному экономическому кризисному явлению.

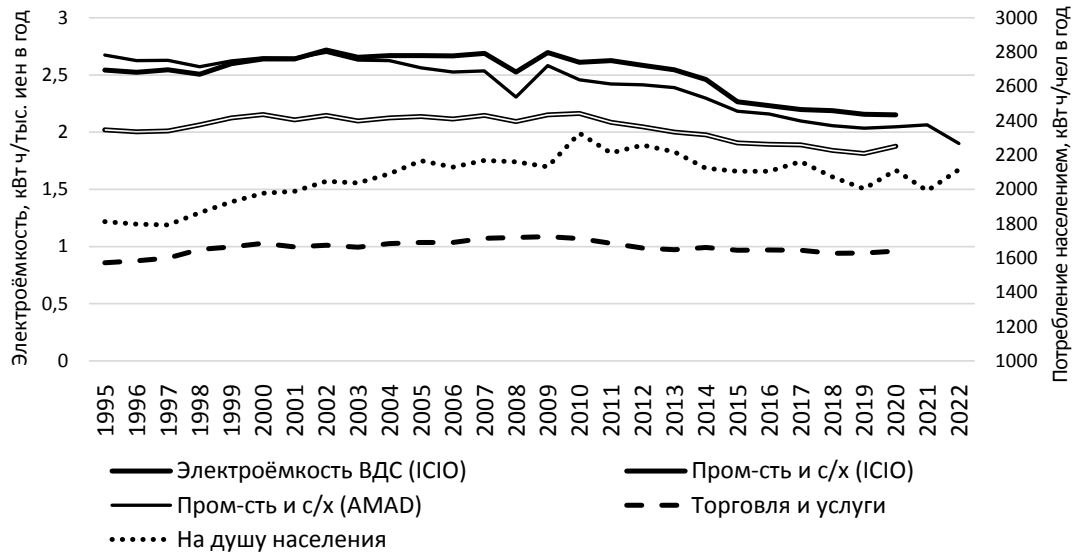

Рис. 7. Сравнительная динамика электроёмкости (левая шкала) и потребления электроэнергии на душу населения (правая шкала)

Источник: построено автором по данным ESD, AMAD, ICIO.

Существуют ли другие прямые и косвенные признаки стагнации потребления? Существуют. Например, это можно увидеть непосредственно на данных AMAD. На рис. 8 слева видна положительная восстановительная динамика ВВП после кризиса 2008 г., но впервые за послевоенную экономическую историю Японии не происходит роста потребления. На рис. 8 справа мы на тех же данных видим, что устойчивая связь между ВВП и потреблением начинает деформироваться после упоминавшегося выше кризиса 1991 г., а после 2008 г. становится еще более неустойчивой в том смысле, что рост ВВП не приводит к росту потребления.

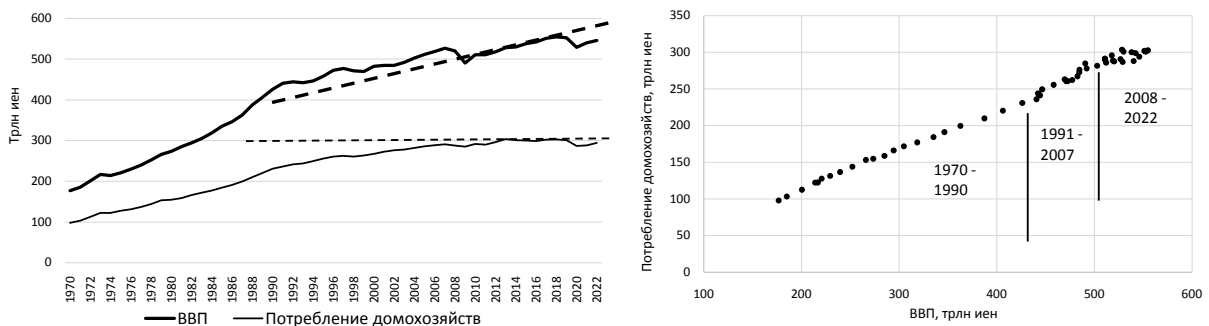

Рис. 8. Динамика ВВП и потребления населения (слева) и диаграмма зависимости потребления от ВВП (справа)

Примечание: видны признаки стагнации потребления после 2008 г.

Источник: построено автором по данным AMAD.

Итак, на связанных данных мы видим противоречивые явления. Динамика ВВП показывает, что депрессивные явления в экономике Японии после 1991 г. сопровождалось пусть и ослабленным, но экономическим ростом. Динамика же потребления электроэнергии и энергоносителей позволяет поставить под сомнение восстановительный экономический рост после 2008 г. Можем

ли мы как-то согласовать эти два явления, одновременно наблюдаемые на данных? Для этого недостаточно будет утверждения, что, скажем, величина ВВП нуждается в корректировке. Необходимо показать, в какой именно корректировке и на основании чего.

Скрытые статистикой инфляционные проявления в экономике Японии

В качестве постановки задачи рассмотрим два баланса: энергетический, представленный *ESD*, и макроэкономический, представленный *WEOD*, *AMAD* и *ICIO*, из которых собственно балансом является только *ICIO*, но по контрольным оборотам он согласован с *WEOD* и *AMAD*. В обоих случаях имеется общепризнанная нормативная база методики построения этих балансов. Доверие данным *ESD* основывается на том, что он использует только реальные (натуральные) величины, согласованные несколькими контурами балансовых отношений. Это своего рода экономический блокчейн. Доверие макроэкономическим данным основывается в основном на доверии процедуре в силу ее сложности, внутренней согласованности и регламентированности. Имеются ли у нас основания искать признаки искажающих воздействий на эту процедуру? Ответ: имеются. На рис. 9 слева представлена динамика ВВП Японии в *текущих* ценах, взятая из разных релизов данных МВФ²¹. Здесь мы видим регулярное изменение показателей задним числом, что может наблюдаться только при изменении методики расчета. Еще более выразительная картина наблюдается при сопоставлении дефляторов из разных релизов (см. рис. 9 справа). Заметим, что если для изменения методики расчета ВВП еще можно подобрать формальные основания, то для регулярного пересчета задним числом индексов цен это сделать гораздо труднее.

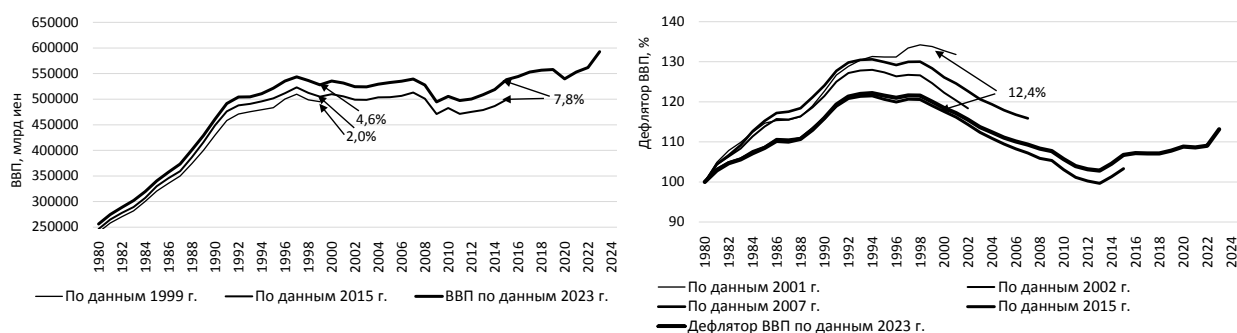

Рис. 9. Динамика ВВП Японии в текущих ценах (слева) и дефлятора ВВП (справа, 1980 г. = 100%), представленная в разных релизах макроэкономических данных МВФ

Примечание: Изменение данных задним числом говорит о регулярной корректировке расчета как ВВП, так и дефлятора.

Источник: построено автором по данным *WEOD*.

По изменению динамики разных релизов дефлятора хорошо видна направленность подгонки ВВП, если называть вещи своими именами. На рис. 9 справа траектории дефляторов представлены на момент их изменения. В данных, например, 2006 г. будут те же значения, что и в 2007 г., но на год короче²², а уже в 2008 г. будет новая траектория, которая закончится в 2015 г. Первая существенная ревизия наблюдается в релизе 2001 г. В нем наметившейся дефляции придан более глубокий характер. Это позволило для ВВП в *текущих* ценах, стагнирующему на отрезке 1998–2006 гг. (см. рис. 9 слева), придать характер умеренного роста в ценах *постоянных*

²¹ Особенностью представления данных в *WEOD* является то, что обновление два раза в год происходит в виде выпуска новых релизов. Старые при этом остаются доступными. В других источниках новые данные просто обновляют текущие таблицы, поэтому изменения задним числом можно увидеть только при наличии у исследователя резервных копий. Также учтем, что фактические данные публикуются с объяснимым запаздыванием. Поэтому, когда мы говорим о релизе, скажем, 2010 г., в действительности они будут опубликованы в 2011 г., но во избежание усложнения восприятия в тексте принято обозначение «год в год». С января 2026 г. представление статистики в *WEOD* изменилось и релизы прошлых лет стали недоступны. В настоящее время описанные ниже эффекты можно увидеть только в оригинальных статистических ежегодниках Японии, но только с 2011 г. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/> (дата обращения: 31.01.2026)

²² В действительности всегда в порядке уточнения наблюдаются небольшие корректировки предыдущего года, но это можно считать в порядке вещей.

(см. рис. 8 слева). Эту же задачу решает глубокая дефляция вплоть до 2015 г., для маскировки которой пришлось «срезать» инфляционный пик конца 1990-х гг. В 2016 г. была сделана еще более откровенная корректировка, когда одновременно сильно увеличили ВВП в текущих ценах и, чтобы замаскировать скачок, откорректировали дефлятор в противоположную сторону на примерно такую же величину. В результате ВВП в постоянных ценах почти не изменился, зато на бумаге была создана более комфортная база для дальнейшего «роста» ВВП. Как будет показано ниже, эта манипуляция позволила продемонстрировать «успех» политики количественного смягчения, запущенного в 2013 г.

Помимо приведенных явных признаков манипуляций с ВВП, имеется еще целый ряд косвенных:

- расхождение с 1995 г. в *AMAD* между ВВП и суммой его компонент; также и для ВДС (до 1995 г. такие расхождения отсутствуют);
- расхождение данных между *AMAD* и *ICIO*, показанное на рис. 5;
- очень близкие значения ВВП и ВДС в *AMAD*; для некоторых периодов случается даже ВДС > ВВП, хотя всегда должно быть наоборот, поскольку ВВП формируется в ценах покупателей, а ВДС в ценах производителей;
- для базового периода для расчета ВВП в постоянных ценах (в *WEOD* последнего релиза это 2015 г.) значение дефлятора незначительно отличается от единицы; такое может возникнуть как ошибка округления при корректировке цепочки дефляторов задним числом;
- абсурдные данные по экспорту и импорту для ранних периодов в *AMAD*: если верить данным, то в 1970-е гг. Япония была нетто-импортером²³, хотя очевидно, что должно быть наоборот.

Выявленные корректировки ВВП и дефлятора усиливают аргументацию в пользу того, что снижение электроемкости имеет не технологические, а экономические основания, демонстрируют проявления инфляции, маскируемые в макроэкономической статистике и не отраженные в дефляторе. При переходе от агрегированных к отраслевым данным мы везде будем наблюдать характерный «паттерн стагфляции»: рост ВДС на фоне снижения потребления электроэнергии, проявляющийся сразу после 2008 г.

На рис. 10 представлены данные по ВДС и потреблению электроэнергии по трем отдельным отраслям: химической, металлургической и строительной²⁴, для которых ключевые технологии сформировались достаточно давно, вследствие чего электро- и энергоемкость не могут по технологическим причинам изменяться в широких пределах. Например, в химической отрасли базовые процессы технологизированы уже десятилетия назад, и снижения потребления энергии можно достичь в довольно узких пределах за счет более точного управления течением реакций (Долинская, 2013). Во всех трех случаях мы, как и ранее, наблюдаем паттерн стагфляции. Он очень выпукло проявляется в химической отрасли. В металлургии зашумлен волатильностью цен²⁵, но проявляется в поздние периоды. В строительстве рост ВДС после 2009 г. явно имеет характер ценового пузыря, а не роста активности, поскольку не поддерживается ростом потребления стройматериалов.

Важно отметить, что ни в одной из рассмотренных отраслей снижение потребления энергии нельзя полностью объяснить ростом энергоэффективности. Налицо следы реального снижения деловой активности в силу наличия характерных переломов тенденций в районе 2008 г. Возможно ли увидеть другие признаки этого, кроме основанных на энергопотреблении?

Да, имеется еще один бенчмарк дефлятора, который условно можно назвать продуктовым. Он формируется исходя из гипотезы, что потребление продуктов питания на душу населения должно быть постоянной величиной на наблюдаемом отрезке времени. Эта гипотеза не является универсальной. Ее, очевидно, нельзя применять к потреблению вообще. Однако для продуктов питания имеется эффект насыщения: репрезентативный потребитель не может съесть больше, чем позволяют физиологические возможности. Поскольку все расчеты производятся

²³ Причина этого эффекта в том, что исходные данные по экспорту и импорту фиксируются не в абсолютных значениях, а в темпах прироста относительно предыдущего периода, по которым при правильной базе расчета абсолютные значения можно восстановить. При сбое базы в соседних периодах отклонения будут незначительными, а в далеко отстоящих ошибка накапливается по экспоненте.

²⁴ ВДС отрасли из *ICIO* взята по кодам *ISIC*: химическая *C19-C22*; металлургия *C24-C25*, строительство *F*. Потребление взято по отраслевой расшифровке использования электроэнергии в *ESD*.

²⁵ Динамика ВДС подтверждается данными крупнейших металлургических компаний *Nippon Steel* и *Kobe Steel*. Относительная стабильность потребления энергии говорит о том, что это ценовые колебания.

в постоянных ценах, то насыщенное потребление должно являться константой с точностью до колебаний из-за случайных факторов.

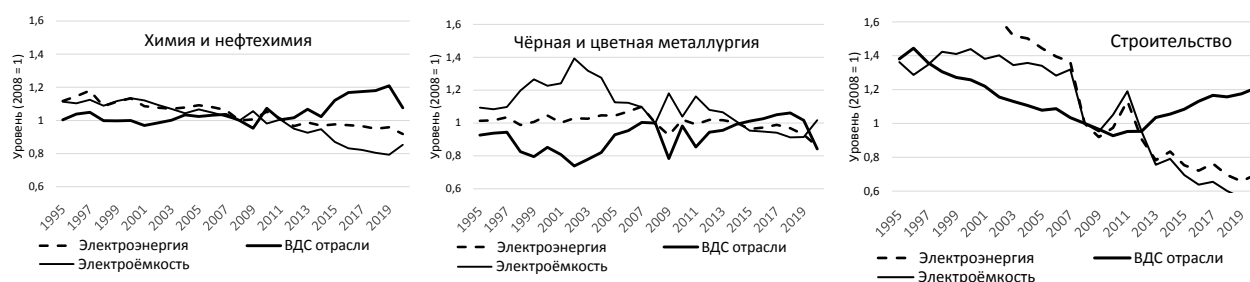

Рис. 10. Динамика ВДС отрасли, потребления электроэнергии и электроёмкости, 2008 г. = 1

Примечание: все графики в едином масштабе.

Источник: построено автором по данным ICIO, ESD.

С другой стороны, даже для продуктов питания эту гипотезу нельзя применять, например, к Китаю, поскольку сильный рост подушевого дохода с 1995 г. происходил от уровня бедности. Другими словами, в Китае мы действительно должны наблюдать рост потребления продуктов питания на душу населения вслед за ростом благосостояния. Япония же к 1990-м гг. уже относилась к развитым странам с очень высоким жизненным уровнем.

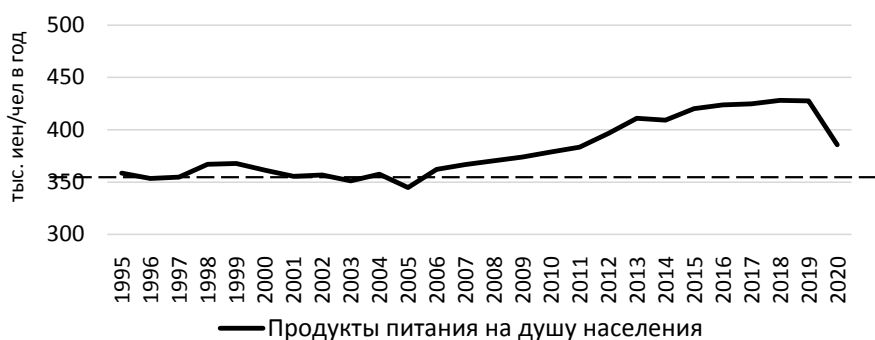

Рис. 11. Динамика конечного потребления продуктов питания на душу населения

Источник: построено автором по данным ICIO.

На рис. 11 мы видим, что потребление продуктов питания²⁶ на душу населения в Японии было стабильным до 2005 г. (отражено штриховой линией), затем к 2019 г. оно по устойчивой траектории выросло почти на 20%. Мы имеем полное право приписать этот рост неучтенной инфляции.

Таким образом, мы собрали факты об инфляционных проявлениях в экономике Японии. Далее нам предстоит на их основе предложить алгоритм корректировки экономической динамики страны в целом.

Альтернативные оценки экономической динамики

На основании представленных связанных макроэкономических данных мы можем оценить более реалистичные значения ВВП Японии. Четырехшаговый алгоритм нам подсказывает рис. 9.

1. Выбрать правильную траекторию ВВП в текущих ценах. На основании рис. 9 слева возьмем самую нижнюю из них, т.е. по данным 2000 г. Это означает, что мы проигнорируем все последующие корректировки ВВП к повышению. У нас для этого имеются основания, поскольку предыдущий анализ показывает, что эти корректировки носили скорее политический характер, чем экономический.

²⁶ В ICIO взято конечное потребление домохозяйств в ценах потребителей (т.е. с учетом торговых и транспортных наценок) по отраслям сельского хозяйства (ISIC коды A01-03) и производства продуктов питания (C10-12).

2. Выбрать правильную начальную траекторию дефлятора.

3. Откорректировать дефлятор, взятый по данным 2023 г., на основании гипотезы, что изменение энергоёмкости вызвано его (дефлятора) неправильным значением. Суть исправления заключается в том, что после корректировки энергоёмкость должна стать постоянной. В качестве проверочной корректировки будет использована гипотеза выравнивания потребления продуктов питания на душу населения.

4. На завершающем шаге необходимо свести предыдущие корректировки в единую динамику ВВП в постоянных ценах.

Для реализации п. 1 необходимо элиминировать результаты последующих корректировок ВВП. На рис. 9 слева вынесено, что в 1999 г. разрыв между данными релизов 2015 г. и 2023 г. составлял 4,6%, а в 2015 г. разрыв уже 7,8%. Среднегодовой темп роста разрыва составил $(1,078/1,046)^{1/(2015-1999)} \approx 1,00188$. Разрыв в 1999 г. между данными релизов 1999 г. и 2023 г. составил $1,020 \cdot 1,046 \approx 1,066$. Если разумно предположить, что средний темп роста разрыва сохраняется, то к 2023 г. он относительно 1999 г. составит $1,066 \cdot 1,00188^{(2023-1999)} \approx 1,116$. Таким образом, для элиминирования последствий прямых корректировок мы берем оригинальные значения из релиза 1999 г., а далее из релиза 2023 г. значение 2000 г. корректируем вниз на 6,6%, увеличивая корректировку последующих лет с темпом 0,188%. В итоге ВВП 2023 г. в текущих ценах необходимо уменьшить на 11,6% (на 2019 г. она тогда составит 10,7%; это будет обсуждаться ниже).

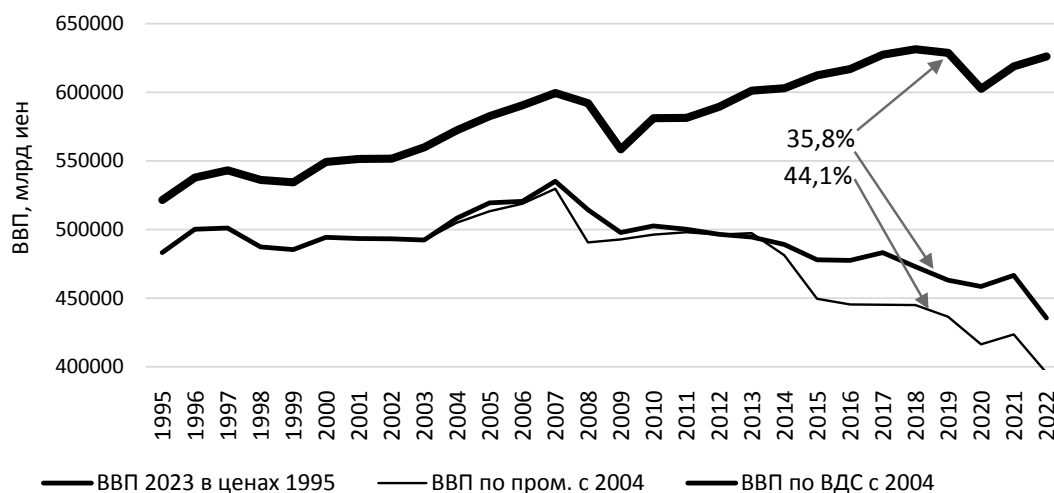

Рис. 12. Оценки ВВП Японии в ценах 1995 г. по электроёмкости ВДС и промышленности

Источник: расчеты автора.

В п. 2, исходя из обсуждения рис. 9, мы выбираем дефлятор по релизу 2001 г., т.е. последний, который не подвергался манипулятивным изменениям.

Для реализации п. 3 необходимо сделать выбор базы корректировки дефлятора. Наиболее логично взять для этого электроёмкость в промышленности или по ВДС в целом.

Теперь в соответствии с п. 4 приступим к «сборке» оценочного дефлятора, полученного в п. 2 и 3:

- 1995–2003 гг. – это оригинальный дефлятор релиза 2001 г. и годовые темпы из релизов соответствующих лет;
- 2004–2020 гг. – оригинальный дефлятор 2023 г., откорректированный по базе электроёмкости ВДС (и по промышленности как дополнительный вариант) по данным *ICIO* в соответствии с п. 3;
- 2021–2022 гг. – то же самое, но по данным *AMAD*, поскольку данные *ICIO* за этот период уже отсутствуют.

На рис. 12 справа основная и дополнительная оценки наложены на оценку ВВП в текущих ценах, полученную в п. 1. В динамике альтернативной оценки хорошо прослеживаются все значимые кризисные события:

1) Азиатский долговой кризис 1997–1998 гг. По официальной динамике это был краткосрочный кризис, последствия которого были преодолены²⁷ в 2000 г. По оценочной – восстановительная динамика была слабой, уровень ВВП 1997 г. был достигнут только в 2004 г. Следует заметить, что здесь оценочная динамика – это та же официальная, но по версии тех лет еще без манипуляций с макроэкономической статистикой;

2) Всемирный кризис 2008 г. По официальной версии восстановительная динамика была активной, последствия преодолены к 2013 г. По оценочной версии восстановительная динамика отсутствует, последствия кризиса не преодолены;

3) переход к политике количественного смягчения (*QE*) с 2013 г. по официальной версии поддержал растущую динамику ВВП. По оценочной – привел к спаду ВВП из-за резкого роста цен. В данных по промышленности это видно очень хорошо, а по ВДС – как продолжение сложившейся падающей динамики. Здесь стоит напомнить, что самая масштабная корректировка ВВП в текущих ценах произошла в 2016 г. (см. рис. 9), что также можно рассматривать как одно из последствий *QE*. Заметим, что публикации, посвященные японскому *QE*, отмечают, что политика привела к оживлению в экономике и вопреки ожиданиям не привела к инфляции (Matousek et al., 2019). В действительности мы видим, что инфляция, притом значительная, имела место, но манипуляции с официальной макроэкономической статистикой смогли скрыть ее от исследователей;

4) пандемия *COVID-19* проявляется в обоих случаях, но по официальной статистике с 2021 г. наблюдается восстановительный рост, а по оценочной, наоборот, – тенденция к спаду из-за высокой инфляции.

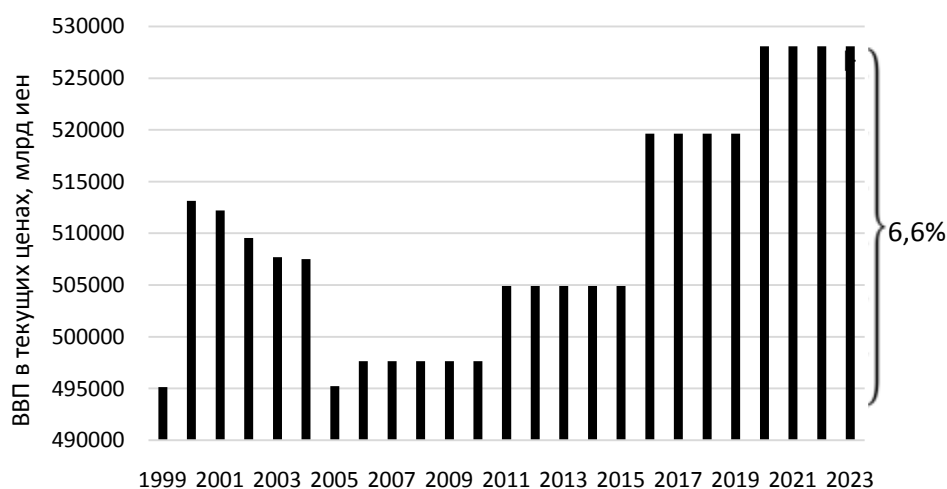

Рис. 13. ВВП Японии 1999 г. в текущих ценах по данным разных релизов

Источник: построено автором по данным *WEOD*.

Перечисленные выше кризисные вехи очень хорошо объясняют моменты изменения макроэкономической статистики. Это отражено на рис. 9, но приведем еще дополнительную иллюстрацию. На рис. 13 представлены значения ВВП в текущих ценах одного и того же 1999 г., но в разных релизах. Все «ступеньки» после 2006 г. также хорошо «привязываются» к макроэкономическим шокам: Азиатскому кризису 1998 г., мировому кризису 2008 г., *QE* с 2013 г. и *COVID-19*. Причем корректировка в 2000 г. была призвана продемонстрировать выход из Азиатского кризиса, а «откат» к прежним значениям в 2005 г., вероятно, произошел по причине начала реального восстановительного роста, который, впрочем, быстро закончился и породил потребность в новых корректировках.

На рис. 12 справа приведена кумулятивная оценка изменения ВВП по состоянию на 2019 г., последний «спокойный» год перед новой волной мировой экономической турбулентности. По базе ВДС она составила 35,8% «вниз» и 44,1% по базе промышленной динамики. Она сложилась из следующих компонент:

²⁷ Здесь и далее под преодолением последствий имеется в виду достижение докризисного уровня ВВП.

- 10,7% – оценка элиминации корректировки ВВП в текущих ценах;
- 12,4% – оценка элиминации корректировки дефлятора ВВП (см. рис. 9 справа);
- 9,1% – оценка неучтенной в дефляторе инфляции, полученная по электроемкости ВДС (15,8% при оценке по электроемкости в промышленности). Возможно, что какую-то небольшую долю в этой величине занимает реальное снижение энергоемкости. Тогда корректировке подлежит только оценка по промышленности, поскольку оценка по ВДС очень близка к оценке по продуктам питания.

Резонно задать вопрос: а может ли страна иметь столь депрессивные показатели, но при этом не демонстрировать социальные и иные явные признаки кризисных явлений? Для изначально бедной страны ответ скорее отрицательный. Однако для богатой вполне допустим положительный ответ, поскольку это может выглядеть как переход от режима общего изобилия и процветания к более экономному существованию, особенно если это происходит под «анестезией» в виде внешне благополучной экономической статистики.

Заключение

Концепция связанных данных опирается на использование в исследованиях нескольких источников данных, которые контролируются через приемы внутренней и взаимной проверки. Это придает уверенности при диагностировании ошибок данных (а они имеются во всех источниках, даже тех, которые считаются надежными), их исправлении и интерпретации в сложных случаях.

Анализ связанных данных Японии показал наличие прямых и косвенных признаков неправильного отражения ВВП страны в макроэкономической статистике. Они проявляются в виде прямых искажений ВВП и дефлятора для маскировки слабого роста и реальных инфляционных проявлений. Кроме того, дефлятор не отражает реальный уровень инфляции. Для его выявления использовалась динамика электроемкости ВВП (с контролем по отдельным отраслям) и потребления продуктов питания на душу населения.

При оценке использовалась гипотеза о постоянной величине электроемкости, несмотря на практически консенсусное представление в экспертном сообществе о снижении электро- и энергоемкости ВВП развитых стран вследствие роста энергоэффективности благодаря технологическому прогрессу. Тем не менее в данном конкретном случае для гипотезы о постоянной электроемкости имелся ряд оснований. Как консолидированная, так и отраслевая динамика потребления электроэнергии имеет резкие изменения трендов к снижению почему-то именно в моменты кризисов, что позволяет говорить об экономических, а не технологических причинах явлений. Контрольная проверка этой гипотезы показала наличие аналогичных явлений как в динамике потребления продуктов питания, так и консолидированного частного потребления. Поэтому, говоря о Японии, можно утверждать, что наблюдаемое снижение электроемкости ВВП в первую очередь является следствием скрываемых в статистике инфляционных явлений, а не роста энергоэффективности. Технологическая компонента если и есть, она «с запасом» перекрывается экономической.

Говоря о скрытых инфляционных явлениях, следует уточнить, что за ними может стоять не только занижение значения дефлятора, но и распространение в развитых странах расширенных трактовок в понимании создания ценности, включаемой в состав ВВП, о чем, в частности, приводятся обоснованные рассуждения в работе Марианны Маццукато (2021). Создание «виртуальной» ценности действительно не требует потребления электроэнергии и энергоносителей, являясь, по сути, скрытой формой инфляции. Рассмотренный пример с Японией позволяет говорить о необходимости более внимательного отношения к утверждениям о росте энергоэффективности, принятым в рамках концепции энергоперехода.

Литература / References

- Башмаков И.А. (2018). Энергетика мира: мифы прошлого и уроки будущего. *Вопросы экономики* (4), 49–75. [Bashmakov, I. (2018). World energy: Myths of the past and lessons of the future. *Voprosy Ekonomiki* (4), 49–75 (in Russian)].

- Долинская Р.М. (2013). *Энергосбережение в химической промышленности. Использование топливно-энергетических ресурсов при переработке нефти и в процессах основного органического и нефтехимического синтеза: Учебно-метод. пособие*. Минск: БГТУ. [Dolinskaya, R. (2013). *Energy Saving in the Chemical Industry. Use of Fuel and Energy Resources in Oil Refining and in Basic Organic and Petrochemical Synthesis*. Minsk: Belarusian State Technological University Publ. (in Russian)].
- Долматов И.А., Шутова М.А. (2014). *Методология прогнозирования энергоёмкости ВВП и отдельных отраслей (секторов) экономики*. Материалы 151-го заседания открытого семинара «Экономика энергетики» от 30 сентября 2014 г. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. [Dolmatov, I., Shutova, M. (2014). *Methodology for forecasting the energy intensity of GDP and individual industries (sectors) of the economy*. Proceedings of 151 meeting of the open seminar “Economics of Energy” on September 30, 2014. Moscow: Institute of Economic Forecasting RAS Publ. (in Russian)].
- Койл Д. (2016). *ВВП. Краткая история, рассказанная с юмором*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Coyle, D. (2016). *GDP: A Brief But Affectionate History*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Кузовкин А.И. (2010). Прогноз энергоёмкости ВВП России и развитых стран на 2020 г. *Проблемы прогнозирования* (3), 144–148. [Kuzovkin, A. (2010). Forecast of energy intensity of GDP in Russia and developed countries for 2020. *Problemy Prognozirovaniya* (3), 144–148 (in Russian)]. EDN: VZYPTF
- Макаров А.А. (2009). Перспективы развития энергетики России. *Вестник РАН* 79(4), 291–308. [Makarov, A. (2009). Prospects for the development of Russia’s energy sector. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk* 79(4), 291–308 (in Russian)]. EDN: JYJSRH
- Макаров А.А., Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А. (2024). *Прогноз развития энергетики мира и России 2024*. М.: ИНЭИ РАН. [Makarov, A., Kulagin, V., Grushevenko, D., Galkina, A. (2024). *Forecast of Energy Development in the World and Russia in 2024*. Moscow: ERI RAS Publ. (in Russian)].
- Маццукато М. (2021). *Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Mazzucato, M. (2021). *The Value of Everything*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Мэнкью Г., Тейлор М. (2015). *Макроэкономика*. СПб.: Питер. [Mankiw, G., Taylor, M. (2015). *Macroeconomics*. Saint Petersburg: Piter Publ. (in Russian)].
- Терентьев А.И. (2021). Концептуальная схема (парадигма) технологии связанных данных. *Безопасность информационных технологий* 28(3), 65–72. [Terentyev, A. (2021). Conceptual scheme (paradigm) of connected data technologies. *IT Security (Russia)* 28(3), 65–72 (in Russian)]. EDN: ZQSWJX
- Ханин Г.И. (1993). *Советский экономический рост: анализ западных оценок*. Новосибирск: ЭКОР. [Khanin, G. (1993). *Soviet Economic Growth: An Analysis of Western Evaluations*. Novosibirsk: EKOR Publ. (in Russian)].
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2014). Об альтернативных оценках экономического развития бывших республик СССР, стран Восточной Европы и Китая. *Вопросы статистики* (7), 64–79. [Khanin, G., Fomin, D. (2014). On alternative assessments of economic development of the former USSR republics, countries of the Eastern Europe and China. *Voprosy Statistiki* (7), 64–79 (in Russian)]. EDN: SHQLHF
- Ханин Г.И., Добровольский И.Г. (2025). Можно ли доверять американской экономической статистике, или Лукавая цифра США. *Terra Economicus* 23(3), 81–96. [Khanin, G., Dobrovolsky, I. (2025). Can American economic statistics be trusted, or A misleading figure of the US. *Terra Economicus* 23(3), 81–96 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-3-81-96
- Cicea, C., Ciocoiu, C., Marinescu, C. (2021). Exploring the research regarding energy-economic growth relationship. *Energies* 14(9), 2661. DOI: 10.3390/en14092661
- Cowling, K., Tomlinson, P. (2002). Revisiting the roots of Japan’s economic stagnation: The role of the Japanese corporation. *International Review of Applied Economics* 16(4), 373–390.

- Fukao, K. (2013). Explaining Japan's unproductive two decades. *Asian Economic Policy Review* **8**(2), 193–213.
- Hayashi, F., Prescott, E. (2002). The 1990s in Japan: A lost decade. *Review of Economic Dynamics* **5**(1), 206–235.
- Hoshi, T., Kashyap, A. (2004). Japan's financial crisis and economic stagnation. *Journal of Economic perspectives* **18**(1), 3–26.
- Ishihara, S. (1989). *The Japan That Can Say No. Why Japan Will Be First Among Equals*. N.Y.: Simon & Shuster.
- Katz, R. (1998). *Japan, the System that Soured – The Rise and Fall of the Japanese Miracle*. N.Y.: M.E. Sharpe Publishers.
- Kobayashi, M. (2013). Housing bubbles and macro-prudential supervision: A case study from Japan in 1980's and 90's. *Housing Finance International* **28**(1), 13–18.
- Lackó, M. (1999). *Do power consumption data tell the story? Electricity intensity and hidden economy in post-socialist countries*. Budapest Working Papers on the Labour Market № BWP-1999/2. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, Institute of Economics, Labour Research Department.
- Lu, W. (2016). Electricity consumption and economic growth: Evidence from 17 Taiwanese industries. *Sustainability* **9**(1), 50. DOI: 10.3390/su9010050
- Matousek, R., Papadamou, R., Šević, A., Tzeremes, T. (2019) The effectiveness of quantitative easing: Evidence from Japan. *Journal of International Money and Finance* **99**, 102068.
- Siddiqui, K. (2015). Political economy of Japan's decades long economic stagnation. *Quarterly Journal of Economics and Economic Policy* **10**(4), 9–39.
- Szustak, G., Dąbrowski, P., Gradoń, W., Szewczyk, Ł. (2022). The relationship between energy production and GDP: Evidence from selected European economies. *Energies* **15**(1), 50. DOI: 10.3390/en15010050
- Tyers, R. (2012). Japanese economic stagnation: causes and global implications. *Economic Record* **88**(283), 517–536. DOI: 10.1111/j.1475-4932.2012.00834.x
- Yamano, N., Alsamawi, A., Webb, C., Cimper, A., Zürcher, C., Pechansky, R.C. (2023). Development of the OECD Inter Country Input-Output Database 2023. *OECD Science, Technology and Industry Working Papers*, 08. OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/5a5d0665-en>.

Процикличность долга частного сектора Великобритании

Калентарова Юлия Дмитриевна

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ukalentarova@yandex.ru

Розмаинский Иван Вадимович

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: irozmain@yandex.ru

Соловьева Амина

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: agireeva@edu.hse.ru

Цитирование: Калентарова Ю.Д., Розмаинский И.В., Соловьева А. (2026). Процикличность долга частного сектора Великобритании. *Terra Economicus* 24(1), 133–153. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-133-153

В статье анализируется процикличность долга частных экономических агентов Великобритании – нефинансовых и финансовых корпораций, а также домохозяйств – за период с 1987 по 2023 гг. Теоретическое объяснение данного феномена может быть найдено как в концепции финансового акселератора, так и гипотезе финансовой нестабильности. Для эмпирического обоснования существования процикличности долга анализируются данные по шести коэффициентам задолженности, ВВП и ключевой ставке, при этом используются методы коинтеграции. Основной результат анализа заключается в подтверждении гипотезы о положительной связи между динамикой ВВП и уровнем долга, что свидетельствует о синхронности долговых и деловых циклов. При этом коэффициенты долговой нагрузки продемонстрировали различную интенсивность реакции на макроэкономические шоки. Финансовые корпорации, в силу своей зависимости от краткосрочного рефинансирования, проявили более высокую волатильность по сравнению с нефинансовым сектором. Фазы экономического подъема сопровождаются активным наращиванием заимствований, тогда как в периоды спадов сокращение кредитования усугубляет рецессионные тенденции. Высокая скорость коррекции при движении к равновесию, выявленная в моделях коррекции ошибок, указывает на адаптивность системы. Значимость исследования для России – в том, что наши выводы позволяют сформулировать критерии анализа процикличности долга для российской экономики и обосновать подходящий комплекс мер денежно-кредитной политики для финансовой стабилизации в случае наличия такой процикличности. Статья призвана заполнить исследовательский пробел: как в русскоязычной, так и в англоязычной литературе феномен процикличности долга является редкой темой в эмпирических исследованиях.

Ключевые слова: долг частного сектора; процикличность долга; деловой цикл; Великобритания; коинтеграция

Procyclicality of the private sector debt in the United Kingdom

Julia D. Kalentarova

HSE University, St. Petersburg, Russia, e-mail: ukalentarova@yandex.ru

Ivan V. Rozmainsky

HSE University, St. Petersburg, Russia, e-mail: irozmain@yandex.ru

Amina Solovyova

HSE University, St. Petersburg, Russia, e-mail: agireeva@edu.hse.ru

Citation: Kalentarova J.D., Rozmainsky I.V., Solovyova A. (2026). Procyclicality of the private sector debt in the United Kingdom. *Terra Economicus* 24(1), 133–153 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-133-153

Paper analyzes the procyclicality of debt of the UK private economic agents, including non-financial and financial corporations, as well as households – for the period from 1987 to 2023. A theoretical explanation of this phenomenon can be found both in the conception of a financial accelerator and the financial instability hypothesis. To substantiate empirically the existence of the procyclicality of debt, we analyze data on six debt ratios, GDP and the key interest rate, while using cointegration methods. The main result of the analysis is to confirm the hypothesis of a positive relationship between GDP dynamics and debt levels, which indicates the synchronicity of debt cycles and business cycles. At the same time, the debt ratios demonstrated a different intensity of reaction to macroeconomic shocks. Financial corporations, due to their dependence on short-term refinancing, have shown higher volatility compared to the non-financial sector. The phases of economic recovery are accompanied by an active increase in borrowing, whereas during recessions, credit contraction exacerbates recessionary tendencies. The high rate of correction to equilibrium revealed in error correction models indicates the adaptability of the system. The significance of the study for Russia is that it allows us to formulate criteria for analyzing the procyclicality of debt for the Russian economy and to justify a suitable set of monetary policy measures for financial stabilization if such a procyclicality occurs. The article aims to fill a research gap, since both in Russian-language and English-language literature debt procyclicality is a rare topic for empirical research.

Keywords: private sector debt; procyclical debt; business cycle; United Kingdom; cointegration

JEL codes: E12, E32, E44, E52

Введение

Экономические циклы, характеризующиеся чередованием фаз подъема и спада, оказывают системное влияние на финансовое поведение экономических агентов. Так, динамика долговой нагрузки частного сектора часто демонстрирует процикличность: в периоды экспансии компании активно наращивают заимствования, а в условиях рецессии вынуждены сокращать долг, усугубляя кризисные явления (Kiyotaki, Moore, 1997; Charles, 2024; Hamdaoui et al., 2025).

В первую очередь, процикличность долга может быть связана с тем, что в периоды стабильности и экономического подъема банки более склонны к выдаче займов, за счет чего растет долговая нагрузка экономических агентов. Кроме того, состояние экономической среды оказы-

вают большое влияние на заинтересованность в кредитных средствах: в условиях положительных прогнозов компании могут увеличивать инвестиции за счет заемных средств, надеясь на дальнейшее погашение долга за счет будущих доходов.

В условиях неопределенности и высокой волатильности на финансовых рынках, вопрос закредитованности частных компаний является крайне актуальным: слишком большая накопленная долговая нагрузка может влечь за собой неблагоприятные последствия вплоть до банкротства фирм. Таким образом, важно понимать, как экономические циклы влияют на уровень закредитованности компаний, и какие факторы способствуют процикличности долговых обязательств.

Данное исследование представляет эмпирический анализ процикличности долга частных экономических агентов Великобритании за период с 1987 по 2023 гг., внося вклад в объяснение того, почему экономика наращивает «потенциал стать кризисной» (т. е., накапливает финансовую хрупкость). Это может пролить свет на важнейшие характеристики Великой рецессии и других кризисов. Кроме того, наш анализ может быть полезен как для академического сообщества, так и для специалистов в области финансового управления, поскольку содержит практические рекомендации бизнесу по управлению долговой нагрузкой. К тому же, в данном исследовании, в отличие от большинства существующих, рассматривается накопление долга не только корпоративным сектором, но и домохозяйствами в контексте процикличности долга. При этом для каждого типа экономических агентов были выбраны разные коэффициенты долга в зависимости от специфики обязательств и финансовой структуры, что позволяет более точно оценивать полученные результаты. Кроме того, мы комбинируем долгосрочный и краткосрочный анализ для более детального изучения природы процикличности долга.

Обзор литературы

Экономическая история Великобритании последних четырех десятилетий представляет собой впечатляющий пример трансформации национальной хозяйственной системы. Начавшись с реформ правительства М. Тэтчер в начале 1980-х гг., эта трансформация привела к формированию качественно новой постиндустриальной экономической модели, характеризующейся доминированием финансового сектора и услуг, а также повышенной волатильностью хозяйственного развития.

Период 1980-х гг. ознаменовался глубокой структурной перестройкой британской экономики. Проводимая правительством консерваторов политика тэтчеризма включала три ключевых компонента: жесткую денежно-кредитную политику, масштабную приватизацию государственного сектора и радикальную дерегуляцию финансовых рынков. Эти процессы сопровождались существенным сокращением промышленного производства и росту безработицы до рекордных 11,9% к 1984 г. (Middleton, 2000).

В результате последнего из упомянутых компонентов «тэтчеризма» изменился характер функционирования лондонского финансового рынка. До 27 октября 1986 г. Лондонская фондовая биржа (LSE) существовала по устаревшим правилам: фиксированные комиссии, разделение ролей между брокерами и джобберами, а также запрет на участие иностранных институтов сдерживали конкуренцию и инновации. Финансовая реформа, известная под названием «Большой взрыв» [Big Bang], устранила эти ограничения, разрешив электронные торги, отменив фиксированные комиссии и открыв доступ иностранным банкам. В результате Лондон превратился в глобальный хаб капитала – к 1990 г. объем ежедневных валютных операций вырос в 3 раза. Как отмечено в статье (Reinhart, Rogoff, 2014), подобные меры, характерные для «неолиберальной» экономической политики, могут вести к усилению амплитуды экономических колебаний.

Экономический подъем 1980-х гг. носил выраженный нестабильный характер. Искусственное стимулирование потребительского спроса через кредитную экспансию привело к формированию «пузырей» на рынках недвижимости и финансовых активов. Последствия не заставили себя ждать: уже в 1991–1992 гг. страна столкнулась с глубоким экономическим кризисом, в ходе которого ВВП сократился на 2,5%. Основными причинами кризиса стали завышенный курс фунта стерлингов, обвал цен на недвижимость и сохранение высоких процентных ставок. Кроме того, большие и растущие бюджетные дисбалансы годами ранее были значительным фактором наступившей кризисной ситуации¹.

¹ Turner, J. (2022). The birth of inflation targeting: Why did the ERM crisis happen? Economics Observatory, November 8. <http://www.economicsobservatory.com/the-birth-of-inflation-targeting-why-did-the-erm-crisis-happen> (accessed on August 6, 2025)

Глобальный финансовый кризис 2008 г. стал кульминацией накопленных структурных дисбалансов британской экономики, наиболее ярко проявив уязвимость сложившейся финансово-ориентированной модели развития. Особую остроту кризис приобрел в Великобритании вследствие гипертрофированного роста финансового сектора и чрезмерной зависимости от спекулятивных операций лондонского Сити (Gamble, 2014). Кризис вскрыл фундаментальные проблемы экономической политики: чрезмерную либерализацию финансового регулирования, рост долговой нагрузки и зависимость экономического развития от кредитной экспансии и ценовых пузырей на рынке недвижимости.

Сформировавшаяся в результате реформ экономическая модель демонстрирует ряд устойчивых характеристик. Во-первых, отмечается гипертрофированное развитие финансового сектора, доля которого в ВВП в начале XXI в. превысила 10%. Во-вторых, усилились региональные диспропорции, выразившиеся в концентрации экономического роста в Лондоне и его окрестностях. В-третьих, возросла зависимость от глобальных финансовых потоков, что повысило уязвимость экономики к внешним шокам (Thomas et al., 2010).

Современный этап развития британской экономики (после 2010 г.) характеризуется наложением новых вызовов на устоявшиеся структурные проблемы. Референдум о выходе из ЕС 2016 г. и последовавший за ним Брекзит существенно осложнили экономическую ситуацию. Как показывают исследования (Fingleton et al., 2023; Chang, 2018), неопределенность, связанная с выходом из Евросоюза, привела к снижению инвестиционной активности и оттоку капитала. Валютный кризис 2022 г., при котором курс фунта стерлингов достиг исторического минимума по отношению к доллару, наглядно продемонстрировал сохраняющуюся уязвимость британской экономической модели.

Таким образом, экономические реформы 1980-х гг. создали условия для большей амплитуды деловых циклов, а зависимость от финансового сектора и глобальных потоков капитала сделала экономику Великобритании особенно чувствительной к внешним шокам.

В контексте этих изменений в экономике Великобритании феномен процикличности долга становится особенно актуальным. Изучение этого феномена важно не только для понимания природы различных экономических явлений, но и для возможности смягчения последствий возможных кризисов за счет понимания динамики накопления долга разными экономическими агентами – от домохозяйств до нефинансовых и финансовых корпораций. Однако пока что опубликованных работ по этой проблематике крайне мало...

Существуют разные экономические концепции, которые приводят к выводу о существовании процикличности долга. Значительная роль финансового и кредитного рынков в распространении циклических колебаний рассматривается в работах Бернанке с соавторами (Bernanke et al., 1996; 1999). Авторы этих работ демонстрируют собственную модификацию новокейнсианской концепции, модификацию, включающую в себя не только анализ последствий асимметрии информации на кредитном рынке в виде более строгих требований к залоговому обеспечению кредитов, но и теорию «финансового акселератора», чтобы проиллюстрировать последствия шоков на финансовых рынках. Для обоснования модели экономические агенты делятся на три основных категории: домохозяйства, индивидуальные предприниматели и розничные торговцы, а также правительство, проводящее фискальную и денежно-кредитную политику. Предприниматели, играя ключевую роль в динамике модели, производят товары оптом, продают их розничным торговцам, которые, в свою очередь, перепродают их домохозяйствам, имея монопольную власть и создавая тем самым нестабильность в экономике. Авторы рассматривают частичное равновесие для предпринимателя, показывающее, что отношение стоимости внешнего финансирования к премии за него обратно пропорционально доле капиталовложений фирмы, которая финансируется за счет собственного чистого капитала предпринимателя. Равновесие при выборе основного капитала наступает при равенстве предельной стоимости средств фирмы ожидаемой доходности капитала. Далее Бернанке с соавторами рассматривают реакцию экономики на шоки денежно-кредитной политики, технологические шоки, шоки спроса и перераспределения богатства между предпринимателями и домохозяйствами. С помощью добавления финансового акселератора в каждую модель показывается значительное отличие от модели без него, что объясняет возникновение в экономике циклических колебаний даже из-за незначительных возмущений на финансовом рынке. Более

того, исследование наглядно иллюстрирует наличие процикличности долга, проводя взаимосвязь между чистым капиталом и «премией за внешнее финансирование». Это делается при помощи постулируемой проблемы «заказчик – исполнитель» («принципал – агент»). В период экономических подъемов чистый капитал растет, а премия снижается, что делает кредитование более доступным и способствует росту инвестиций за счет роста долга (Kiyotaki, Moore, 1997). Во время спадов происходит обратная ситуация.

Наряду с концепцией финансового акселератора, существенный вклад в понимание процикличности долга внес Х. Мински, сформулировав гипотезу финансовой нестабильности (Minsky, 1980; 1986; Скоробогатов, 2005; Столбов, 2010). В отличие от моделей, фокусирующихся на проблемах, порождаемых асимметрией информации на кредитных рынках, например, в виде требований к залоговому обеспечению кредитов и последствий «внешних финансовых шоков», в рамках этого подхода акцентируется эндогенная природа финансовой нестабильности, возникающей из-за изменения поведения экономических агентов в ходе делового цикла. Согласно теории Мински, устойчивый экономический подъем порождает избыточный оптимизм, что приводит к постепенной «деградации» стандартов финансирования (Kirti, 2025) от консервативного «хеджевого» (когда денежные потоки покрывают и долг, и проценты) к рискованному «спекулятивному» (покрываются только проценты) и, наконец, к неустойчивому «Понци-финансированию» (когда для обслуживания долга требуется постоянный приток новых займов) (Новикова, Розмаинский, 2020; Nishi, 2019; Charles, 2024). Этот процесс создает механизм самоусиления: в фазе подъема доступность кредита растет, стимулируя инвестиции и потребление, но накопленные дисбалансы делают экономику уязвимой к любым негативным шокам, что ведет к резкому ужесточению условий кредитования при наступлении спада.

Эмпирические исследования, пусть и немногочисленные, указывают на возможность существования феномена процикличности долга в разных странах и регионах. Так, были проанализированы макроэкономические данные по США с 1889 по 2014 гг. на основе оценивания простых VARMA-моделей (Stockhammer, Gouzoulis, 2023). В качестве переменных долга рассматриваются корпоративная и ипотечная задолженность. Авторы обнаружили, что увеличение соотношения корпоративного долга к доходам снижает инвестиции и рост ВВП, в то время как увеличение реальных инвестиций или рост ВВП приводят к увеличению соотношения корпоративного долга к доходам. Предполагаемая продолжительность цикла составляет 11 и 12 лет для ВВП и инвестиций соответственно. Однако, аналогичные выводы применительно к ипотечной задолженности не подтвердились.

Та же методология использовалась применительно к семи странам ОЭСР – Австралии, Великобритании, Германии, Канаде, США, Финляндии, Франции за 1970–2015 гг. (Stockhammer et al., 2019). Авторы обосновали взаимосвязь между корпоративным долгом и ВВП в среднесрочной перспективе во всех упомянутых странах, кроме Финляндии. На примере соотношения между долгом домашних хозяйств и ВВП зависимость не подтвердилась, но была обнаружена некоторая степень связи между задолженностью домохозяйств и потреблением в Германии, Франции, Великобритании, США.

Данные по США за период с 1945 по 2023 гг. анализировались с использованием непараметрического статистического теста (критерия Пейджа) и биномиального теста (Phan et al., 2024). В качестве индикаторов накопления финансовой хрупкости рассматривались положительные изменения семи коэффициентов задолженности (отношение суммарных пассивов к активам, отношение краткосрочных долгов к ликвидным активам, отношение задолженности к собственному капиталу и др.) для четырех групп агентов (домохозяйства, нефинансовые корпорации, нефинансовые компании, не являющиеся корпорациями, и финансовые компании). Результаты показали, что коэффициенты задолженности повышались перед каждой рецессией, исключая рецессию 1990 г. и рецессии, случившиеся после 2020 г.

Процикличность долга во всей Еврозоне за период с 1999 по 2022 гг. исследовалась посредством коинтеграции (Charles, 2024). Автор измерял задолженность как сумму долговых ценных бумаг и ссуд, используя в качестве прокси для процикличности задолженности отношение долга к прибыли после уплаты налогов и отношение долга к ВВП. В результате был получен вывод о том, что гипотеза процикличности долга подтверждается, если в качестве прокси использовать первый из упомянутых показателей, но не второй (Розмаинский, 2025).

Особняком стоит исследование на испанских данных, в котором рассматривалось, как внешние финансовые ограничения инновационной деятельности компаний меняются по ходу делового цикла (Laborda et al., 2021). В работе был охвачен период с 1998 по 2011 гг. на основе панельных данных 18 096 фирм Испании (не менее 1 010 фирм за каждый год). Авторы пришли к выводу, согласно которому «вероятность того, что фирма столкнется с внешними финансовыми ограничениями в плане осуществления инновационных проектов, обратно пропорциональна деловому и кредитному циклам. Другими словами, она уменьшается с ростом ВВП и коэффициента левериджа нефинансовой корпорации» (Там же: 1008–1009). По мнению авторов, это свидетельствует о процикличности долга испанских компаний.

Исторические данные свидетельствуют, что государственное регулирование действительно способно смягчать амплитуду эндогенных колебаний, вызванных долговой динамикой (Stockhammer, Gouzoulis, 2023). Однако эффективность традиционных инструментов денежно-кредитной политики постепенно снижается – наблюдается так называемый «парадокс Мински». Его суть заключается в том, что с каждым новым кризисом требуются все более масштабное вмешательство государства для стабилизации экономики, при этом отдача от стандартных мер постоянно уменьшается (Скоробогатов, 2024).

Особенно наглядно это проявляется в изменении характера взаимосвязи между финансовыми рынками и процентными ставками. Если ранее снижение ставок однозначно стимулировало рыночную активность, то теперь наблюдается обратная зависимость – ставки вынуждены следовать за рыночной конъюнктурой. Это создает принципиально новые вызовы для экономической политики и требует разработки более тонких и адресных инструментов регулирования, учитывающих отраслевую специфику и размер компаний.

Используемые данные

В текущем исследовании мы используем ключевое ежегодное статистическое издание национальных счетов Великобритании «Blue Book», данные которого покрывают период с 1987 по 2023 гг. Массив данных содержит основные финансовые показатели для каждого типа экономических агентов частного сектора: домохозяйства, нефинансовые корпорации и финансовый сектор. Показатели, отражающие состояние активов и обязательств экономических агентов, используются для расчетов долговой нагрузки каждого из них в каждый рассматриваемый год. Достаточно обширный охватываемый период времени позволит учесть многие ключевые события, в том числе Великую рецессию, Брекзит и пандемию COVID-19. Выбор 1987 г. в качестве начальной даты временного ряда обусловлен структурными изменениями в финансовой системе Великобритании, связанными с реформой 1986 г. Эта реформа стала поворотным моментом в истории британской экономики, кардинально изменив принципы функционирования финансовых рынков. Можно сказать, что до 1986 г. доступ компаний к кредитам был более ограничен, а структура долга принципиально отличалась, и данный временной ряд исключает влияние устаревшей системы регулирования на анализ долговой динамики.

В контексте анализа денежно-кредитной политики и экономических циклов ключевое значение имеет базовая процентная ставка Банка Англии, являющаяся основным инструментом регулирования ликвидности в британской экономике. Ее динамика в значительной мере отражает реакцию денежных властей на изменение экономических условий.

Расчёт коэффициентов

Чтобы сделать наш анализ как можно более релевантным, нами было выбрано шесть коэффициентов задолженности для рассматриваемых экономических агентов. Эти коэффициенты отражают долговую динамику для трех составляющих частного сектора: домохозяйства (HH), нефинансовые корпорации (NFC), финансовый сектор (FC). Таким образом, здесь мы отталкивались от вышеупомянутой работы (Phan et al., 2024), правда, исключив из анализа некорпоративные нефинансовые компании. Нефинансовые и финансовые компании будут оцениваться совместно в контексте корпоративного долга, а оценка заимствований домохозяйств также будет включена в исследование для полноты анализа. Дело в том, что домохозяйства являются ключевыми потребителями про-

дукции частных компаний: как производственных корпораций, так и компаний, предоставляющих финансовые услуги, что говорит об их связи в рамках кредитных и деловых циклов. Именно поэтому их изучение в разрезе процикличности долговых обязательств корпоративного сектора может помочь в углублении анализа процикличности заимствований всего частного сектора.

Кроме того, включение различных секторов позволит проверить, проявляется ли процикличность универсально или имеет секторальную специфику (например, отличается ли динамика долга в финансовом и нефинансовом секторах). Исследования показывают, что кризисы часто возникают при одновременном накоплении долговых дисбалансов в нескольких секторах (Jordà, Taylor, 2016).

Подробная спецификация представлена в табл. 1. Можно заметить, что для каждого из агентов коэффициент, отражающий долговую нагрузку, отличается. Это объясняется различной спецификой рисков и структурой долговых обязательств, поэтому во избежание ложных сигналов о финансовом состоянии для каждого из агентов используются индивидуальные коэффициенты.

Таблица 1

Коэффициенты долга

Показатели	Тип агента	Формула для расчета
Общая сумма обязательств к активам	Домохозяйства (HH)	Все финансовые обязательства / Все финансовые активы («Коэффициент № 1»)
Краткосрочные обязательства к собственному капиталу		Задолженность по кредитам / Нефинансовые активы («Коэффициент № 2»)
Краткосрочные обязательства к ликвидным активам	Нефинансовые корпорации (NFC)	Краткосрочные финансовые обязательства / (Валюта, акции и депозиты) («Коэффициент № 1»)
Кредиторская задолженность к дебиторской задолженности		Кредиторская задолженность / Дебиторская задолженность («Коэффициент № 2»)
		Прочая кредиторская задолженность / Прочая дебиторская задолженность («Коэффициент № 3»)
Краткосрочная задолженность к общей сумме задолженности	Финансовый сектор (FC)	Краткосрочные обязательства / Общая сумма обязательств

Источник: составлено авторами.

При расчете коэффициентов долга для домохозяйств акцент делается на платежеспособности, так как данный тип агентов не использует сложные финансовые инструменты. Среди домохозяйств обычно распространены операции с недвижимостью, накопления и депозиты, поэтому при расчете берутся ликвидные активы и собственный капитал домохозяйств. Для нефинансовых корпораций важна ликвидность для покрытия краткосрочных обязательств (например, поставки и заработные платы), поэтому акцент при расчетах делается на быстрореализуемых активах. В свою очередь, финансовые корпорации работают непосредственно с заемными средствами, поэтому коэффициент отражает долю средств, которые могут быть оперативно изъяты (например, вклады до востребования).

Мы предполагаем, что долговые обязательства большинства из рассчитанных коэффициентов имеют проциклический характер. Далее данная гипотеза анализируется эконометрически.

Эконометрическая модель

Мы исследуем процикличность долга через зависимость коэффициентов долговой нагрузки от макроэкономических переменных. В качестве независимой переменной используется ВВП, как комплексный показатель, отражающий экономическую активность, а также ключевая ставка.

Уравнение взаимосвязи между изучаемыми переменными выглядит следующим образом:

$$\log(debt) = \alpha + \beta * \log(GDP) + \delta * intr + \varepsilon,$$

где: $\log(debt)$ – логарифм коэффициента долга; $\log(GDP)$ – логарифм ВВП; $intr$ – ключевая ставка; ε – ошибка модели.

Использование логарифмов для ВВП и коэффициента долга обосновано необходимостью оценки эластичности и снижения гетероскедастичности, тогда как процентная ставка включена в линейной форме для сохранения интерпретируемости абсолютного эффекта. Коэффициент при логарифме ВВП показывает, на какой процент изменяется коэффициент долга при изменении ВВП на 1%. Это критически важно для анализа процикличности, так как позволяет оценить относительную чувствительность долга к колебаниям экономического цикла и устраняет проблему разномасштабности данных.

Этапы эконометрического анализа

Первым этапом анализа является проверка временных рядов на стационарность с использованием расширенного теста Дики-Фуллера (ADF), теста Квятковского-Филлипса-Шмидта-Шина (KPSS) и теста Филлипса-Перрона (PP). Это необходимо для определения порядка интеграции переменных и исключения возможности ложной регрессии. В случае обнаружения нестационарности рядов и стационарности их первых разностей переходим к анализу коинтеграции. Коинтеграционный анализ позволяет установить наличие устойчивой долгосрочной взаимосвязи между нестационарными переменными, что принципиально важно для нашего исследования. В контексте анализа процикличности долга это означает, что мы можем обнаружить устойчивую статистическую связь между логарифмом ВВП и логарифмом коэффициента долга.

Для выявления долгосрочной взаимосвязи между переменными проводится процедура Йохансена – аналог классического теста Энгла-Грейнджера, позволяющая анализировать коинтеграцию в системах с несколькими переменными, что поможет в нашем случае учесть не только ВВП и коэффициент долга, но и ключевую ставку.

Особое внимание уделяется тестированию структурных сдвигов с помощью теста Бай-Перрона, что особенно актуально для учета последствий Великой рецессии и Брекзита. На основе результатов поиска структурных разрывов проводится процедура их формализации с помощью фиктивных переменных.

Далее при обнаружении коинтеграционных соотношений строится векторная модель коррекции ошибок (VECM), которая позволяет анализировать как долгосрочные равновесные взаимосвязи, так и краткосрочную динамику. Кроме того, для более детального изучения характера взаимодействий будут использоваться функции импульсного отклика.

Для проверки адекватности моделей использовались тесты на автокорреляцию, нормальность остатков моделей VAR, а также проверялась гетероскедастичность и стабильность модели. Отсутствие автокорреляции остатков отражает отсутствие корреляции между текущими и предыдущими наблюдениями, что позволяет сделать вывод об отражении правильной структуры данных и выбора подходящей спецификации модели. Нормальность остатков отражает возможность модели адекватно оценивать фактические значения. Гомоскедастичность отражает постоянство дисперсии для всех наблюдений и позволяет применять стандартные статистические методы и получать эффективные оценки. Стабильность модели проверяется с помощью проверки корней характеристического полинома: они не должны превышать единицу. Это отражает возможность модели возвращаться к равновесию после шоков.

Результаты анализа процикличности долга нефинансовых и финансовых корпораций

В начале анализа временных рядов коэффициентов задолженности мы проверили их на стационарность (Приложение, табл. 1). Нами были проведены такие тесты, как ADF, KPSS и PP; все они указывают на нестационарность. Стоит отметить, что в рамках исследования долговых коэффициентов в ограниченном временном промежутке маловероятно обнаружить стационарность ряда за счет асимметричной природы сокращения долга относительно его наращивания, а также достаточно ограниченного горизонта времени.

Последующая проверка первых разностей с помощью KPSS и PP тестов указала на их стационарность (Приложение, табл. 2). Это означает, что возможен переход к проверке долгосрочных взаимосвязей с помощью коинтеграции.

Кроме того, мы протестировали таким же образом ВВП и ключевую ставку для включения их в анализ – большинство наших статистических процедур не отвергают наличие единичного корня, что дает веские доказательства их нестационарной природы (Приложение, табл. 3).

Результаты этого обязательного этапа перед построением модели предполагают возможность дальнейшего использования тестов на коинтеграцию для обнаружения существования долгосрочных связей и их характера. Однако, помимо проверки интегрированности рядов, важно также проверить наличие структурных разрывов, а также сопоставить получившиеся даты с реальным ходом экономических событий в Великобритании.

Следующим этапом был поиск структурных разрывов в логарифмированных коэффициентах долга для каждого рассчитанного коэффициента. Это позволяет обнаруживать резкое изменение темпов роста долга в определенные моменты, что демонстрирует динамику деловых циклов – не только смену фазы бизнес-цикла, но и просто значимые события для экономической обстановки в стране. Для поиска структурных разрывов в нашем исследовании использовался метод Бай-Перрона, который позволяет находить множественные структурные разрывы, в отличие от других доступных тестов, что значимо для делового и долгового циклов, которые, несмотря на не слишком обширный промежуток времени, могут иметь несколько точек перегиба. Полученные точки разрыва могут соответствовать принятым политическим решениям и экономическим мерам, а также возникшим кризисам. В таблице 4 Приложения представлены результаты поиска точек структурных разрывов, соотнесенных с соответствующими годами.

Действительно, большинство из выведенных точек соответствует событиям, происходившим в Великобритании в соответствующих годах. Например, 1992 г. известен обесценением фунта стерлингов и отказом правительства Великобритании от европейского механизма валютных курсов; данное событие названо «черной средой». Кроме того, разрывы также указывают на «великую рецессию» (2007–2009 гг.) и ее последствия, а также на кризис 2011 г. – Европейский долговой кризис. Так, общие тенденции, характеризующие экономическую ситуацию в стране, соответствуют найденным годам. Этот шаг был необходим для дальнейшей работы с коинтеграционными моделями посредством формализации структурных разрывов с помощью дамми-переменных. Впоследствии в модель векторной авторегрессии добавлялись дамми-переменные на основе полученных точек разрывов, чтобы учесть влияние данных событий на долгосрочное равновесие.

На следующем этапе с помощью критериев информативности (AIC, HQ, SC, FPE) были подобраны оптимальные глубины лагов в модели VAR.

Процикличность долга представляет собой синхронизацию динамики заимствований с деловыми циклами, что подразумевает долгосрочную взаимосвязь, изучаемую с помощью коинтеграции. На основании существования процикличности долга можно сделать предположение о вероятности существования стационарной комбинации долга и ВВП – рост и падение в одном направлении позволяет данной комбинации колебаться вокруг постоянного уровня. Кроме того, лица, ответственные за проведение денежно-кредитной политики, используют ключевую ставку в ответ на изменение объема текущих заимствований, что может позволять создавать стационарную комбинацию изначально нестационарных переменных: долг, ВВП, ставка. Эти соображения позволяют использовать коинтеграцию в исследовании процикличности долга. Поэтому мы провели тест Йохансена на наличие коинтеграционных соотношений.

Мы проверяли модель с константой и с добавлением к ней линейного тренда. Информационные критерии Акаике и Байеса (AIC и BIC, соответственно) для VECM с константой и трендом оказались лучше, чем для модели, включающей только константу. Данные критерии выявляют баланс между точностью модели и ее сложностью, а предпочтение отдается той модели, у которой эти критерии меньше. В нашем случае использование обоих критериев для каждого из коэффициентов побуждают предпочесть выбираемую нами модель. Также эта модель соответствует лучшей интерпретируемости экономических взаимосвязей (Charles, 2024) в исследовании макроэкономических данных. Это можно объяснить тем, что накопление долга – кумулятивный процесс, т. е. он соответствует тренду, а константа отражает структурный компонент долга: например, даже во время рецессии поддерживается минимальный уровень задолженности. Кроме того, как уже говорилось, в 1980-е гг. в Великобритании началась финансовая либерализация, что способствовало развитию доступности кредитования. Вдобавок, расширение финансового сектора и глобальный

технологический прогресс затрагивают и Великобританию, что заметно увеличивает инвестиции в инновационные проекты, которые осуществляются за счет долга. Все это оправдывает дальнейшее добавление тренда в наши модели. Более того, представленные в таблице 5 Приложения информационные критерии побуждают отдать предпочтение модели с константой и трендом.

Подробно разберем результаты теста для долга нефинансовых корпораций в первом варианте коэффициента. Тест на ранг коинтеграции Йохансена выявил два коинтеграционных соотношения между переменными на уровне значимости 5%. Это значит, что система обладает двумя стационарными комбинациями, отражающими долгосрочное равновесие. Оцененная VECM демонстрирует следующие результаты:

$$\log(GDP) = 0.094 * \log(NFC1) + 0.057 * const - 0.0008 * trend; \quad (1)$$

$$rate = 2.420 * \log(NFC1) - 0.473 * const + 0.020 * trend. \quad (2)$$

Значение коэффициента при долге в первом коинтеграционном соотношении указывает, что при увеличении долга на 1% ВВП растет на 0,094%; константа отражает автономную составляющую ВВП, а тренд отражает слабую тенденцию ВВП к снижению, при прочих равных условиях. Кроме того, рост долга провоцирует рост процентной ставки на 2,42%.

Скорость коррекции ошибок ECT(1) для первого уравнения характеризуется значимостью на уровне 10% со значением -1,43. Это указывает на высокую скорость, значит, если система отклоняется от долгосрочного равновесия, то она быстро возвращается к нему. Для второго уравнения ECT(2) также показывает высокую скорость коррекции со значением -1,52 для процентной ставки на уровне значимости 5%. Это может говорить о незамедлительной реакции регулирующих органов на изменение объема задолженности, однако такая мера, вероятно, и приводит к избыточной волатильности.

Кроме того, нами были построены функции импульсного отклика, которые также демонстрируют взаимосвязь ВВП и задолженности. Данная функция отражает краткосрочную реакцию этих переменных на внезапные шоки. Для рассмотрения накопительного влияния были также построены кумулятивные функции импульсного отклика. Они отражают накопленный эффект колебаний, который отражает постепенный рост ВВП из-за шока долга, что подтверждает цикличность заимствований.

Рисунки 1 и 2 Приложения демонстрируют значимые графики импульсного отклика для коэффициентов, рассчитанных для корпоративного сектора: ими оказались коэффициент № 3 для нефинансовых корпораций и коэффициент долга для финансовых фирм. На этом примере можно отметить общую черту: краткосрочный рост ВВП при положительном шоке долгового коэффициента и постепенная стабилизация после пятого периода. Рисунки 3 и 4 Приложения, описывающие кумулятивные функции импульсного отклика, как и предполагалось, отражают постепенный рост ВВП после шока долга. Для сравнительного анализа и более точной оценки приведем сводную таблицу получившихся векторов для всех моделей (табл. 2).

Таблица 2

Результирующие векторы, отражающие основные взаимосвязи

Коэффициент долга	Вектор 1	Вектор 2
NFC1	$\log(GDP) = 0.094 * \log(NFC1) + 0.057 * const - 0.0008 * trend$	$Rate = 2.420 * \log(NFC1) - 0.473 * const + 0.020 * trend$
NFC2	$\log(GDP) = 0.630 * \log(NFC2) + 0.064 * const - 0.0008 * trend$	$Rate = 18.065 * \log(NFC2) - 0.803 * const + 0.036 * trend$
NFC3	$\log(GDP) = 0.409 * \log(NFC3) + 0.055 * const - 0.0009 * trend$	$Rate = 8.942 * \log(NFC3) - 1.109 * const + 0.041 * trend$
FC	$\log(GDP) = 0.261 * \log(FC) + 0.064 * const - 0.0006 * trend$	$Rate = 9.443 * \log(FC) - 0.558 * const + 0.039 * trend$

Источник: составлено авторами.

Коэффициенты нормированы; значимость векторов подтверждена тестом Йохансена. Все оценки получены из VECM с $r=2$.

Таблица 3

Связь коэффициентов получившихся уравнений с наличием процикличности

Коэффициент долга	Связь с ВВП	Связь со ставкой	Наличие процикличной природы	Скорость коррекции ВВП (ЕСТ1)	Скорость коррекции ставки (ЕСТ2)
<i>NFC1</i>	0.094	2.420	Есть	-1.431 ^{*2}	-1.522 ^{**}
<i>NFC2</i>	0.630	18.065	Есть	-0.437 [*]	-1.165 ^{***}
<i>NFC3</i>	0.409	8.942	Есть	-1.076 ^{***}	-1.102 ^{***}
<i>FC</i>	0.261	9.443	Есть	-0.810 ^{***}	-1.198 ^{***}

Источник: составлено авторами.

Помимо долгосрочной связи в коинтеграционных уравнениях и скорости коррекции при движении показателей к долгосрочному равновесию (табл. 3) в построенной нами VECM были также обнаружены краткосрочные взаимосвязи, отражающие влияние на изменение ВВП в текущем периоде в зависимости от изменения коэффициента долга и ставки в прошлом периоде, а также фиктивной переменной, заданной нами для учета кризисов.

Мы рассмотрим краткосрочные эффекты для всех экономических агентов сразу для общей картины, а затем перейдем к анализу домохозяйств. Результаты, полученные из VECM и выведенные в виде уравнений, приведены в Приложении (пп. «Формула VECM в общем виде» и «Уравнения VECM»).

Таблица 6 Приложения демонстрирует, что рост ВВП в текущем периоде связан с увеличением долговых коэффициентов в прошлом периоде: все коэффициенты перед лагированным долгом положительны, что говорит о том, что накопление долга в фазе роста поддерживает экономическую активность. В корпоративном секторе коэффициенты близки по значениям, рост долга в прошлом периоде влечет за собой рост ВВП в текущем периоде за счет активного наращивания инвестиций. Невысокие, по сравнению с моделью для домохозяйств, реакции на изменение ставки все равно отрицательны для всех моделей. Увеличение ставки в прошлом периоде сокращает ВВП за счет сокращения инвестирования при повышении ставок. Фиктивные переменные, иллюстрирующие кризисные события, уменьшают ВВП. Экономика в текущем периоде реагирует на изменение объема заимствований в предшествующем периоде: домохозяйства при повышении заимствований наращивают потребление, а корпорации увеличивают объемы инвестиций. Кроме краткосрочной связи изменения ВВП с коэффициентом задолженности, ставкой в прошлом периоде и дамми-переменной, мы получили наличие краткосрочных связей ставки и введенной фиктивной переменной.

Таблица 7 Приложения демонстрирует изменение ставки в зависимости от кризисного периода. Видно, что кризисные периоды оказывают влияние на решение об изменении ставки – все результаты положительны и значимы, т. е. регулирующие органы в периоды кризисов и спадов повышают ключевую ставку для сокращения кредитования посредством более высокой премии за риск.

В таблице 8 Приложения видно, что рост ВВП в предыдущем периоде оказывает положительное влияние на заимствования в текущем периоде за счет внесения оптимизма относительно экономической обстановки на рынке и ожидания агентами последующего роста, что стимулирует их брать больше займов для дальнейшего потребления и инвестиций. Однако в периоды кризисов и сами заемщики сокращают свои заимствования, как показывают нам коэффициенты перед фиктивными переменными. Итак, наращивание экономической активности снижает риски для кредиторов и стимулирует заимствования. Рассмотренные нами результаты подтверждают процикличность долга посредством анализа краткосрочных связей, а также подчеркивают важность мониторинга как краткосрочных колебаний, так и структурных дисбалансов при анализе долговой динамики, поскольку слишком высокий уровень долговой нагрузки может приводить к финансовой нестабильности в период кризиса.

² *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Таким образом, процикличность долга подтверждается во всех рассчитанных коэффициентах в корпоративном секторе. Такой вывод делается благодаря положительным значениям коэффициентов связи задолженности с ВВП и ставкой. В периоды «бума» происходит рост заимствований за счет оптимистичной экономической обстановки. Рост ставок же увеличивает стоимость обслуживания долга, что усиливает процикличность, особенно когда возникает необходимость погашать имеющуюся задолженность за счет новых кредитов. В периоды кризисов снижение ставок не всегда позволяет компенсировать снижение доходов и за счет этого усугубляет долговую нагрузку корпораций. Кроме того, все коэффициенты показывают достаточно высокую скорость коррекции при движении показателей к равновесию, знак минус демонстрирует, что при отклонении от равновесия система движется в обратном направлении и возвращается к нему во всех случаях. Для проверки моделей были проведены соответствующие тесты, результаты которых отражены в таблице 9 Приложения.

Результаты анализа процикличности долга домохозяйств

Разберем подробно поведение домохозяйств в контексте выдвинутой гипотезы о процикличности долга. Для проверки и подтверждения гипотезы мы используем аналогичные методы исследования, предварительно проведя проверку рядов на нестационарность и стационарность первых разностей. Результаты проведенных тестов (табл. 10 и 11 Приложения) указывают на нестационарность первоначальных рядов и стационарность их первых разностей, что позволяет продолжить соответствующий корпоративному сектору анализ и искать возможные точки разрыва для создания фиктивных переменных. Также с помощью теста Бай-Перрона были найдены точки структурных разрывов для двух коэффициентов, рассчитанных для домохозяйств. Они представлены в таблице 12 Приложения. Найденные точки разрывов соответствуют точкам, найденным при анализе корпоративного сектора, а также происходящим в те моменты экономическим и политическим событиям. Затем с помощью Байесовского критерия и критерия Акаике (табл. 13 Приложения) было проведено сравнение качества этих моделей в соответствии с моделями, описанными в исследовании корпоративного сектора. Байесовский критерий и критерий Акаике также указывают на желательность использования модели с константой и трендом для последующего поиска коинтеграционных соотношений. По полученным результатам тестов видно, что поведение домохозяйств аналогично поведению корпораций, и коинтеграционные уравнения соответствуют уравнениям, найденным для финансовых и нефинансовых корпораций (табл. 4).

Таблица 4

Результирующие векторы, отражающие основные взаимосвязи

Коэффициент долга	Вектор 1	Вектор 2
HH1	$\text{Log}(GDP) = 0.026 * \log(HH1) + 0.052 * \text{const} - 0.0005 * \text{trend}$	$\text{Rate} = 3.740 * \log(HH1) - 1.036 * \text{const} + 0.041 * \text{trend}$
HH2	$\text{Log}(GDP) = 0.175 * \log(HH2) + 0.042 * \text{const} - 0.000005 * \text{trend}$	$\text{Rate} = 6.395 * \log(HH2) - 0.624 * \text{const} + 0.050 * \text{trend}$

Источник: составлено авторами.

Связь коэффициентов долга с ВВП и с процентной ставкой из полученных коинтеграционных уравнений, а также скорость коррекции ВВП и ставки отражены в таблице 5.

Таблица 5

Связь коэффициентов получившихся уравнений с наличием процикличности

Коэффициент долга	Связь с ВВП	Связь со ставкой	Наличие процикличной природы	Скорость коррекции ВВП (ECT1)	Скорость коррекции ставки (ECT2)
HH1	0.026	3.740	Есть	-1.243***	-1.135***
HH2	0.175	6.395	Есть	-1.360 ³	-1.823***

Источник: составлено авторами.

³ *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

Связь долговых коэффициентов домохозяйств с ВВП и процентной ставкой так же, как и у корпоративного сектора, положительна, а скорость коррекции обоих показателей так же высока и значима, что говорит о быстром возвращении системы к долгосрочному равновесию.

Построенные функции импульсного отклика (Приложение, рис. 5 и б) для коэффициентов долга домохозяйств иллюстрируют немного отличную от корпоративного сектора ситуацию: рост ВВП при положительном шоке долга, а затем стабилизация после пятого периода, однако эффект оказывается незначим в обоих случаях. Это объясняется тем, что корпоративные инвестиции напрямую влияют на ВВП, а долг домохозяйств, связанный с потреблением, может оказывать косвенное влияние на ВВП.

Таким образом, шоки долга домохозяйств не оказывают влияния на ВВП в краткосрочной перспективе. Данный результат может объясняться тем, что во время рецессии домохозяйства расходуют образовавшиеся ранее сбережения или средства, накопленные на кредитных картах. Это позволяет не сокращать потребление и, тем самым, нейтрализовать воздействие шоков долга на ВВП. В то же время, в кризисные периоды при ужесточении условий кредитования корпорации вынуждены незамедлительно сокращать инвестиции, что уменьшает ВВП. Кроме того, домохозяйства, имеющие ипотечный кредит с фиксированной ставкой, не так чувствительны к изменению процентных ставок, как корпорации.

Кумулятивные функции импульсного отклика (рис. 7 и 8, см. Приложение) также отражают постепенный рост ВВП вследствие положительного шока долгового коэффициента, но, как и стандартные функции, незначимы.

Таким образом, мы пришли к одному и тому же выводу для всех рассчитанных коэффициентов долга – долг процикличен для всего частного сектора. В долгосрочной перспективе задолженность и домохозяйств, и финансовых учреждений, и нефинансовых корпораций движется в том же направлении, что и ВВП. Однако при краткосрочных колебаниях значимыми оказались шоки только двух коэффициентов корпоративного сектора. Как и для корпораций, модели, построенные для домохозяйств, демонстрируют отсутствие автокорреляции и ненормальности остатков, гомоскедастичность и стабильность (Приложение, табл. 14), что говорит о правильно выбранной спецификации, а также надежности и эффективности полученных результатов.

Заключение

Проведенное нами исследование позволило выявить существование устойчивой процикличности долга частных компаний и домохозяйств Великобритании, включая нефинансовые и финансовые корпорации, на протяжении периода 1987–2023 гг. Для обоснования этого использовались шесть «специализированных» коэффициентов задолженности, дифференцированных по типам экономических агентов.

Результаты эконометрического анализа подтвердили гипотезу о положительной связи между динамикой ВВП и уровнем долга, что свидетельствует о синхронности долговых и деловых циклов. При этом коэффициенты долговой нагрузки продемонстрировали различную интенсивность реакции на макроэкономические шоки. Финансовые корпорации, в силу своей зависимости от краткосрочного рефинансирования, проявили более высокую волатильность по сравнению с нефинансовым сектором.

Кроме того, в отличие от большинства подобных исследований, мы включили в анализ домохозяйства – неотъемлемую часть частного сектора. Подобное расширение подтвердило кросс-секторальный характер процикличности. И тот факт, что риски формируются не изолированно в отдельных секторах, а в результате их взаимодействия, усиливая системную уязвимость экономики.

Особую роль в усилении процикличности может играть денежно-кредитная политика Великобритании, процентная ставка Банка Англии выступает значимым фактором для всех секторов. Рост ставок в периоды подъема увеличивает стоимость обслуживания долга, что может усугублять финансовую нестабильность, создавая дополнительное давление на заемщиков. При этом высокая скорость коррекции ставок указывает на оперативную реакцию на изменение долговой нагрузки, однако в условиях кризиса этого оказывается недостаточно для предотвращения финансовой дестабилизации, вызванной быстрым наращиванием задолженности.

Механизм процикличности долга проявляется в том, что фазы экономического подъема сопровождаются активным наращиванием заимствований, тогда как в периоды спадов сокращение кредитования усугубляет рецессионные тенденции. Высокая скорость коррекции при движении к равновесию, выявленная в моделях коррекции ошибок, указывает на адаптивность системы, однако положительная связь долга с процентными ставками создает предпосылки для формирования долговой ловушки, когда рефинансирование обязательств становится критическим фактором неустойчивости.

Подтверждение процикличности частного долга требует более активного использования инструментов, направленных на сглаживание больших колебаний в уровне задолженности. В частности, необходимо учитывать, что традиционные меры денежно-кредитного регулирования могут усиливать долговые риски, особенно в условиях финансовой нестабильности. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть сосредоточены на анализе эффективности макропруденциальных мер, а также на изучении влияния структурных изменений в финансовой системе, таких как рост теневой банковской деятельности, на динамику долговых циклов в разных странах. Значимость нашей работы состоит также в возможности сформулировать критерии анализа процикличности долга для российской экономики и обосновать подходящий комплекс мер денежно-кредитной политики для финансовой стабилизации, в случае если такая процикличность подтвердится.

Литература / References

- Новикова А.Ю., Розмаинский И.В. (2020). Сектор нефинансовых частных фирм в Португалии в 2001–2017 годах: анализ на основе гипотезы финансовой хрупкости. *Вопросы экономики* (3), 115–128. [Novikova, A., Rozmainsky, I. (2020). The non-financial private firms' sector of Portugal in 2001–2017: The financial fragility hypothesis-based analysis. *Voprosy Ekonomiki* (3), 115–128 (in Russian)].
- Розмаинский И.В. (2025). Гипотеза финансовой нестабильности почти 50 лет спустя. *Terra Economicus* 23(1), 21–36. [Rozmainsky, I. (2025). The financial instability hypothesis almost 50 years later. *Terra Economicus* 23(1), 21–36 (in Russian)].
- Скоробогатов А.С. (2005). Макроэкономическая роль институтов: от онтологической неопределенности к концепции делового цикла. *Экономический вестник Ростовского государственного университета* 3(2), 83–95. [Skorobogatov, A.S. (2005). The macroeconomic role of institutions: from ontological uncertainty to the conception of the business cycle. *Economic Herald of Rostov State University* 3(2), 83–95 (in Russian)].
- Скоробогатов А.С. (2024). Денежно-кредитная политика и долговременная стабильность экономики. *Вопросы экономики* (3), 28–49. [Skorobogatov, A. (2024). Monetary policy and long-run economic stability. *Voprosy Ekonomiki* (8), 28–49 (In Russian)].
- Столбов М. (2010). Гипотеза финансовой нестабильности Хаймана Мински и экономический кризис в России. *Мировая экономика и международные отношения* (3), 56–64. [Stolbov, M. (2010). The Hyman Minsky's financial instability hypothesis and the economic crisis in Russia. *World Economy and International Relations* (3), 56–64 (in Russian)].
- Bernanke, B., Gertler, M., Gilchrist, S. (1996). The financial accelerator and the flight to quality. *Review of Economics and Statistics* 78(1), 1–15. DOI: 10.2307/2109844
- Bernanke, B., Gertler, M., Gilchrist, S. (1999). The financial accelerator in a quantitative business cycle framework. In: Taylor, J., Woodford, M. (eds.) *Handbook of Macroeconomics* (vol. 1, ch. 21, pp. 1341–1393). Elsevier.
- Chang, W. (2018). Brexit and its economic consequences. *The World Economy* 41(9), 2349–2373. DOI: 10.1111/twec.12685
- Charles, S. (2024). Does the Eurozone live in a Minskyan world? *Research in Economics* 78(4), 100984. DOI: 10.1016/j.rie.2024.100984
- Fingleton, B., Gardiner, B., Martin, R., Barbieri, L. (2023). The impact of Brexit on regional productivity in the UK. *ZfW – Advances in Economic Geography* 67(2–3), 142–160. DOI: 10.1515/zfw-2021-0061

- Gamble, A. (2014). *Crisis without End? The Unravelling of Western Prosperity*. Palgrave Macmillan.
- Hamdaoui, M., Mtiraoui, A., Aroussi, Z., Smida, M. (2025). Understanding the dynamics of financial and economic crises: a comprehensive analysis. *Cogent Social Sciences* **11**(1). DOI: 10.1080/23311886.2025.2454740
- Jordà, Ò., Taylor, A. (2016). The time for austerity: Estimating the average treatment effect of fiscal policy. *The Economic Journal* **126**(590), 219–255. DOI: 10.1111/ecoj.12332
- Kirti, D. (2025). Lending standards and output growth. *Journal of Financial Stability* **76**, 101351.
- Kiyotaki, N., Moore, J. (1997). Credit cycles. *Journal of Political Economy* **105**(2), 211–248. DOI: 10.1086/262072
- Laborda, J., Salas, V., Suárez, C. (2021). Financial constraints on R&D projects and Minsky moments: Containing the credit cycle. *Journal of Evolutionary Economics* **31**(4), 1089–1111. DOI: 10.1007/s00191-021-00721-y
- Middleton, R. (2000). *The British Economy since 1945: Engaging with the Debate*. Macmillan Press.
- Minsky, H. (1980). Capitalist financial processes and the instability of capitalism. *Journal of Economic Issues* **14**(2), 505–523. DOI: 10.1080/00213624.1980.11503759
- Minsky, H. (1986). *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven.
- Nishi, H. (2019). An empirical contribution to Minsky's financial fragility: Evidence from non-financial sectors in Japan. *Cambridge Journal of Economics* **43**(3), 585–622. DOI: 10.1093/cje/bey031
- Phan, L., Beruvides, M., Tercero-Gómez, V. (2024). Statistical analysis of Minsky's financial instability hypothesis for the 1945–2023 era. *Journal of Risk and Financial Management* **17**(1), 32. DOI: 10.3390/jrfm17010032
- Reinhart, C., Rogoff, K. (2014). Recovery from financial crises: Evidence from 100 episodes, *American Economic Review* **104**(5), 50–55. DOI: 10.1257/aer.104.5.50
- Stockhammer, E., Jump, R., Kohler, K., Cavallero, J. (2019), Short and medium term financial-real cycles: an empirical assessment. *Journal of International Money and Finance* **94**, 81–96. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2019.02.006
- Stockhammer, E., Gouzoulis, G. (2023). Debt-GDP cycles in historical perspective: The case of the USA (1889–2014). *Industrial and Corporate Change* **32**(2), 317–335. DOI: 10.1093/icc/dtac043
- Thomas, R., Hills, S., Dimsdale, N. (2010). The UK recession in context – What do three centuries of data tell us? *Bank of England Quarterly Bulletin* **50**(4), 277–291.

Приложение

Таблица 1

Результаты проверки первоначальных рядов на стационарность

Показатель \ Тест	ADF-test ^{*4}	KPSS-test ^{**}	PP-test ^{***}	Вывод
Log(NFC1)	0.53	0.1	0.43	Ряд нестационарен
Log(NFC2)	0.66	0.04	0.25	Ряд нестационарен
Log(NFC3)	0.97	0.02	0.89	Ряд нестационарен
Log(FC)	0.77	0.01	0.69	Ряд нестационарен

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Результаты проверки первых разностей на стационарность

Показатель \ Тест	KPSS-test ^{**}	PP-test ^{***}	Вывод
Df_log(NFC1)	0.1	0.01	Ряд стационарен
Df_log(NFC2)	0.1	0.01	Ряд стационарен
Df_log(NFC3)	0.1	0.01	Ряд стационарен
Df_log(FC)	0.1	0.01	Ряд стационарен

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Результаты проверки первоначальных данных о ВВП и ставке и их первых разностей на стационарность

Показатель \ Тест	ADF-test ^{*5}	KPSS-test ^{**}	PP-test ^{***}	Вывод
Log(GDP)	0.49	0.01	0.47	Ряд нестационарен
Rate	0.54	0.01	0.49	Ряд нестационарен
Df_log(GDP)	0.04	0.1	0.01	Ряд стационарен
Df_Rate	0.01	0.1	0.03	Ряд стационарен

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Результаты поиска точек структурных разрывов, соотнесенные с соответствующими годами

Модель \ Точка разрыва	1	2	3	4
Model_NFC1	1995	2001	2011	
Model_NFC2	1996	2007		
Model_NFC3	1992	1999	2010	2015
Model_FC	1992	2003	2009	

Источник: составлено авторами.

⁴ * H₀ = наличие единичного корня; ** H₀ = ряд стационарен; *** H₀ = наличие единичного корня

⁵ * H₀ = наличие единичного корня; ** H₀ = ряд стационарен; *** H₀ = наличие единичного корня.

Таблица 5

Сравнение моделей в соответствии с информационными критериями

Коэффициент	Модель	С константой и трендом		С константой	
		AIC	BIC	AIC	BIC
NFC1		-346.01	-278.61	-331.85	-268.76
NFC2		-370.56	-340.03	-360.11	-334.16
NFC3		-409.15	-378.62	-393.89	-367.95
FC		-354.81	-324.28	-346.19	-320.25

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Коэффициенты уравнений VECM, отражающие краткосрочные связи для изменения ВВП

$\Delta \log GDP_t$	$\Delta \log coef_{t-1}$	$\Delta rate_{t-1}$	dummy
HH1	0.0498 ^{*6}	-0.0007 [*]	-0.0013 ^{**}
HH2	0.4343 [*]	-0.1634 ^{**}	-0.0218 ^{***}
NFC1	0.1127 [*]	-0.0101 ^{**}	-0.0138 ^{**}
NFC2	0.1035 [*]	-0.0034 ^{**}	-0.0002 [*]
NF3	0.1589 ^{**}	-0.0013 ^{***}	-0.0004 ^{**}
FC	0.1628 ^{***}	-0.0003 ^{**}	-0.0082 ^{***}

Источник: составлено авторами.

Таблица 7

Коэффициенты уравнений VECM, отражающие краткосрочные связи для изменения процентной ставки

$\Delta rate_t$	dummy
HH1	0.0416 ^{*7}
HH2	1.4248 ^{**}
NFC1	0.5357 ^{**}
NFC2	0.5141 ^{***}
NF3	0.1107 ^{**}
FC	0.6275 ^{**}

Источник: составлено авторами.

Таблица 8

Коэффициенты уравнений VECM, отражающие краткосрочные связи для изменения коэффициента долга

$\Delta \log coef_t$	$\Delta \log GDP_{t-1}$	dummy
HH1	0.4700 ^{***}	-0.0212 ^{**}
HH2	5.1247 [*]	-4.1155 [*]
NFC1	4.2395 [*]	-3.0852 [*]
NFC2	1.0285 ^{**}	-0.0650 ^{**}
NF3	1.0659 ^{**}	-0.0444 ^{***}
FC	0.7490 ^{***}	-0.0434 ^{***}

Источник: составлено авторами.

⁶ *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

⁷ *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

Таблица 9

Результаты проверки моделей

Тест	NFC1	NFC2	NFC3	FC
Автокорреляция (serial.test)	0,251	0,921	0,936	0,919
Нормальность остатков (normality.test)	0,398	0,245	0,212	0,350
Гетероскедастичность (acrh.test)	0,902	0,612	0,612	0,612
Стабильность модели (roots)	+	+	+	+

Источник: составлено авторами.

Таблица 10

Результаты проверки первоначальных рядов на стационарность

Коэффициент долга	ADF-test*	KPSS-test**	PP-test***	Вывод
НН1	0.34	0.1	0.68	Нестационарен
НН2	0.63	0.01	0.83	Нестационарен

Источник: составлено авторами.

Таблица 11

Результаты проверки первых разностей на стационарность

Коэффициент долга	KPSS-test**	PP-test***	Вывод
НН1	0.1	0.01	Стационарен
НН2	0.1	0.01	Стационарен

Источник: составлено авторами.

Таблица 12

Результаты поиска точек структурных разрывов, соотнесенные с соответствующими годами

Модель \ Точка разрыва	1	2	3
	Model_НН1	1992	2001
Model_НН2	1997	2005	

Источник: составлено авторами.

Таблица 13

Сравнение моделей в соответствии с информационными критериями

Коэффициент \ Модель	С константой и трендом		С константой	
	AIC	BIC	AIC	BIC
НН1	-390.43	-369.90	-386.21	-360.26
НН2	-316.43	-265.16	-288.90	-240.90

Источник: составлено авторами.

Таблица 14

Результаты проверки моделей

Тест	НН1	НН2
Автокорреляция	0,9489	0,992
Нормальность остатков	0,340	0,3356
Гомоскедастичность	0,612	0,9998
Стабильность модели	+	+

Источник: составлено авторами.

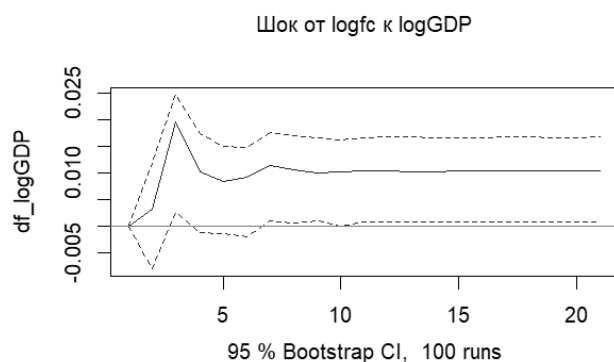

Рис. 1. Функция импульсного отклика от долгового коэффициента № 3 нефинансовых корпораций к ВВП
 Источник: расчеты авторов.

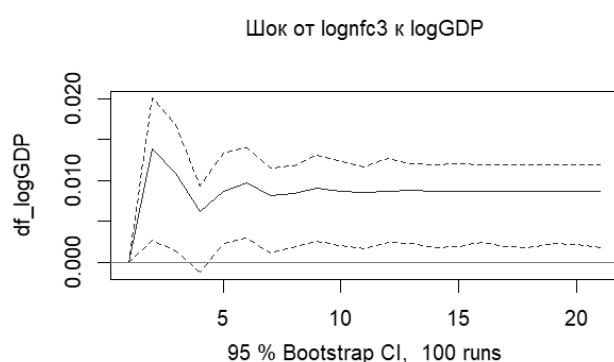

Рис. 2. Функция импульсного отклика от долгового коэффициента финансовых корпораций к ВВП
 Источник: расчеты авторов.

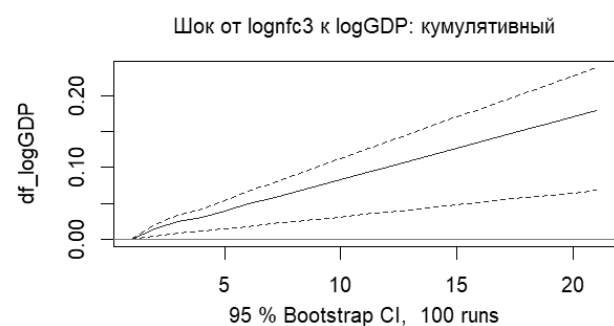

Рис. 3. Кумулятивная функция импульсного отклика от долгового коэффициента № 3 нефинансовых корпораций к ВВП

Источник: расчеты авторов.

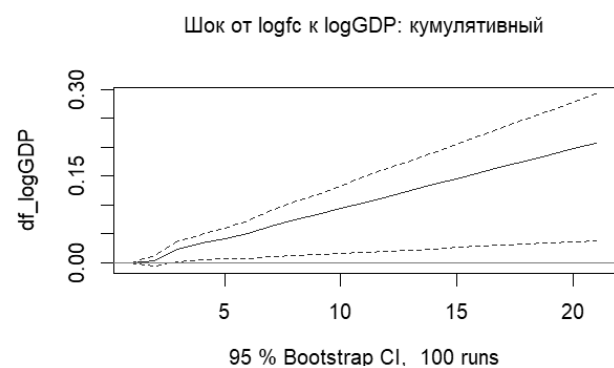

Рис. 4. Кумулятивная функция импульсного отклика от долгового коэффициента финансовых корпораций к ВВП
 Источник: расчеты авторов.

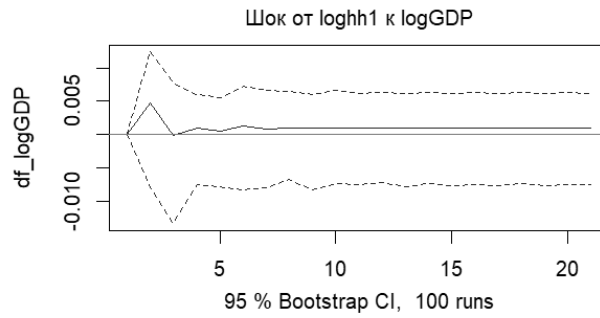

Рис. 5. Функция импульсного отклика от долгового коэффициента № 1 домохозяйств к ВВП
 Источник: расчеты авторов.

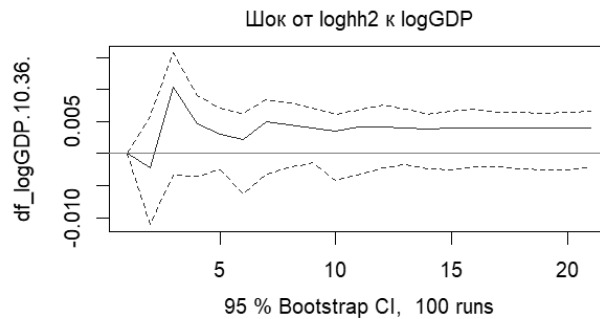

Рис. 6. Функция импульсного отклика от долгового коэффициента № 2 домохозяйств к ВВП
 Источник: расчеты авторов.

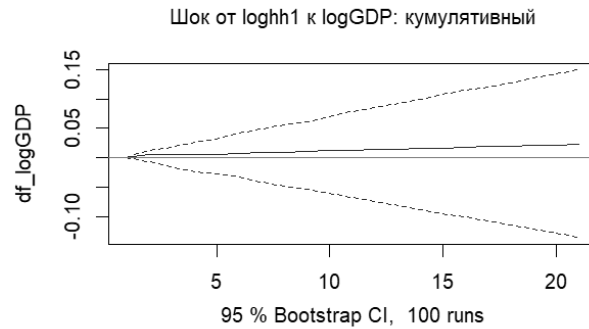

Рис. 7. Кумулятивная функция импульсного отклика от долгового коэффициента № 1 домохозяйств к ВВП
 Источник: расчеты авторов.

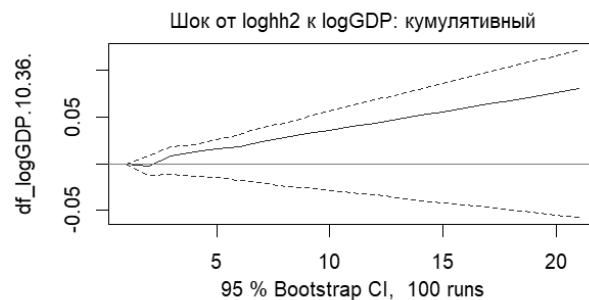

Рис. 8. Кумулятивная функция импульсного отклика от долгового коэффициента № 2 домохозяйств к ВВП
 Источник: расчеты авторов.

Формула VECM в общем виде

$$\Delta y_t = \alpha \beta y_{t-1} + \sum \Gamma_i \Delta y_{t-1} + \Phi D_t + \epsilon_t,$$

где: $\Delta y_t = y_t - y_{t-1}$; $y_t = (y_{1t}, y_{2t}, \dots, y_{kt})$ – вектор k временных рядов в момент времени t ; α – матрица скорости коррекции; β – матрица коинтегрирующих векторов; βy_{t-1} – ошибки коррекции (ЕСТ); Γ_i – матрицы краткосрочных динамических коэффициентов; D_t – вектор экзогенных переменных (дамми); Φ – коэффициенты при экзогенных переменных; ϵ_t – вектор белого шума.

Уравнения ВЕСМ

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta \log GDP_t = -1.243ECT1_{t-1} + 0.0027ECT2_{t-1} + 0.3439\Delta \log GDP_{t-1} - 0.0007\Delta rate_{t-1} + \\ \quad + 0.0498\Delta \log hh1_{t-1} - 0.0013 \text{ dummy} + \epsilon_{1t} \\ \Delta rate_t = 21.2695ECT1_{t-1} - 1.1349ECT2_{t-1} + 0.2109\Delta rate_{t-1} - 0.358\Delta \log GDP_{t-1} \\ \quad + 1.6971\Delta \log hh1_{t-1} + 0.0416 \text{ dummy} + \epsilon_{2t} \\ \Delta \log hh1 = 0.3944ECT1_{t-1} - 0.0033ECT2_{t-1} + 0.47\Delta \log GDP_{t-1} - 0.0031\Delta rate_{t-1} - \\ \quad - 0.5369\Delta \log hh1_{t-1} - 0.0212 \text{ dummy} + \epsilon_{3t} \\ \left\{ \begin{array}{l} ECT1 = \log GDP_{t-1} - 0.025\log hh1_{t-1} - 0.052\text{const} - 0.0005\text{trend} \\ ECT2 = rate_{t-1} - 3.740\log hh1_{t-1} + 1.036\text{const} + 0.041\text{trend} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta \log GDP_t = -10.3601ECT1_{t-1} + 0.2092ECT2_{t-1} + 8.2031\Delta \log GDP_{t-1} - \\ \quad - 0.16344\Delta rate_{t-1} + 0.4343\Delta \log hh2_{t-1} - 0.0218 \text{ dummy} + \epsilon_{1t} \\ \Delta rate_t = -148.1079ECT1_{t-1} - 1.8228ECT2_{t-1} + 1.9584\Delta rate_{t-1} - 144.4146\Delta \log GDP_{t-1} \\ \quad + 1.0025\Delta \log hh2_{t-1} + 128.4278\text{dummy} + \epsilon_{2t} \\ \Delta \log hh2 = 6.3585ECT1_{t-1} - 0.0802ECT2_{t-1} + 5.1247\Delta \log GDP_{t-1} - 0.0689(\Delta rate_{t-1} - \\ \quad - 0.5369\Delta \log hh2_{t-1} - 4.1155 \text{ dummy} + \epsilon_{3t} \\ \left\{ \begin{array}{l} ECT1 = \log GDP_{t-1} - 0.175\log hh2_{t-1} - 0.042\text{const} + 0.000005\text{trend} \\ ECT2 = rate_{t-1} - 6.395\log hh2_{t-1} + 0.624\text{const} - 0.050\text{trend} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta \log GDP_t = -1.4309ECT1_{t-1} + 0.0245ECT2_{t-1} + 0.792\log GDP_{t-1} - 0.0101\Delta rate_{t-1} + \\ \quad + 0.1127\Delta \log nfc1_{t-1} - 0.0138 \text{ dummy} + \epsilon_{1t} \\ \Delta rate_t = 39.2837ECT1_{t-1} - 1.5216ECT2_{t-1} + 0.4991\Delta rate_{t-1} - 12.735\Delta \log GDP_{t-1} \\ \quad + -1.9171\Delta \log nfc1_{t-1} + 0.0416 \text{ dummy} + \epsilon_{2t} \\ \Delta \log nfc1 = 6.5788ECT1_{t-1} - 0.0517ECT2_{t-1} + 4.2395\Delta \log GDP_{t-1} - 0.0469\Delta rate_{t-1} - \\ \quad - 0.0949\Delta \log nfc1_{t-1} - 0.0212 \text{ dummy} + \epsilon_{3t} \\ \left\{ \begin{array}{l} ECT1 = \log GDP_{t-1} - 0.094\log nfc1_{t-1} - 0.058\text{const} + 0.0008\text{trend} \\ ECT2 = rate_{t-1} - 2.42\log nfc1_{t-1} + 0.47259\text{const} - 0.02\text{trend} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta \log GDP_t = -0.437ECT1_{t-1} + 0.004ECT2_{t-1} + 0.0442\Delta \log GDP_{t-1} - 0.0034\Delta rate_{t-1} - \\ \quad - 0.1035\Delta \log nfc2_{t-1} - 0.0002 \text{ dummy} + \epsilon_{1t} \\ \Delta rate_t = 31.1492ECT1_{t-1} - 1.1654ECT2_{t-1} - 6.832\Delta \log GDP_{t-1} + 0.2477\Delta rate_{t-1} + \\ \quad + 0.8211\Delta \log nfc2_{t-1} - 0.5141 \text{ dummy} + \epsilon_{2t} \\ \Delta \log nfc2 = 1.9936ECT1_{t-1} + 0.0052ECT2_{t-1} + 1.0285\Delta \log GDP_{t-1} - 0.00121\Delta rate_{t-1} - \\ \quad - 0.0489\Delta \log nfc2_{t-1} - 0.065 \text{ dummy} + \epsilon_{3t} \\ \left\{ \begin{array}{l} ECT1 = \log GDP_{t-1} - 0.06295\log nfc2_{t-1} - 0.0643\text{const} + 0.008\text{trend} \\ ECT2 = rate_{t-1} - 18.0650\log nfc2_{t-1} + 0.803\text{const} - 0.036\text{trend} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta \log GDP_t = -1.076ECT1_{t-1} + 0.00089ECT2_{t-1} - 0.2734\Delta \log GDP_{t-1} - 0.0013\Delta rate_{t-1} - \\ \quad + 0.1589\Delta \log nfc3_{t-1} - 0.0004 \text{ dummy} + \epsilon_{1t} \\ \Delta rate_t = 19.333ECT1_{t-1} - 1.1023ECT2_{t-1} + 1.0607\Delta \log GDP_{t-1} + 0.2596\Delta rate_{t-1} + \\ \quad - 0.1589\Delta \log nfc3_{t-1} + 0.1107 \text{ dummy} + \epsilon_{2t} \\ \Delta \log nfc3 = 1.898ECT1_{t-1} - 0.0132ECT2_{t-1} + 1.659\Delta \log GDP_{t-1} - 0.0108\Delta rate_{t-1} - \\ \quad - 0.3478\Delta \log nfc3_{t-1} - 0.0444 \text{ dummy} + \epsilon_{3t} \\ \left\{ \begin{array}{l} ECT1 = \log GDP_{t-1} - 0.409\log nfc3_{t-1} - 0.055\text{const} + 0.009\text{trend} \\ ECT2 = rate_{t-1} - 8.942\log nfc3_{t-1} + 1.109\text{const} - 0.0414\text{trend} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta \log GDP_t = -0.8083ECT1_{t-1} + 0.0019ECT2_{t-1} + 0.1934\Delta \log GDP_{t-1} - 0.0003\Delta rate_{t-1} - \\ \quad + 0.1628\Delta \log fct_{t-1} - 0.0082 \text{ dummy} + \epsilon_{1t} \\ \Delta rate_t = 29.922ECT1_{t-1} - 1.1978ECT2_{t-1} - 7.5428\Delta \log GDP_{t-1} + 0.0003\Delta rate_{t-1} + \\ \quad - 0.1628\Delta \log fct_{t-1} + 0.6275 \text{ dummy} + \epsilon_{2t} \\ \Delta \log fct = 1.879ECT1_{t-1} - 0.0133ECT2_{t-1} + 0.749\Delta \log GDP_{t-1} + 0.2244\Delta rate_{t-1} - \\ \quad - 0.296\Delta \log fct_{t-1} - 0.0434 \text{ dummy} + \epsilon_{3t} \\ \left\{ \begin{array}{l} ECT1 = \log GDP_{t-1} - 0.261\log fct_{t-1} - 0.64\text{const} + 0.0006\text{trend} \\ ECT2 = rate_{t-1} - 9.443\log fct_{t-1} + 0.558\text{const} - 0.039\text{trend} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**TERRA ECONOMICUS
(ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ)**

2026

Том 24

Номер 1

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Адрес издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Тел.: +7 (863) 218-40-00, 219-97-49 **e-mail:** info@sfedu.ru **сайт:** <http://sfedu.ru/>

Адрес редакции: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211
Тел.: +7 (863) 250-59-57 **e-mail:** terraeconomicus@mail.ru **сайт журнала:** <http://te.sfedu.ru/>

Сдано в набор: 8.03.2026. Подписано в печать: 12.03.2026

Выход в свет: 31.03.2026

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Officina Serif.

Печать офсетная. Усл. п. л. 17,9. Уч.-изд. л. 24,9.

Тираж 28 экз. Заказ № 256. С. 154.

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен ООО «Наука-Спектр»
Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140
Тел.: +7 (863) 269-09-71

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.